ПИОНЕР 3

1985

6 марта 1985 года исполняется 150 лет со дня рождения М. А. Ульяновой

«Огромное влияние на нас оказала мать, Мария Александровна, сочетавшая в себе все лучшие качества матери-педагога: безграничную любовь к детям, большой ум, организованность, жизнерадостность, чуткость и такт, твердость воли и силу характера».

Дмитрий Ильич УЛЬЯНОВ.

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

СЛОВО О МАТЕРИ

Памяти Марии Александровны Ульяновой

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

Еще так сонно дышит сад
в лучах зари весенней,
еще едва-едва блестят
росинки на сирени,
еще и в доме тишина —
там спят и муж, и дети,
а ей не спится: в сад одна
выходит на рассвете.
И яблони кивают ей
цветущими ветвями,
и утренние сны детей
летят вдогонку маме.
Пускай забот полно с утра —
она заботам рада...
«Ну что ж, моим вставать пора!»
И эту свежесть сада
с улыбкой в дом она внесла,
к роялю тихо села —
мелодия, легка, светла,
вспорхнула, полетела.
И вот уж комнаты звенят
от голосов ребячьих.
Спокойна мама: в доме лад,
никто нигде не плачет.
Сегодня в сборе вся семья —
тревоги пусть растают.
И дочери, и сыновья
так быстро вырастают!

...Занятий, игр, домашних дел
хватило всем. Уж поздно:
закат весенний отгорел,
и в небе стало звездно.
Гудят буксиры вдалеке —
по Волге баржи тащат...
Хозяйка со свечой в руке
идет проведать спящих.
Поправит, свой начав обход,
подушки Мане, Мите;
к Володе, к Оле подойдет,
укроет: — Спите, спите!
Потом на несколько минут
заглянет к Ане, к Саше.
И мысль мелькнет: «Куда ж ведут
пути-дороги ваши?»
Перед глазами чуть дрожит
свечи высокой пламя...
«Пусть вас ничто не устрашит,
пока я вместе с вами!»

* * *

И Нижний, и Саратов, и другие
ее доныне помнят города:
в скитаньях непрестанных пол-России
пришлось обжить за долгие года.
Дороги не по карте избирала —
по судьбам и делам своих детей.
И знала: встанет поздно или рано
заря, к которой легких нет путей.
Сумела подчинить свои тревоги
той правде, цели той, что так светла.
Любовью к детям выстелив дороги,
с детьми — навстречу будущему шла!

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

Выходит с 15 марта 1924 г.

М. МАТВЕЕВА

Верность

Школьный музей

Музей Марии Александровны Ульяновой в школе № 2 города Ульяновска. Тихо. Идут уроки. На перемене ко мне придет шестиклассница Саша Костягина (про нее говорят, что она лучший экскурсовод в музее), все расскажет и покажет. А пока я предоставлена самой себе. Осматриваю экспозицию.

На стенах музея висят фотографии. Вот девушка стоит, гордо выпрямившись и откинув назад голову. Строгое, спокойное лицо. Пожилой мужчина с окладистой седой бородой отдыхает, сидя в кресле. Женщина в чепце опустила руки на подлокотники кресла...

Мария Александровна, в то время еще Маша. Александр Дмитриевич — ее отец. Екатерина Ивановна — тетка, воспитавшая детей своей рано умершей сестры.

В витрине макет комнаты Марии Александровны Ульяновой, когда была она уже хозяйкой большой семьи. Комната маленькая, уютная, отгорожена ширмой от коридора. Убранство в ней самое простое, и нет, как, впрочем, и во всем доме Ульяновых не было вещей, не нужных хозяевам. Ульяновы не украшали свою жизнь вещами.

Зато ценили все, сделанное своими руками.

Под стеклом в музее — резная деревянная шкатулка и ажурная, выпиленная из фанеры подставка для хлеба. На табличке читаю: это копии тех вещей, что Саша Ульянов сделал в подарок маме. Копии выполнил ученик 2-й школы Дима Шнурцев.

А вот фотокопии сборника детских песен «Гусельки». Эти песни Мария Александровна пела своим детям, когда они были совсем маленькими...

Позже я узнаю, что школьному музею 19 лет. Несколько поколений ребят сменилось в совете музея, разные учителя руководили ребятами в эти годы, даже экспозиция совершенно обновлялась четырежды, но задачи музея все эти годы те же: узнать о жизни Марии Александровны Ульяновой, о том, как растила и воспитывала она своих детей, и рассказать об этой семье многим-многим людям.

Идет поиск

Приезжают в музей школьники и взрослые со всех концов страны, смотрят, слушают, а часто и советуют, каких еще людей можно расспросить, в каких архивах поискать документы, рассказывающие о жизни Марии Александровны.

Я смотрю бумаги, присланные несколько лет назад учениками школы № 10 города Челябинска. Челябинцы написали о том, как они искали в городе Златоусте дом, где жил доктор Александр Дмитриевич Бланк в 1845—1847 годах.

В те годы служил он врачом при Златоустовском оружейном заводе. В Златоустовском филиале государственного архива Челябинской области сохранились приказы о назначении его на эту должность, о выплате ему жалованья, сохранились протоколы с его подписью о травмах, полученных рабочими на заводе, о смертельных исходах несчастных случаев...

Из одного документа узнали челябинские ребята, что доктору были выписаны стройматериалы от завода для ремонта казенной квартиры. Значит, жил он в квартире, положенной врачу от завода. По старому плану города установили, что госпиталь в середине прошлого века находился в доме, где сейчас медицинское училище. Ныне это дом № 39 по улице Ленина. А врач всегда жил (и по воспоминаниям старожилов и по мемуарам тех лет) в доме рядом. Дом этот построен в то же время, что и госпиталь. И по архитектурному стилю они едины, значит, сразу так было задумано: госпиталь и тут же дом для доктора. Вот в этом доме, сейчас это дом № 41, и прошло отрочество Марии Александровны.

Какое вроде имеет значение отдельный факт: в каком доме сто лет назад жил человек, на каких документах свою подпись ставил... Но вот на перемене пришла Саша Костягина и стала мне о Марии Александровне рассказывать, и я поняла: раздумывая над отдельными фактами жизни родных Марии Александровны, мы начинаем понимать характер этой женщины, ее взгляды на мир, ее поступки. Из маленьких черточек вырисовывается картина всей жизни человека.

...Небольшой уральский городок первой половины XIX века. Оружейный завод, где с утра до вечера пропадает доктор. Непосильный труд рабочих, болезни, травмы... И хоть дети доктора всей заводской жизни не видят, отголоски этой жизни долетают и до них. Они слышат разговоры взрослых. Видят, как часто нет дома отца и какое у него озабоченное лицо, когда возвращается он с завода... Так постепенно дети доктора начинают осознавать бедственное положение рабочего люда.

Шестерых детей доктора воспитывает их тетка, строгая, даже немного чопорная женщина. Она обучает их иностранным языкам, музыке. А отец придает огромное значение гигиене, закалке тела. Он поборник простой пищи, не позволяет закармливать и баловать детей. Дети вырастают дружные, трудолюбивые. А Маша мечтает свою жизнь посвятить народу: нести ему знания, культуру...

Ульяновские ребята и сами поиск ведут, не только чужими находками пользуются. Например, ищут сейчас бывшего сотрудника Дома-музея В. И. Ленина и бывшую жительницу их города Татьяну Викторовну Егорову.

Есть в школьном музее такая фотография: Дмитрий Ильич Ульянов с женой и дочерью в родном городе, среди сотрудников Дома-музея В. И. Ленина. Фотография была сделана в 1942 году, когда Дмитрий Ильич жил в Ульяновске. Тогда Дмитрий Ильич рассказывал сотрудникам Дома-музея о своем детстве, о матери и отце. Вот бы встретиться с

сотрудниками, снятыми на фотографии... Но никого из них в живых уже не осталось, кроме... Может быть, жива еще Татьяна Викторовна Егорова? Она из Ульяновска уехала в 1944 году, а куда, ребятам неизвестно.

Татьяна Викторовна, вас ищут школьники, откликнитесь!

Первый учитель своих детей

Кончились уроки, и в музей прибежали девочки — самые активные члены совета. Я спросила, что знают они о жизни Марии Александровны, как представляют ее характер. Какие поступки Марии Александровны их особенно поразили и восхитили?

На Ларису Силаеву произвело огромное впечатление то, с каким достоинством всегда держалась Мария Александровна в трудные для нее минуты. Мария Александровна пережила 22 ареста своих детей. Часто, к сожалению, слишком часто, ей приходилось обращаться с просьбами в департамент полиции, к тюремному начальству. Однажды директор департамента полиции усмехнулся ей в лицо, мол, хороши у вас детки: одного повесили, о другом тоже веревка плачет... «Я горжусь своими детьми»,— ответила ему Мария Александровна.

Лену Гришандину восхитила верность Марии Александровны своим детям. Она всюду следовала за ними и была рядом с тем, кому в тот момент было труднее. В музее хранится фотокопия паспорта Марии Александровны. Уже после шестидесяти лет сорок три раза она меняла прописку! В конце жизни, что ни год, она едет то к одному из своих детей, то к другому.

То вся семья переезжает в Москву, чтобы Дмитрий там мог поступить в университет. То мать едет в Петербург для свидания с арестованным сыном Владимиром. То провожает до Тулы Владимира Ильича, который едет в ссылку в Шушенское. Потом опять спешит в Тулу — там нелегально проживает Дмитрий, вместе с ним живет в Подольске. С Анной и Владимиром Ильичем отправляется в Уфу — там отбывает остаток ссылки Надежда Константиновна. Едет в Нижний Новгород — там в ссылке живет Мария. Владимир Ильич в эмиграции, и Мария Александровна едет за границу, во Францию, чтобы повидать сына. А потом в Самару, в ссылку к Марии. Наконец, семья собралась в Киеве. Но на Новый год были арестованы сразу Дмитрий с женой, Анна и Мария. Марии Александровне 69 лет, у нее больное сердце, грудная жаба — так тогда называли стенокардию. Но она каждый день готовит еду на четверых, печет пироги и носит передачи детям в тюрьму. Потом еще раз едет за границу, в Стокгольм, к Владимиру Ильичу. А затем живет в Вологде, туда сослана Мария... В то время матери было почти восемьдесят.

Сашу Костягину поражает трудолюбие Марии Александровны. Ее руки никогда не знали покоя. Еще в детстве она научилась шить, вязать, вышивать, потом обшивала своих детей и в 80 лет, когда жила в Вологде, продолжала шить и рукодельничать, да еще мечтала... учить крестьянских детей. В 63 года Мария Александровна переводила рассказы с иностранных языков. Переводы печатались в газете «Сибирская жизнь». В музее есть копия одного номера этой газеты.

Александр Дмитриевич — отец Марии Александровны.

Со Светой Голубь мы вспомнили один случай из жизни Марии Александровны, случай времен ее молодости. Маша приехала в Пензу к сестре. Сестра ее Анна была замужем за Иваном Дмитриевичем Веретенниковым, преподавателем мужского дворянского института, страстным книжником. В доме Веретенниковых часто собирались коллеги Ивана Дмитриевича, кстати, там Маша и познакомилась

Екатерина Ивановна — тетка.

со своим будущим мужем Ильей Николаевичем Ульяновым. В это время Маша готовится сдавать экзамены на звание домашней учительницы. Но все преподаватели Пензы знакомы с Иваном Дмитриевичем, и Маша опасается, что они могут снисходительно отнестись к ее знаниям только потому, что она родственница Ивана Дмитриевича. А ей снисхождения и необъективных оценок не надо. Поэтому Маша едет сдавать экзамены в Самару, где ее никто не знает. И сдает их успешно.

Мария Александровна. 1863 год.

Учительствовать Марии Александровне не пришлось. Но она была первым учителем своих детей, передала им то, что получила в своей семье от отца и тетки: любовь к музыке, знание языков, стремление к широкому, разностороннему образованию, а еще трудолюбие, честность, чувство справедливости...

Имя вошло в историю

Почему имя Марии Александровны вошло в историю человечества наряду с именами выдающихся ученых, мыслителей, вождей, размышляли мы с девочками — членами совета музея. Только ли за то, что вырастила она детей, ставших известными всему миру?

Мария Александровна прожила долгую, непростую жизнь.

В начале своей жизни Мария Александровна — заботливая мать и жена, хозяйка большой семьи. Смысл той ее жизни был в детях. Она отдавала им все: душу, ум, знания, время.

Ульяновы, пока дети были маленькими, жили замкнуто. С городским «светом» не общались. К отдыху и развлечениям вне семьи не стремились. Почти никуда не ездили, только с детьми на лето в Кокушкино — небольшое имение, которое осталось Марии Александровне и ее сестрам от отца. И когда повзрослевшие сыновья и дочери Марии Александровны стали на сложный путь революции, не сразу сердце матери смирилось и поддержало их. Очень уж страшных жертв требовала революция от ее детей.

После казни Саши и ссылки Анны оставаться в Симбирске Ульяновым было тяжело. Теперь Мария Александровна в глазах города не вдова действительного статского советника, всеми уважаемого человека, а мать государственного преступника. И еще одна причина была, чтобы покинуть Симбирск. Мария Александровна считала, что Саша оступился, и случилось это потому, что жил он в Петербурге один, без нее. Мать решила не отпускать Володю одного в университет, а со всеми детьми переехать в Казань.

Поступив в университет, Владимир Ильич принял участие в студенческой сходке, как один из зачинщиков был арестован и выслан в Кокушкино.

Мария Александровна ездила в Петербург хлопотать, чтобы сына восстановили в университете или разрешили ему учиться за границей. Ей хотелось, чтобы сын все-таки получил образование и специальность. Хлопоты были сложными и длительными, и в результате их Владимир Ильич получил разрешение сдать экзамен за весь университетский курс экстерном.

Наверное, последней попыткой уберечь Володю от опасного пути была покупка хутора близ деревни Алакаевка под Самарой на деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске. Вдруг сын займется хозяйством, думала Мария Александровна, привяжется к земле? Но надежды ее не оправдались.

Владимир Ильич через два года после сдачи экзаменов поехал в Петербург. Один, потому что его ждала нелегальная революционная работа, опасность арестов. Матери с младшими детьми лучше было жить отдельно, в Москве.

Изменилась жизнь Марии Александровны. После долгих бессонных ночей и раздумий она поняла, что дети не принадлежат больше ей. Как бы ни хотела она уберечь их от опасностей выбранного пути, они с этого пути не сойдут. Можно помогать им по мере сил, выручать их, но не отговаривать и не мешать. И Мария Александровна стала ездить за своими детьми из ссылки в ссылку, писать прошения и хлопотать об их освобождении... Когда дети были в тюрьме, Мария Александровна носила им книги. Она просматривала все периодические издания, искала, отбирала литературу, которая интересовала ее детей. Она стала помощником своим детям. Теперь они вели ее, и она шла за ними. Эта жизнь Марии Александровны и возвеличила ее, вписала ее имя в историю.

* * *

150 лет со дня рождения Марии Александровны Ульяновой исполняется в марте этого года. Пионеры и комсомольцы школы № 2 города Ульяновска заложили этой осенью парк имени Марии Александровны — в память о Великой Матери.

М. ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской
и премии Ленинского комсомола

НА ГРАН-РЮ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

12

День за днем миновал месяц, истекает другой. Близится окончание школы. Много знаний, партийной энергии получили и каждый день и час получают слушатели Ленинской школы! Преподаватели умело учат рабочих, рабочие умно и внимательно слушают: ни единое слово лекций и бесед не улетает на ветер, хранится в сердце и памяти.

Владимир Ильич в школе ежедневно. Бодрый, подтянутый, с галстуком, несмотря на жару. Лекции о марксистской науке и политэкономии читает четыре, пять, а то и шесть часов в день. Как хорош! Как интересен и прост! Слушатели с глубоким уважением говорят о нем между собой.

Чугурин, испытавший жандармские преследования, ссылку, тюрьму, сохранил в себе что-то трогательно ребяческое, оттого близко знался с мальчишками Андрэ и Жюстеном, а заодно и подружкой их Стрекозой. Им открывал свое отношение к Ленину.

— Юные товарищи, глядите на него, слушайте! Он великий человек, верьте моему чутью и пролетарскому глазу!

— Переведи,— торопит Андрюшу Жюстен.

Стрекоза переводит, опережая Андрюшу:

— Великий человек! Мечтает, чтобы простые люди были счастливыми.

«Простые люди,— думает Жюстен.— Значит, и отец. Отцу трудно. И скучно. Не хочу жить скучно. Пусть трудно, не хочу скучно».

Слушатели Ленинской школы жили в напряженном труде, и ни секунды им не было скучно.

Однажды за завтраком в общей столовой, где вела хозяйство мама Стрекозы тетя Катя Мазанова, Владимир Ильич, более, чем всегда, оживленный, с веселым блеском в глазах, сказал:

— Сегодня, товарищи, к нам прибывает изумительно образованный человек.

— Образованней вас нет,— заявил Чугурин.

— Во-первых, неловко слушать похвалы в лоб,— почти сердито оборвал Владимир Ильич.— Во-вторых, многим далеко до его знаний и таланта в искусстве.

— О! — загудел хор голосов. Понятно, в Лонжюмо прибывает Анатолий Васильевич Луначарский. Слушатели встречали его еще до приезда в Лонжюмо, когда съезжались из России в Париж. Худой, узкоплечий, с высоким покатым лбом, прямым, слегка длинным носом, при усах и коротенькой бородке, в пенсне, он водил их в Лувр, Версаль, рассказывал историю Франции, будто всю ее сам пережил. Показывал картины художников, загорался, раскрывая их суть, форму, цвет, что неподготовленным взглядом не очень-то и различишь.

«Спасибо, Владимир Ильич! — думали слушатели.— Спасибо за счастье учиться в школе Лонжюмо. Услыхали неслыханное, повидали невиданное. Ваша забота, Владимир Ильич, взгляд в будущее. Вера ваша, что мы, пролетарии, станем неустрашимо биться за революцию, которая построит для народа красивую жизнь».

Понимали рабочие, мечтает Владимир Ильич о такой жизни для рабочего народа, вольной, безбедной и... красивой. Красота нам нужна. Душа скучает о красоте. Глаз ищет красоту. Не нарядность, не пышность... Песню, от которой ласковой печалью заходится сердце. Пестрые поля, летний ветерок гонит бесшумные волны ржаных колосьев, будто море тихо бежит. Жарким солнцем горит под окном золотой подсолнух и не сгорает. Родная земля!

Учат в Ленинской школе политике. Читаются лекции о профессиональном движении, об истории большевистской и буржуазных партий в России, о философских течениях, об аграрном вопросе, но и художественная литература и искусство не забыты. Чудеса, как много можно узнать, когда жаждешь узнавать и каждый час наполнен трудом!

Вот Анатолий Васильевич Луначарский и приехал. Они еще не разошлись из столовой, как он появился в чесучовом костюме, кремового цвета туфлях, канотье из тонкой соломки с узенькими полями — сущий парижанин по виду.

— Очень талантлив! — шепнула Надежда Константиновна Инессе Арманд.

— Рядом с Владимиром Ильичем как-то не замечаешь чужие таланты,— тихонько возразила Инесса.

— Ну уж, ну уж, это вы зря. Обязаны замечать! А Владимир Ильич как ценит таланты, влюбляется в таланты, находит таланты!

— Вы правы,— немного смутилась Инесса.— Несуразность я сказала. Человек посредственный не очень жалует чужую одаренность. Боится, вдруг обгонит, затмит.

Тут подоспели ученики. С великой охотой готовились они к экскурсии в Париж, принарядились кто как мог.

— Красивейший в мире город, живописный, разнообразный, яркий, умный! — восхищенно рассуждал Луначарский.

— Великую французскую революцию в начале века помните? — обратился к товарищам «Павел», он же Александр Догадов, известный всем книгочей: чуть выдалась свободная минутка — он с книгой.

— А Парижская коммуна! — снижая из предосторожности голос, хотя русский язык в Лонжюмо никому не известен, подхватил Чугурин. — Апрельскую «Рабочую газету» читали? О Парижской коммуне по случаю сорокалетия. В 1871 году было... Неслыханная в мире борьба рабочего класса за свою власть и права. Кто про нее написал? Разумеете? То-то.

Чугурин готов прочитать целую лекцию о Парижской коммуне, то есть пересказать читанную-перечитанную им статью Владимира Ильича в апрельском номере большевистской «Рабочей газеты», издававшейся нелегально в Париже. Впрочем, статью знают все.

Однако пора двигаться на станцию. Лувр и Версаль уже показаны слушателям, на чем остановимся сегодня?

— Хорошо бы показать им Родена, — предложила Инесса Арманд.

— Мысль! — обрадованно воскликнул Анатолий Васильевич.

Кто такой Роден? Чем знаменит?

О Родене Анатолий Васильевич пока повременил рассказывать.

Делились впечатлениями о занятиях в школе; пока поджидали на станции паровичок, ехали в вагоне, затем в метро, потом шагали пешком, с жадным любопытством вглядывались в уличную жизнь Парижа. Уличная жизнь Парижа, сколько ее ни наблюдай, не перестает занимать и увлекать.

В парижской толпе редко услышишь грубые, раздраженные голоса. Редки унылые лица. Много смеха.

Вон группа молоденьких девушек в затянутых на узеньких талиях юбках, с оборками подолов, касающихся мостовой, простолюдинки — без шляп — работницы, а опрятно кокетливы, сознают свою юную привлекательность, кидая по сторонам игривые взгляды. Вон юноша в шапке темных кудрей до плеч сидит на мосту перед мольбертом, рисует. Известный всем художникам мост, здесь они собираются рисовать, разглагольствовать, громогласно хулить или хвалить ту или иную картину, свергать мастеров или возводить в мастера новичков. Вон вдоль Сены ряд рундуков и маленьких киосков, похожих на лари с откидными крышками, которые захлопываются и запираются на ночь. Это книжные лавочки. Рябит в глазах от пестроты книжных обложек, картин и альбомов, выставленных здесь на продажу. Есть хорошие книги, а есть и бросовые, их, пожалуй, больше. «Порыться в этих книжных завалах любопытно, иногда и полезно. Найдешь такую редкость, что ахнешь», — думает Анатолий Васильевич. Но заметив двух-трех слушателей, разглядывавших на картине обнаженных красоток, сказал не с укором, а дружески советуя:

— Что касается художественного качества — низкопробная посредственность. Не стоит тратить время на разглядывание этой пошлятины — порча вкуса.

— А в Лувре вы нам показывали картины, на которых изображены обнаженные красавицы. Хвалили, — заспорил Чугурин.

Луначарский улыбнулся:

— Голубчик, так ведь то настоящее искусство, а не мазня на потребу мещанам. Вы спорщик, однако.

— Плохо? — ревниво насторожился Чугурин.

— Напротив. Мудрость гласит: в спорах рождается истина. Однако бывают вздорные и суетные спорщики, что им истина? Только бы продемонстрировать блеск своего красноречия.

— Знаем таких, — буркнул кто-то.

Путешествие продолжалось.

Парижские улицы шумят, поют, восклицают. Треньканьем колокольца сообщает об остановке

двухэтажный омнибус. На площадке контролер в форменной одежде бдительно проверяет билеты. Гудят локомобили довольно странной конструкции — они расширены кверху. Почему? Потому что под крышей нормальных размеров не уместится широченная и высоченная дамская шляпа. Крикливые парнишки развозят в тележках по разным адресам заказанные продукты. Шустрый лудильщик, не умолкая, взывает:

Трам-там-там! Хожу по дворам,
Днища новые вставляю
Сковородкам и котлам.

Слушатели слишком слабо знали столицу Франции, чтобы различить и запомнить все улицы, которыми их вел или вез на омнибусе Анатолий Васильевич, продолжая восхищаться неповторимым своеобразием Парижа, известного ему, можно сказать, наизусть.

Белостоцкий, петербуржец (тот, что переходил германскую границу, бросив на край канавы шинель, чтобы не оставить на земле следов), рассуждал:

— Красавец Париж, а у нашего Питера краса иная, этакой нарядности нет, наш Питер построже. А Нева! Их французская Сена не скажу, что плоха: яхты, парусные лодки, паруса всех цветов, что ни день, будто праздник. Наша Нева с характером. Как вздыбится, как разойдется, волны, что твои пушки, гремят. Бед, правду сказать, от этих наводнений немало. А утихнет — благодать голубая.

— А Волга! — подхватил волжанин Чугурин.— У нас, в Нижнем, весной разольется по левому берегу до самого неба. У наших волжских пароходов и голоса-то свои, отличительные. Кто не слыхал, понятия не имеет, какая приятность волжский пароходный гудок.

— Любя родное, свое, не обязательно отвергать чужое,— возразил Луначарский.

В его тоне слышался отчасти укор.

— Теперь обратимся к тому, что составляет основную цель нынешнего нашего посещения Парижа.

Они были на улице Суфло, названной так именем архитектора, в середине XVIII века соорудившего Пантеон. Монументальное здание с колоннадой крытой галереи, двумя ярусами над ней простых и изящных конструкций, увенчанных грандиозным куполом, замыкало улицу, являя зрелище торжественное и величественное. Усыпальница выдающихся деятелей Франции. Здесь покоится прах Вольтера, В. Гюго, Ж.-Ж. Руссо, других знаменитых людей и среди них, представьте, автора «Марсельезы» Руже де Лиля.

Последнее известие привело слушателей в полный восторг. Кто-то тихонько завел мотив: «От-ре-чемся от дрях-ло-го ми-и-ира...» Анатолия Васильевича трогала впечатлительность рабочих и глубоко живущий, не угасавший ни на мгновение революционный дух. «Верно, как верно направила партия в Ленинскую школу наших рабочих-интеллигентов! Да, они интеллигенты в лучшем понимании этого слова. Душа их внемлет искусству, и надо взращивать в них чуткость к прекрасному»,— думал Анатолий Васильевич.

Не случайно, живя в Париже, Владимир Ильич заезжал по дороге в библиотеку сюда, к Пантеону, на своем работяге велосипеде. Этот велосипед и второй для Нади мама прислала им из России в подарок. Владимир Ильич слезал с велосипеда и стоял в глубокой задумчивости у портала Пантеона, представляя картины битв, происходивших здесь сорок лет назад.

В марте 1871 года пролетариат столицы Франции взял власть в свои руки. Над городской ратушей взвилось алое знамя. Образовалась Парижская коммуна. Небывалое в мире событие!

Безумно напуганное революцией, буржуазное правительство бежало из Парижа.

Давно, в XVII веке, верстах в двадцати от Парижа стояла деревушка Версаль, ничем не приметная, если бы не окружали ее дремучие леса. Король, любитель охоты, соблазнился богатыми дичью лесами. Построили в Версале для короля охотничий домик. Затем дворец. Затем воздвигли изумительный по красоте и роскоши дворцовый и парковый ансамбль. Туда в 1871 году бежало от Парижской коммуны правительство, обосновалось в королевском дворце.

А Коммуна действовала. Объявляла неслыханные законы. Брошенные капиталистами из страха перед восставшим народом заводы и фабрики передавались для управления рабочим. Церковь

Вдоль Сены ряд рундуков и маленьких киосков. Это книжные лавки.

отделена от государства. Церковники изгнаны из школы. Запрещены ночные работы в булочных.

Долой капиталистов!

Да здравствует трудящийся народ!

Версальское правительство между тем спешило мобилизовать войска и контрреволюцию и двинулось войной на Коммуну. Народ отчаянно оборонялся. Строились баррикады. Одна из сильнейших баррикад была воздвигнута у Пантеона. Пантеон превратился в вооруженную крепость.

На Пантеон версальское правительство нацелило главный удар.

Трусов Парижская коммуна не знала. Сражались все: мужчины, женщины, дети. Мальчишки, подобно Гаврошу из романа Гюго, подносили снаряды и патроны бойцам. Женщины и девочки варили пищу бойцам, стирали окровавленное белье и бинты раненых. С печалью закрывали глаза убитых. Не плакали. Плакать нельзя. Надо бороться.

Слишком неравны были силы. Версальцы одержали победу. Расстрелы, пытки, казни обрушила на коммунаров контрреволюция. Сто тысяч лучших сынов французского пролетариата было погублено.

Склоним головы.

После минуты молчания заговорил Серго:

— Ведь вот так бывает: вроде много о Парижской коммуне читали и от Владимира Ильича наслышаны; вот... постояли у того места, где коммунары с капитализмом сражались, повидали лестницу Пантеона, где их праведная кровь проливалась, и будто что-то заново узнано, и на душе и больно, и гордо...

Серго говорил сердечно, просто. Товарищи молчали, потупившись. Что добавишь? Да, больно на душе и ГОРДО.

— Вам понятно, почему именно здесь мы видим Родена? — сказал Анатолий Васильевич.

И тут все вспомнили, что и ехали они в Париж с целью увидеть Родена. Где же он? Где мы видим его у Пантеона? Мы не видим.

— Мы видим творение Родена, а это значит видеть его самого.

Луначарский подвел рабочих к скульптуре огромной, двухметровой высоты, водруженной против колоннады Пантеона. Увлеченные зрелищем величественного здания и рассказами Луначарского о событиях, связанных с ним, рабочие поначалу не обратили внимания на скульптуру, как ни была она велика. Да и то сказать, им мало знаком или совсем незнаком этот вид искусства. Начитанные, иные страстные книгочеи, они и живопись знали почти исключительно по книжным иллюстрациям, а так как пользовались чаще дешевыми изданиями, то и талантливых художников встречали немного.

Правда, картины в Лувре их поразили. Теперь поразит скульптура Родена.

Знаете, как в нем начинался художник? Он родился и вырос в бедной семье в рабочем квартале Парижа. Мальчонку часто посылали купить продукты в ближней мелочной лавке. Лавочник заворачивал продукты в страницы, вырванные из иллюстрированных книг. Картинки из книжек привлекли мальчугана. Это было толчком. Он стал перерисовывать картинки. Потом сочинять свои. Рисование захватило его. Дальше с той же страстью увлекся скульптурой. Годы поисков, неистового до исступления труда. Бедность. Терпение.

Долго, очень долго не приходит признание. Горько, обидно. Не отчаиваться! Работать! Терпение!

И вдруг лавиной нахлынула мировая слава.

Неисчислимы творения, созданные из бронзы художником.

Итак, посмотрим скульптуру. Вглядитесь внимательно. Судите, кто перед нами. Что хочет сказать нам Роден?

Анатолий Васильевич отошел в сторону. Воздержимся пояснять. Пусть видят сами. Увидят ли?

Мощная фигура человека, сидящего на каменной глыбе. Сам глыба, утес. Опершись локтем на колено, поддерживает рукой подбородок склоненной головы. Глаза под нависшими бровями опущены долу. Волосы сбились, упали на лоб, отягощенный глубоким раздумьем. Гигант. Чем скованы его могучие силы?

— Он рабочий, — не дожидаясь вопросов руководителя, заговорили пораженные слушатели. — У Родена правда. Поглядите, как огромен рабочий. Поглядите на его мускулы, тяжелые руки, ноги. Силища! Отчего молчит его силища? Скована. Человек думает о жизни, людях. Думает. И ты задумаешься. Как сбросить с себя цепи? Глядишь на роденовского рабочего и видишь: силища его не только в мускулах. В голове. Думает он.

— Роден назвал свою скульптуру Мыслителем, — сказал Луначарский. — Рабочий он или поэт, как кому представится. Он Мыслитель, судьбы мира мучают и заботят его.

Анатолий Васильевич доволен. Рабочие — не ученые, не искусствоведы, — наши рабочие, партийцы, услышали и поняли голос и зов искусства. И как живо и горячо отозвались!

А вот что Роден рассказывает о себе: «Да, я всегда жестоко любил труд... Я никогда не курил, чтобы не отвлекаться от работы ни на минуту. Я работал по четырнадцать часов ежедневно...»

«Насколько человек был бы счастливее, если был бы художником, плотник с радостью прилаживал

бы шипы к гнездам, каменщик с любовью гасил бы известь, а ломовик холил бы своих лошадей... Ну разве это не было бы идеальное общество, скажите».

— А ведь прямо про нас говорится, для нас,— сказал кто-то.

В вагоне, возвращаясь в Лонжюмо, слушатели говорили наперебой. Возбужденные услышанным и увиденным, не могли молчать. Хотелось выложить мысли Анатолию Васильевичу. Он чувствует и переживает, как мы. Эх, жизнь! Построить бы тебя по-хорошему...

Встречая идущую со станции возбужденно шумную толпу «учителей» русской школы, селяне Лонжюмо обменивались между собой: «Праздник, видно, у них, радуются. Они и в школу-то как на праздник идут».

Луначарский подвел рабочих к скульптуре огромной, двухметровой высоты, водруженной против колоннады Пантеона.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

13

Жюстен пропал. Третий день нет Жюстена. Куда он делся?

— Как вам не стыдно? — корила Стрекоза Андрюшу и своего младшего братишку Мишеля, в общем-то ни в чем не повинного.

— Что с ним случилось? Может, болен? А может, отец стал безработным? — по слогам произнесла она устрашающее слово, известное ей из рассказов матери.

Андрей не оправдывался. Виноват, да, виноват. О Жюстене даже не вспомнил. Заядлый шахматист, разумеется, в меру своих лет и способностей он долго не находил в Лонжюмо партнера. Случайно выяснилось, товарищ Петр, то есть Иван Дмитриевич Чугурин, смыслит в шахматах. На Андрея накатило. С утра до ночи он был околдован подготовкой к турниру. В часы, когда товарищ Петр занимался в школе, Андрей обдумывал красивые варианты шахматных партий, изобретал гениальные комбинации, ходы и однажды одержал победу. По рассеянности Чугурин дал маху, но лишь однажды, а дальше... дальше Андрей неизменно получал мат. Самолюбие его страдало. Хотя бы еще победить, один разок, чтобы доказать неслучайность первого выигрыша. Андрей жил надеждой и шахматной тренировкой, незаметно забыв о Жюстене. Но все же почему тот не приходит? Вдруг действительно что-то случилось?

— Стыдно, стыдно! — повторила Стрекоза, гневно качнув бантом на затылке.

Охваченный раскаянием, Андрей побежал к брошенному товарищу. Был воскресный вечер, и кожевник, как обычно, сидел на табурете в тени дома, сложив на коленях тощие руки. Почему-то Андрею стало остро жаль этого раньше времени жестоко постаревшего рабочего, жаль за его одинокие сидения возле дома под вечер.

— Бонжур. Где Жюстен? — несмело спросил Андрей.

Кожевник помолчал, жуя сморщенные тонкие губы.

— Спроси старого ворона, где выкормленный им птенец. Летает. Где? Зачем?.. Жюстену дали книгу. Мадам Надин, наша соседка, дала... Жюстен рвется к ним. Видно, колдовство какое у них, сила какая-то... Книжки их читает. Видно, мой сын задумал стать профессором, такая в его башку взбрела безумная мысль. Нам нельзя. В коллеже надо деньги платить. Профессор должен одолеть науки. У нас не выйдет. Надо платить.

— Где Жюстен?— робко переспросил Андрюша, смущенный трудным разговором с отцом, не находя, что отвечать.

— Кто знает, где. Я немного хвораю. Мучает ломота в груди. Что будет с Жюстеном? Как думаешь, что?

— Он хороший,— почти со слезами сказал Андрей.— Мы все его полюбили.

— Спасибо,— ответил кожевник.— Вы приехали, неизвестные русские люди, и уезжаете, и будто бы и не было вас, а какой-то след остается... Адьё,— дрогнувшим голосом вымолвил он.

— Прощайте. Нет, не прощайте. До свидания. И пожалуйста, пожалуйста, выздоравливайте!

Андрюша побежал со всех ног, рассчитывая где-то настигнуть Жюстена. А Жюстен как раз направлялся к нему, но не обычной дорогой. Отчего-то ему взбрело в голову завернуть на Иветту. Зачем? Так, ни за чем. Тихая в невысоких, некрутых бережках, она бесшумно несла воды к устью и там не кончалась, не сливалась с чужими, принявшими ее в свои объятия водами.

Текла среди них сама по себе, оставаясь собою, помня Лонжюмо, ребячьи рыбные ловли, ныряния до дна, фырканье, хохот. Ребята Лонжюмо любили Иветту, и она их любила. Так представлялось Жюстену, и было приятно постоять на бережку, поразмышлять.

А дальше произошло неприятное. На Гран-рю возле знаменитого памятника изящному, как балетный танцор, почтальону расположились мальчишки. Едва ли они подстерегали Жюстена, просто толковали о том о сем, пока еще не решив, чем занять дальше воскресный вечер. И увидали Жюстена. Сунув руки в карманы коротких штанов, сдвинув залихватски соломенную шляпу на одно ухо, неся две толстые книги под мышкой, вышагивает вдоль Гран-рю. Мальчишки встрепенулись.

— Куда?

— А вам что? Никуда.

Неизвестно почему Жюстен, в общем-то не дурак, повел себя довольно глупо с ребятами. Зачем было задираться? Они повскакали, воинственно его окружив.

— Задаешься?

— Ребята, он нам изменил.

— Связался с приезжим сопляком, мамашиным сыночком. Мамаша-то дама, видели ленты на шляпе?

— А наш Жюстен и растаял. Э-эх, подлиза! От своих к чужим отвалился.

— Я не подлиза. Мне от них ничего не надо? Если бы в замок к барчатам втирался, а эти... мне от них ничего. А что у него мать в шляпе, наверное, в России так заведено. Дама не дама, носи шляпу — и все. Не вру, они русские. Даже мэр про них сказал: вы, говорит, немного странные люди, немного русские чудаки.

— Хэ! Подумаешь, русские. А что за книга у тебя?

— Они мне дали,— обрадовался Жюстен переходу к мирной теме.— Французский писатель Виктор Гюго сочинил. Заглавие «Отверженные». Значит, про бедняков. Буржуи своих не отвергают. А бедняки, ух, люто им. Буржуйские законы против них, работы не найдешь. Чуть что — с голодухи булку спер — тюрьма, а то каторга до смерти. Тюремщики — псы цепные. Виктор Гюго их пригвоздил. Зато Гаврош! Ну, парень, ну, парень! Оборвыш, гамен, а весельчак, а смельчак! Наш парень, будто в Лонжюмо и родился, такой наш! Про французскую Великую революцию слышали?

— А тебе кто сказал?

— Да он самый, Виктор Гюго и сказал,— любовно похлопал по обложкам книг Жюстен.

Понятно, мальчишки заинтересовались писателем Виктором Гюго. К счастью, никто не сообразил полюбопытствовать, где Жюстен раздобыл книги. Может, мадам Надин и месье Ильину было неприятно, чтобы кто-то узнал, что именно они достали Жюстену роман «Отверженные».

У этих русских, как заметил Жюстен, порядочно тайн и секретов.

— Но они хорошие люди. Все в Лонжюмо так считают. Немного чудаки, а хорошие. Когда они уедут... Они скоро уедут,— с грустью вспомнил Жюстен,— я расскажу вам всю книгу.

— Две,— поправили его.

— Две, и не об одном человеке, не думайте, что только о Гавроше, о многих замечательных людях — рабочих.

— Рабочие тоже не все замечательные,— перебили Жюстена.

— Больше замечательных,— спорил он.— Францию Виктор Гюго насквозь знает... Мы о своем Лонжюмо столько не знаем, как он о Франции. Я вам все расскажу, у меня в голове сто картин. Ну, пока...

И мальчишки отпустили Жюстена не только без тумаков, а с любопытством и даже уважением.

Слыхали, сто картин у него в голове! Наш кюре, наверное, о царстве божьем столько не накопил.

Между тем Жюстен прибавлял и прибавлял шагу, вдруг почувствовав, как соскучился об Андрэ. И... Стрекоза выпорхнула ему навстречу, когда он не успел еще войти в двухэтажный каменный домик, где разместилась школьная столовая и общежитие для слушателей, а одну комнатку занимали Андрюша с мамой.

— Где ты пропадал? Ах, какой невоспитанный мальчик! Не предупредил и пропал!— выговаривала Стрекоза, покачивая крылышками белого банта на затылке. Конечно, тотчас выскочил Андрэ, и вспыхнуло бурное обсуждение романа Виктора Гюго. Русские друзья Жюстена, конечно же, его читали и прекрасно помнили героев, их приключения, беды и радости и, разумеется, сцены революционных боев, баррикады, пороховой дым, ужасающую ружейную и пушечную пальбу, кровавое зарево восстания над ночным Парижем. Они, Андрэ и Стрекоза, попросили Надежду Константиновну достать для Жюстена «Отверженных».

Как они все трое любили Гавроша, озорного, веселого, доброго! Рос он без ласки, будто хилая травка, что вырастает на погребе, голодный оборвыш, а не найдешь добрее мальчишки.

Ранняя весна, вечер, порывистый ветер, черная туча ледяным ливнем заливает город, дождевые струи хлещут, как плетки. А на Гавроше поверх лохмотьев одна старенькая, неизвестно где подобранная шаленка, и ее парижский гамен отдает дрожащей от стужи нищей девчонке.

Добрый, добрый Гаврош! Смелый Гаврош! Баррикада революционеров бешеным огнем отражает наступление правительственных войск. Но патроны кончаются. И веселый оборвыш Гаврош оставляет баррикаду, чтобы у подножия ее подобрать патроны убитых врагов для своих, оборонять революцию. Вражеские пули летят в него — одна, другая, третья, а он поет озорные песенки, хохочет и как ни в чем не бывало делает свое дело, собирает патроны. Вражеские пули грозятся, гоняются за ним. Одна настигла. Еще одна. Маленький герой падает, не допев последнюю песенку.

Горько жалели Жюстен и его русские друзья Гавроша! Зачем его сразили шальные пули? Пусть бы он спасся. Зачем Виктор Гюго его не спас?

— Андрэ, ты хочешь стать героем?

— Конечно! Готов хоть сейчас. Только что нет баррикад.

Жюстен окинул его сочувственным взглядом. Слабак, даже не загорел ничуть.

— Андрэ, ешь больше. У вас вкусно кормят в вашей столовой. Один раз мадам Катрин дала мне русских щей, о-го! Я тарелку уплел, а она еще налила. Слушай, я еще расскажу про Гавроша.

Мальчишки отпустили Жюстена не только без тумаков, а с любопытством и даже уважением.

— Да ведь я читал.
— Все равно. Гаврош...
— Да говори же по-русски; тебя учат русскому, хоть десять слов можешь выучить?— прикрикнул Андрэ.
— Ладно. Ладно, десяти слов не хватит. Гаврош был проказливый, не паинька. И голодный, на рынке торговка только и гляди, чтобы не упер булку с лотка... Штаны рваные, наши господские дети из замка на шаг его к себе не пустили бы... Они буржуи. Гюго показал трактирщика Тавардье, гад, повесить мало...

— Мальчики! Гарсон!— раздался звонкий, милый, как весенняя песенка жаворонка, голосок Стрекозы. Она успела слетать домой и вернулась с вестью, что сию минуту вся школа идет попрощаться с Иветтой. Ведь скоро, совсем скоро отъезд.
— Собрание?
— Никакого собрания. Месье Ильин сказал: «Посидим. Поговорим».
— Ура!— во все горло завопил Андрэ, и они пошагали к Иветте, где взрослые уже сидели на бережку, беседовали.
— Сколько бы ни протопал по земле, не забыть эту весну и лето. Заряд на душе и в мозгу до скончания века,— сказал кто-то.
— Радуюсь вашему подъему, но конечной остановкой Лонжюмо не будем считать. В некотором смысле отправной станцией, да. А дел впереди уймища!— улыбаясь, возразил Владимир Ильич.
— Полюбили мы вас, и-и-их!— сказал Чугурин.
— И Надежду Константиновну! А Инессу Федоровну! А Луначарского Анатолия Васильевича. А нашего доктора Александрова!— вторили все.
Благодарные. Душевные. Растроганные.
Хорошо на душе у Владимира Ильича.
Плыло над рекой негромкое, торжественное пение.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами...

Иветта не слыхивала таких грозных, зовущих, покоряющих песен. Не оттого ли смолкли деревья над рекой? Не шелохнется ветка, не прошелестит листок. Замерли воды.

Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Жюстен не понимает слов, но что-то в этом пении захватывает, тревожно пленяет. Может быть, потому, что сегодня вечер прощания? И звезды сегодня другие. Все небо лучится многоцветными огоньками. Привет, привет вам, люди!
— О чем песня?— шепотом спрашивает Жюстен Андрюшу, когда песня кончилась, а в душе звучит и поет. Андрюша в смущении. Сказать, что песня о революции, нельзя. Что ответить?
— Про мечту пели,— отвечает Андрэ.
Жюстен разочарован.

— Э-э-э! У меня, например, есть желание работать на автомобильном заводе, слесарем, например, на парижском заводе или хоть каком захудалом заводишке. У нас в Лонжюмо работы не найдешь, да и невзрачен уж больно наш кожевенный... А ты говоришь, мечта... Мечта не сбывается, люди придумали потешить себя, как малые ребятенки.
— А вот и неправда! А вот и неправда! А вот и неправда!— зачастила Стрекоза.— Наша сбудется. И вообще мечта — это дело, только очень большое, огромное. Понятно? Мечта не на словах. Когда очень захочешь и будешь добиваться, изо всех сил добиваться, мечта сбудется, вот поверь.
Жюстен слушал. Смотрел на Стрекозу. Ее чуть веснушчатые щеки, чуть толстоватенький носик, пухлые губы, маленькие-премаленькие ушки, в которых посверкивали две красные капельки сережек. Смотрел. Глаз не мог отвести. Его мальчишеское, он считал, по-мужски нечувствительное, сердце страдало. Лишился языка. Со Стрекозой и вообще-то они разговаривали мало, а тут будто онемел. Хотя бы одно словцо! Хотя бы: «Стрекоза, напиши мне письмо. Посоветуй, какие книжки читать?»
Кажется, малость: «Какие книжки читать?»
Но и такая малость не выговорилась.
— До свидания, Жюстен! Добивайся поступить на завод. И еще... большого, большого тебе...
И все. И даже адрес неизвестен, в Париже она будет жить или в России?
Безветренный, душный вечер висел над иссушенной зноем землей. Отец сидел на табуретке возле дома, сложив на коленях тощие, длинные руки.
— Что ты сам не свой?— спросил отец, распознав в глазах Жюстена смятение.
— Ничего. Просто так. Они уезжают.
— Они и приезжали к нам не на век,— здраво рассудил отец.
— Удивительные! И вообще Россия их удивительная.
— Ты там не был. Откуда знаешь?
— Знаю.
— Звезда с неба упала,— помолчав, сказал отец.— Август — месяц звездопадный... А как жить, они тебя научили?
— Научили. Вырасти бы скорее... А наши тоже хорошие люди есть.
— Всякие есть. Вон еще звезда пролетела. Чьей-то праведной душе бог ангела с доброй вестью послал. Или призывает к себе на вечный покой. Значит, говоришь, жить научили...

14

Они снова втроем шли берегом вечерней реки. Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Инесса. «Ильины» любили называть ее без отчества. К ней шло имя Инесса. «Наша Инесса».
Над рекой тишина. Они тоже шли молча. Кончился важный срок жизни. Каждый мысленно мерил достигнутое. Достигнуто не только учениками, ими, руководителями, тоже. За три месяца ближе узнались передовые российские рабочие — надежда и завтрашний день партии.
— Прощай, Лонжюмо, наш зеленый островок,— немного с грустью говорила Инесса.— В нашем плавании мы остановились на твоем берегу...
— ...Чтобы набраться новых сил и завтра храбро плыть дальше,— заключил Владимир Ильич.
Но о завтрашнем дне поговорим позднее. Хотелось припоминать и обсуждать в подробностях сегодняшнюю товарищескую встречу. Прощальную. Занятия в школе окончились. Слушатели уезжают в Россию. Большое дело им предстоит: борьба с царизмом и капиталистическим строем. Борьба с отступниками, изменниками партии.

Накануне устроили ужин. Тетя Катя Мазанова напекла пирогов, наготовила кушаний.
— Бесподобный салат!— расхваливали гости,

Вечер открыл Владимир Ильич.
Он был серьезен, растроган и ласков.

еще не сев за стол, пока лишь поглядывая на блюдо с овощами, искусно украшенное зеленью. Тетя Катя — кулинарка и домохозяйка бесподобная. Застелила белой скатертью, вернее, чистыми простынями, сдвинутые столы. Дети собрали луговые цветы. Тетя Катя расставила их в кринках на столах. В комнате стало уютно, как на семейном празднике. Все принарядились: у того зеленая веточка, у того голубенький глазок цветка глядит из нагрудного пиджачного кармашка. Андрюша, Стрекоза и Мишель, конечно, не последние участники праздника; есть чем полакомиться, тетя Катя и с вареньем напекла пирожков.

— Мамочка, можно позвать Жюстена?

— Не стоит, Андрюша. У нас русский вечер, ведь Жюстен не понимает язык.

Все заняли места за столом.

Вечер, понятно, открыл Владимир Ильич. Он был серьезен, растроган и ласков. Перед ним люди, с которыми вместе проведены недолгие, а сколь важные, значительные месяцы! Много нового узнали рабочие, посланцы российской партии, знойным летом 1911 года в Ленинской школе в неведомом никому поселке Лонжюмо.

— Не останавливайтесь, товарищи, учитесь, учитесь дальше, всегда, всюду, куда ни забросит судьба! — говорил на прощание Владимир Ильич. — Партии нужны просвещенные люди. В социалистическом обществе, которое мы построим, будут жить благородные, образованные, мыслящие люди. Они будут трудиться не за страх, а за совесть. Труд станет долгом, честью и радостью каждого. Прекрасные таланты расцветут в социалистическом обществе. Построить такое общество — дело нашей партии. В одиночку не построишь. Только вместе. Только сообща. Храните партийное товарищество во веки веков, дорогие друзья! Учителя школы желают вам сил и бодрости духа. До свидания, товарищи!

Несколько секунд в комнате царило молчание, сильнее слов говорившее о чувствах, владеющих слушателями. Затем встал товарищ Петр, Иван Дмитриевич Чугурин, и голосом торжественным и звучным сказал:

Поднимем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!

«Умница, умница, как хорошо он Пушкина вспомнил! Как все славно идет, не хочется расставаться», — подумала Надежда Константиновна.

Разом будто прорвалась плотина. Заговорили все. Как радостно узнавать! — говорили слушатели школы. Здесь, в школе Лонжюмо, они испытали благо человеческих сближений и дружб. Не знал человека, и вдруг перед тобою открывается его натура, мысли, стремления... Школа научила нас крепко дружить. Школа научила нас неустрашимо глядеть вперед, видеть цель, добиваться цели. Цель одна: близить революцию. То и будем делать, возвратившись на родную землю. И в познании наук будем двигаться дальше. Спасибо вам, учителя! Спасибо и низкий поклон до конца дней!

Хорошо было на прощальном вечере. У иного сквозь веселье раздумьем затуманит глаза: «Расстаемся, придется ли свидеться?»

Но прочь тревожные мысли!

— Товарищи, споем, — предложил кто-то.

Какая встреча друзей обойдется без песни?!

И вольно, озорно и призывно, вырываясь в открытые окна, полилось над поселком, лугами, рекой.

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради славного труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.

Помним холмы, помним долы,
Наши храмы, наши села...

Отвечала песня душевному состоянию собравшихся на чужбине русских людей.

— Силушка по жилушкам,— сказал кто-то. Кто-то завел новую песню:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Хор согласно подхватывает, отвечает:

Смело, братья! Ветром полный,
Парус мой направил я...

Еще звучат в ушах гордые призывы, а уже слышится дальше:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Жаль, нет Серго. Спел бы по-грузински. Был Серго замечательным певцом. Пел, как гордая птица. Летит гордая птица. Выше, выше, к синим небесам... Друзья! Летим на волю...

Вдруг, словно в бубны ударило, зазвенело веселье. Ноги сами под удалое пение пляшут.

Серго на прощальном вечере нет. Ленин раньше окончания школы послал его в Россию. Внутри партии продолжалась борьба. Разного рода противники выступали все злее. Надо немедленно закончить вредный для рабочего класса раскол в партии! Ленин не скрывал от учеников правду, напротив. Слушатели школы без колебаний поддерживали позицию Ленина и верных большевиков. Да! Надо немедля созвать конференцию, разбить раскольников, кончить в партии разброд. Каждый готов делать, что надо, что скажет Ленин. Владимир Ильич обдумывал и готовил конференцию, где большевики дадут раскольникам бой. Серго Орджоникидзе исполнял его волю в России. Разумеется, нелегально, скрываясь от сыщиков. Где он сейчас — в Уфе, Киеве, Нижнем Новгороде, Ростове, Тифлисе? И там, и в других городах, на крупных заводах, где тайно действуют партийные организации, Серго и посланные Лениным два других слушателя ведут агитацию за созыв конференции. За возрождение партии. Колоссально важное дело!

— А что, братцы, не напелись, споем.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Под окнами сошлись жители Лонжюмо. Слушали. Душевное пение русских будило в сердце добрые чувства, хотелось жалеть и любить. Иные женщины передником вытирали глаза.

Тут и Жюстен вертелся в толпе.

— Я их знаю, они хорошие... Эх, остались бы у нас навсегда!— толковал он, прикидывая между тем, как бы пробраться к русским на праздник.

А там пели и пели, пока Владимир Ильич, сам подпевавший хору, не сказал:

— Друзья, завтра отъезд. Пора расходиться.

— Грянем напоследок!— лихо выкрикнул кто-то.

Грянули:

Уж как шел кузнец
Да из кузницы —
Слава!
Нес кузнец
Три ножа —
Слава!
Первый нож
На бояр, на вельмож —
Слава!
Второй нож
На попов, на святош —
Слава!
А молитву сотворя,
Третий нож на царя —
Слава!

Пока прощались, обращали друг другу напутственные трогательные слова, благодарили Владимира Ильича, уже и ночь на дворе. Уже окна в поселке темны, погашен свет.

— Погуляем немного,— позвала Инесса.

Сошли к реке, постояли. Тихая Иветта, прощай!

Скоро вдоль поселка начнется движение повозок, везущих на парижский рынок овощи, фрукты, мясо. Грохотом колес по булыжной мостовой, ржанием коней, голосами возчиков наполнится ночь.

— И завтра так, и послезавтра, а для нас Лонжюмо станет прошлым,— задумчиво произнесла Надежда Константиновна.

— Но не уйдет из памяти,— добавила Инесса.

— Хорошо мы отдохнули сегодня, превосходно!— сказал Владимир Ильич, когда, простившись с Инессой, они возвращались домой.— Иногда просто необходимо вполне, вполне отдохнуть.

— А дома, Володя, в честь праздника тебя ждет сюрприз.

— Лю-бо-пытно. Что бы это могло быть?

— Очень приятное что-то,— важно и таинственно сказала Надежда Константиновна.

— Тогда домой, быстрее домой!

Елизавета Васильевна уже почивала в своей комнатушке. Они зажгли небольшую лампочку, ее слабый свет кружком лег на столе, не скрашивая углов в пятнах плесени и закопченных стен. Надежда Константиновна открыла саквояж, из-под сложенного там белья достала книгу.

— Пушкин!— в радостном изумлении воскликнул Владимир Ильич. Взял томик, бережно полистал.

— Надюша, ты чудо! Вот чего мне недоставало! Зачем же ты все лето прятала от меня этот клад?

— Уж очень ты был занят, Володя, весь поглощен школой. А потом, сказать правду, забыла,— смущенно призналась она.— Спрятала в саквояж и забыла. А сегодня Чугурин напомнил, я так и ахнула. А в Шушенском, помнишь, как мы радовались каждой книге! Бывало, Маняша пришлет новое Толстого или Чехова, не знаешь, как и благодарить. Я еще раньше, а особенно в Шушенском, половину стихов Пушкина выучила наизусть. Есть у Пушкина одно стихотворение, именно сегодня, именно здесь, в Лонжюмо, всплыло в памяти. «Пророк». В нем весь Пушкин. Читаю и думаю... Помнишь?

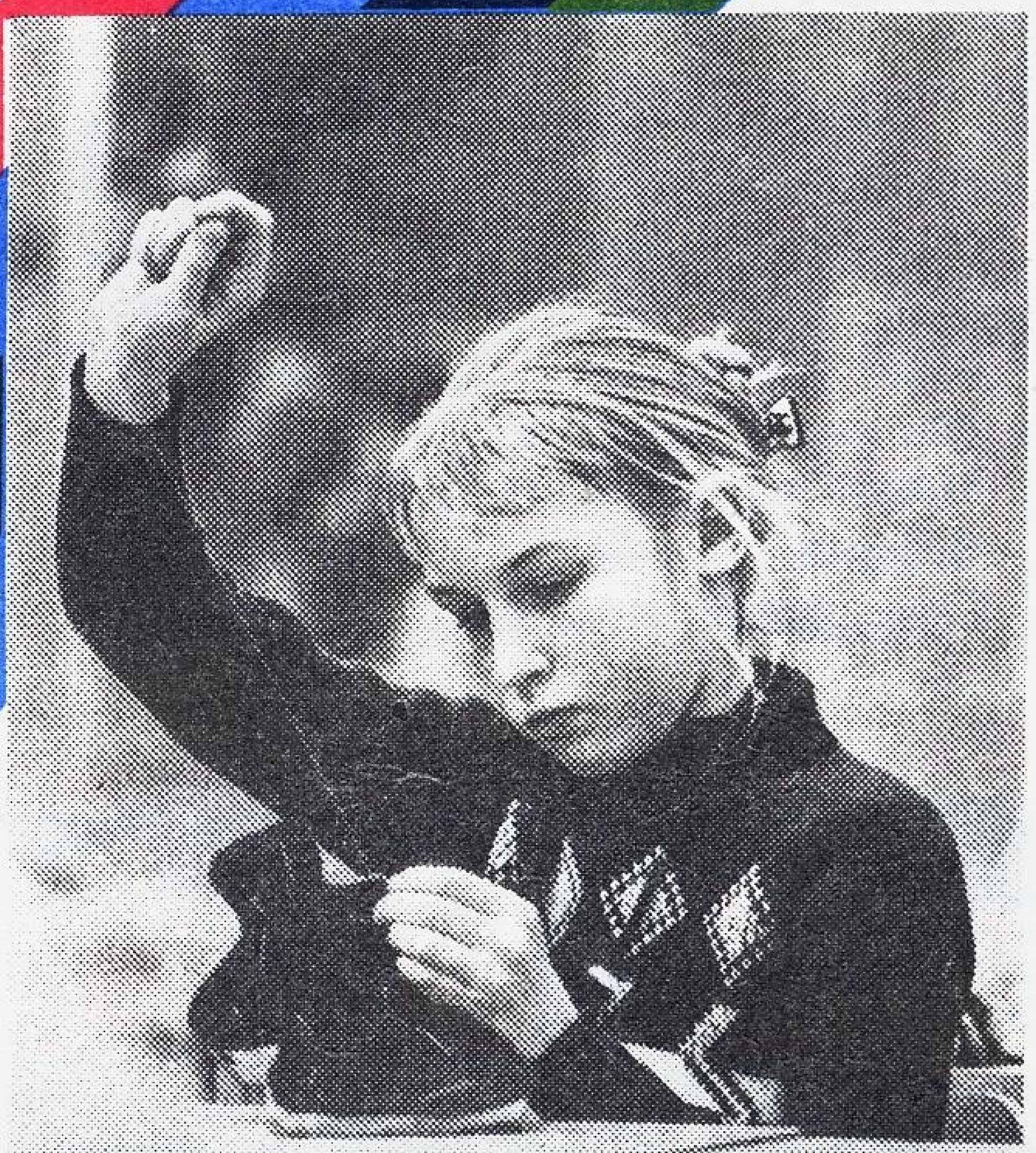
Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

«Глаголом жги сердца людей...» О тебе сказал Пушкин»,— думала Надежда Константиновна. Улыбалась молча.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

XII МОСКВА 1985

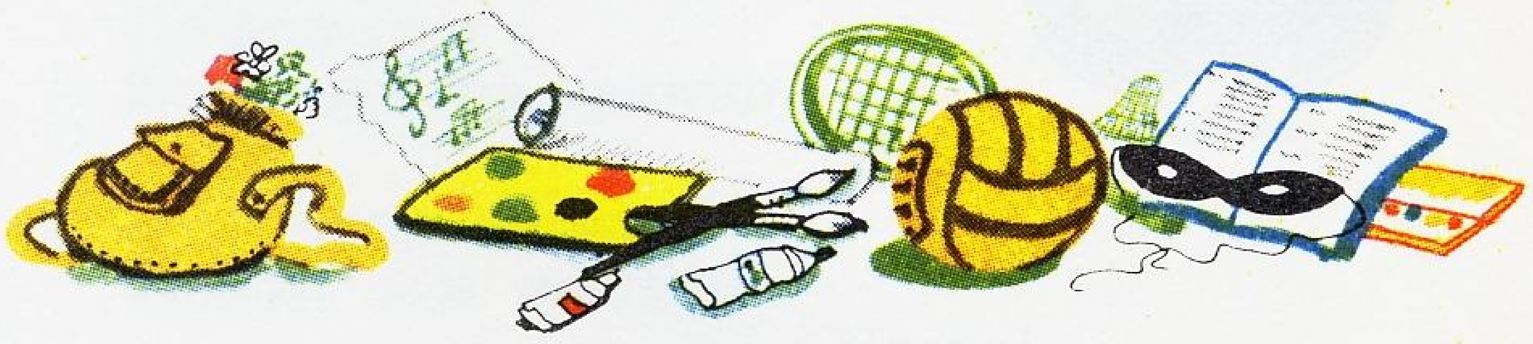
В № 7 за 1984 год наш журнал объявил конкурс на лучший сувенир для делегатов и гостей XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Сотни пионерских дружин и клубов интернациональной дружбы приняли уже участие в конкурсе. Эти снимки сделал наш фотокорреспондент М. Вылегжанин в КИДе Московского городского Дворца пионеров на Ленинских горах. Посмотрите, с каким увлечением готовят свои сувениры московские ребята.



От редакции: *Жюри конкурса на лучший сувенир для делегатов и участников фестиваля сообщает вам, ребята, что авторы десяти лучших работ будут награждены путевками во Всесоюзный пионерский лагерь имени В. И. Ленина «Артек» и грамотами журнала «Пионер».*

Отряд говорит

ПИОНЕРСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ



Сначала все вместе прочтем письмо **БЕЗУМОВОЙ Лены из города Ижевска:** «Я учусь на «3». В классе я незаметна. У нас в отряде все держится на хороших учениках. Мне дают поручения, я их выполняю. Но очень редко мне дают эти поручения. Может, не доверяют?

Хорошим ученикам нет дела до других. Они делают равнодушный вид, когда «троечники» просят им помочь. У нас в отряде внимание оказывают только хорошему ученику, а не каждому человеку. Плохой ученик разве плохой человек? Разве для него нет места в пионерском отряде? Вы, наверное, уже догадываетесь, что я осталась одна. А один разве в поле воин?»

РЕБЯТА! Еще раз прочтите письмо Лены. Подумайте. Всегда ли помним мы правило, что в пионерском отряде «один за всех и все за одного»? Как часто, к сожалению, случается, что не у каждого пионера есть ПИОНЕРСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ, что кого-то мы забываем, не замечаем, а он мог бы и хотел быть с отрядом в общем деле. Класс и отряд не одно и то же. Тот, кто не всегда успевает на уроках, может проявить себя в пионерском деле с самой лучшей стороны. И это поможет ему почувствовать себя увереннее, даст силы преодолеть застенчивость.

ПИОНЕРСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ — КАЖДОМУ, и хорошему, и среднему ученику!

ВНИМАНИЕ И ДРУЖБУ — ДЛЯ ВСЕХ В ОТРЯДЕ! Как вам это удается? Если не удается, то почему?

Ждем подробных ответов на эти вопросы.

Теперь прочтем вместе еще одно письмо. Оно пришло от ученицы пятого класса, которая назвала себя (жаль!) неполным именем — **Таня П. из города Мытищи, Московской области:** «Я училась в школе, где у нас был очень дружный класс, прямо «не разлей водой». Но мы переехали, и я перешла в другую школу. Тут после уроков все бегут поскорее домой. Я старалась привлечь ребят к общественной работе, собрать в поход, но у меня ничего не получилось. Не понимаю, почему?»

ДРУЗЬЯ! Снова задержим внимание на письме Тани. Подумаем: не потому ли все бегут домой, что НЕТ ИНТЕРЕСНОГО ПИОНЕРСКОГО ДЕЛА ДЛЯ ВСЕХ, ПИОНЕРСКОГО ПОРУЧЕНИЯ ДЛЯ КАЖДОГО?! Не стоит ли выяснить, чем интересно заниматься тому или иному человеку? Всем вместе? Спортсмены, наверное, с удовольствием устроили бы спортивные состязания, любители книг — веселую литературную викторину, любители дальних походов по собственному желанию позвали бы всех в дорогу. Как распределяем мы пионерские поручения? Учитываем ли интересы, желания каждого? Какие намечаем дела? Всем ли они по душе? Разумны ли они всегда? Понятна ли отряду, звену цель, необходимость, полезность назначенного дела? ПОДУМАЕМ, ПРОАНАЛИЗИРУЕМ и поговорим на страницах раздела «Отряд говорит с отрядом». Предложение принято? Откликнитесь!

Прочтем еще одно письмо. Его написала **Света ОВЧИННИКОВА из поселка Энергодар Запорожской области:** «У нас в классе есть такие ребята, которые не желают участвовать в делах отряда. Успеваемость у нас плохая, мальчишки часто грубят. Если кто-то получит двойку, все смеются. Человек теряется, не может рассказать даже выученный урок. Когда класс недружный, то и учиться надоедает. Я стараюсь дать ребятам поручения, но они отказываются, и я не знаю, как сплотить коллектив».

МАЛЬЧИКИ! ОТДЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И К ВАМ: КАКИЕ ДЕЛА, ПОРУЧЕНИЯ ИНТЕРЕСНЫ ВАМ? Как определяете вы свою роль в общем пионерском деле? В отряде? ПОДУМАЕМ ВМЕСТЕ: как пионерское поручение поможет учебе? Общее пионерское дело — общей хорошей успеваемости, общей заинтересованности в учебе, в знаниях? НЕ СЛИШКОМ ЛИ ТРУДНЫЕ ДЛЯ ОТВЕТА ВОПРОСЫ? ОСИЛЯТ ЛИ ИХ МАЛЬЧИКИ? Ждем ответов!

РАЗГОВОР СО ВЗРОСЛЫМИ

Девочка Оля из Ленинграда написала письмо о том, что не ладятся у нее отношения с мамой. Оле 14 лет, она считает себя взрослой, а для мамы продолжает оставаться ребенком. Мама волнуется, когда Оля допоздна гуляет, не разрешила Оле завести собаку, не купила велосипед. Мы опубликовали по просьбе Оли ее письмо в восьмом номере «Пионера». Сотни ребят откликнулись на это письмо, захотели принять участие в разговоре о сложностях, возникающих в отношениях со взрослыми. Прислушайся и ты к тому, что думают авторы писем, может быть, в чем-то это поможет и тебе. Или у тебя свое мнение? Какое? Расскажи нам о своих старших друзьях!

Светлана КОВАЛЕВА, село Беломестное, Белгородская область. Ты пишешь, Оля, что взрослые не понимают нас, подростков. Но, может быть, и мы не понимаем своих родителей? Мы частенько бываем виноваты, что взрослым приходится кричать, горячиться. Давай попробуем понять и взрослых. Ты приходишь поздно, а мама волнуется. Это понятно. Почему мама отказалась завести собаку? Может, она считает, что ты не сможешь за ней ухаживать, что она быстро надоест тебе? И тогда заботы о щенке лягут на мамины плечи? Или боится, что собака будет пачкать квартиру и маме прибавится дела? Разберись.

с отрядом

Постарайся понять маму. Конфликты могут возникать еще и потому, что у вас нет общего дела, общих разговоров. Ты себе гуляешь допоздна, а мама придет с работы усталая, ей тоже хочется отдохнуть, а надо браться за ужин, за домашние дела. Ты бы ей помогла, улыбнулась. У мамы было бы другое настроение и больше времени осталось бы, чтобы поговорить с тобой о твоих бедах, о ее горестях — о жизни. Сходили бы вы вместе в кино, повязали бы вместе, испекли пирог. Попробуйте, я думаю, все изменится.

Лариса ОНЕГИНА, город Новосибирск. Оля, первое время и у меня было, как у тебя. Но потом я попробовала делиться с мамой всеми мыслями, ситуациями и... сама не заметила, как «стена» разрушилась. Мы с мамой теперь самые большие друзья. Мы вместе ходим в турпоходы, ездим на лыжах, на коньках, играем в настольный теннис, читаем и обсуждаем прочитанное. И папа присоединился к нашей компании.

Олеся ГОРЯЧЕВА, город Хабаровск. Мне кажется, когда мы взрослеем, никто поначалу этого не замечает. Ты-то, Оля, знаешь, что ты большая, самостоятельная. Тебе хочется, чтобы и мама считала тебя взрослым человеком, имеющим свои права, взгляды на жизнь. А ты для нее остаешься девчонкой-несмышленышем, которая к тому же является в одиннадцать часов и требует собаку. Кстати, реакция мамы может еще зависеть от обращения к ней. Поверь, просто так никто кричать не будет. Мой совет тебе, Оля, взрослость доказывать делом и поступком — поведением.

Оля МИХАЙЛОВА, деревня Вурманкасы, Чувашская АССР. Первое слово малыша — это «мама». Как жить без мамы? Мама не оставит нас в трудную минуту, мама улыбнется и простит. Моя мама, Лимма Павловна, работает дояркой на ферме. Страна наградила ее медалью «За трудовое отличие». На ферме проработала она 20 лет, все ее любят, уважают. Мама растит пятерых детей. Есть у нее награда и за материнство. Я горжусь своей мамой, она добрая, отзывчивая, хорошая. Я ее люблю.

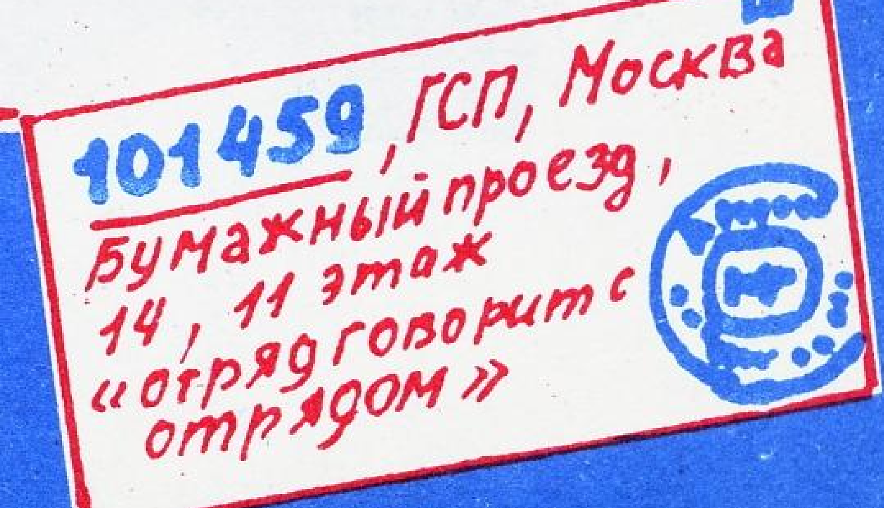
Игорь БЛОХИН, город Донецк, УССР. Оля, ты пришла в одиннадцать, и волнение твоей мамы естественно: где была? С кем? Каждая мама волнуется за своего ребенка. Если бы ты, Оля, чаще делилась с мамой своими мыслями и впечатлениями, ей не было бы за тебя так страшно. Много лет я читаю «Пионер», сейчас уже учусь в профессионально-техническом училище. «Пионер» всегда дает ответы на интересующие меня вопросы. Вот и мне захотелось поделиться своими мыслями. Я люблю рисовать, увлекаюсь литературой, играю на гитаре и, как все мальчишки, играю в футбол. Да, и вот еще что, Оля, помогаешь ли ты маме по хозяйству? Может быть, мама против собаки, потому что у нее и так нет свободной минуты. И собака кажется ей слоном. Родителей, даже если что-то кажется обидным, все равно надо любить. Они родители. Ты, Оля, лишний раз им улыбнись, скажи доброе слово, и «барьер разногласий» исчезнет.

Света ПАНКРАТОВА, город Фрунзе, Киргизская ССР. Я заметила, что взгляды, вкусы, подход к вещам у нас с мамой последнее время стали совсем разные. Иногда мамины суждения меня просто ошеломляют. Но ведь она мне мама. И я терпеливо стараюсь ее понять. Маме-то, может, тоже трудно. У нее тоже что-то может не ладиться. И с тобой она расстраивается. Тебе в четырнадцать лет хочется чего-то необычного, романтики, а ей с ее опытом жизни известна обыкновенная правда жизни. Подумай.

Юля ШЕПЕЛЬКОВА, город Москва. 14 лет — возраст сложный, переходный. Формируется характер. Чего уж и говорить, трудно с нами. Мы бываем и раздражительными, и порой даже грубыми. Не со зла. Просто в душе много противоречий. Но ты, Оля, постарайся обуздать их, не идти у них на поводу. Ты растешь, а мама-то остается прежней. Пойми, мама желает тебе только добра. Нет таких мам, которые своим детям добра не желают. И многое зависит не только от мамы, но и от тебя. Поверь, я пишу, опираясь на свой собственный опыт.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята! Мы думаем, выразим общее мнение, если от вашего имени и от лица журнала поздравим всех мам с МЕЖДУНАРОДНЫМ ЖЕНСКИМ ДНЕМ 8 МАРТА! И пожелаем им здоровья и радости от своих детей.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Н. ДАВЫДОВА

КТО СПАСЕТ ОТ ОДИНОЧЕСТВА?

Помогите мне! Я чувствую, что никому не нужна. Меня никто не понимает ни дома, ни в школе, ни во дворе. Почему все думают, что я плохая? Почему смеются надо мной?

Из письма Кати С.

Колючий дождь серой пеленой заслонял мне путь, мешал идти. Но огненно-красные клены бежали вдоль дороги, указывая направление. Ветер клонил их кроны, словно раздувал алые паруса и гнал вперед корабли.

Как в открытом море, подумала я. Где-то там, в неведомой дали, звучит призывный сигнал SOS, на который я мчусь на всех парусах. Если человек слышит этот зов, должен бежать на него сломя голову. Пусть нет надежды спасти попавшего в беду, а самому трудно и тяжело в этот час.

Когда сигнал раздается в открытом море, просит о помощи корабль, потерпевший крушение, или кричит человек заболевший, знаешь, что делать. А как помочь одинокому в окружении людей? Как избавить его от непонимания, насмешек окружающих? Из этой беды не вытащишь, как утопающего из воды, и не излечишь таблетками.

Не ко всем пристает одиночество, не всех оно избирает. Вот ходит геолог несколько месяцев один по таежным тропам или исследователь по пескам, изучая пустыню. Трудится лесник в глухом бору. И не кричат они о помощи, не просят спасти их от одиночества. Значит, не одно и то же означают слова «один» и «одинокий».

Из сел и городов приходят в редакцию тревожные письма-сигналы: «Дайте адрес! Я хочу переписываться с девочкой из другого города. У меня нет друзей». Бесконечные просьбы к родителям: «Купите собаку!» — тоже сигнал об одиночестве, крик о помощи.

Все настойчивее звучат они со всех сторон. И вот иду я на один такой крик, чтобы выслушать человека и тех, рядом с кем бродит он, молчаливый и грустный.

Мою знакомую каждый год возят в Крым. У нее хорошая семья.
А у меня...

Из письма Кати С.

Катя любила сильный, проливной дождь. Не потому, что ей нравилось, как барабанят капли по крыше и подоконнику, громко переговариваясь, бегут по водосточной трубе. Любила за то, что дождь никого не пускал в дом, запирал ее одну в комнате. Кто же пойдет в гости, когда дождь хлещет со всех сторон?

В дождь она сидела с закрытыми глазами и представляла ослепительное крымское солнце, море, белые яхты и не виданные ею, но прекрасные пальмы и кипарисы.

Море манило ее сильно и неотступно. Катя не хотела стать капитаном или юнгой. Она не мечтала о морских странствиях и приключениях. Катя верила, что далекий и таинственный Крым избавит ее от однообразия и скуки. Она надеялась спастись там от мучительного сидения в классе, надоевшей за много лет дороги в школу. От постоянных вопросов классного руководителя, беспокойного старого учителя: «Что с тобой? Как живешь, Катя?» От подруги, которая вечно бежала куда-то, тормошила ее, делилась нелепыми, фантастическими идеями.

Подруга часто рассказывала Кате о своих поездках в Крым, к морю, поэтому и села с ней Катя за одну парту. Катя же на лето никуда не выезжала из своего городка и после каникул не могла рассказать ничего интересного, чтобы одноклассники слушали ее, как Свету, затаив дыхание.

Правда, многие ребята оставались на лето в городе. Работали в соседнем колхозе, помогали взрослым на заводе и весело говорили о прошедших каникулах. Катя слушала их рассеянно и удивлялась: «Чему они радуются? Что же здесь интересного? Тот же город, те же лица, деревья, дороги». Она стремилась, но не могла вырваться из этого круга вечных повторений.

Не было спасения и дома. Стоило вообразить, что уносит ее в море легкая яхта, хлопала дверь, с шумом и грохотом врывался брат. Потом приходила с работы мать. Спрашивала, что приготовить на ужин, не забыла ли Катя зайти в магазин. Эти надоевшие вопросы, вечно усталый голос матери — все сливалось в единый безвыходный круг.

Едва сдерживая слезы, Катя выбегает на улицу. Но бродить просто так, без дела, по пустынным улицам городка странно и неудобно. Она отправляется к подруге, в рассказах которой надеется найти убежище и спасение.

Света вихрем налетает на Катю, в стремительном кружении влечет в комнату. Сажает за стол, раскладывает перед Катей открытки и книги, которые привез отец из последней командировки. Она знает, как можно развлечь подругу. Но Катя прощается и быстро уходит.

Дорогой в отчаянии думает, что нет у нее отца, а мама никогда не поймет ее. Не сможет бросить работу, дом, сад, подхватить их с братом и поехать в далекие, необычные края, где все не похоже на их скучную жизнь. А радуется мама и перевыполнению плана бригадой, и хорошему урожаю яблок, и новому платью для Кати. Но разве Кате может принести это радость?

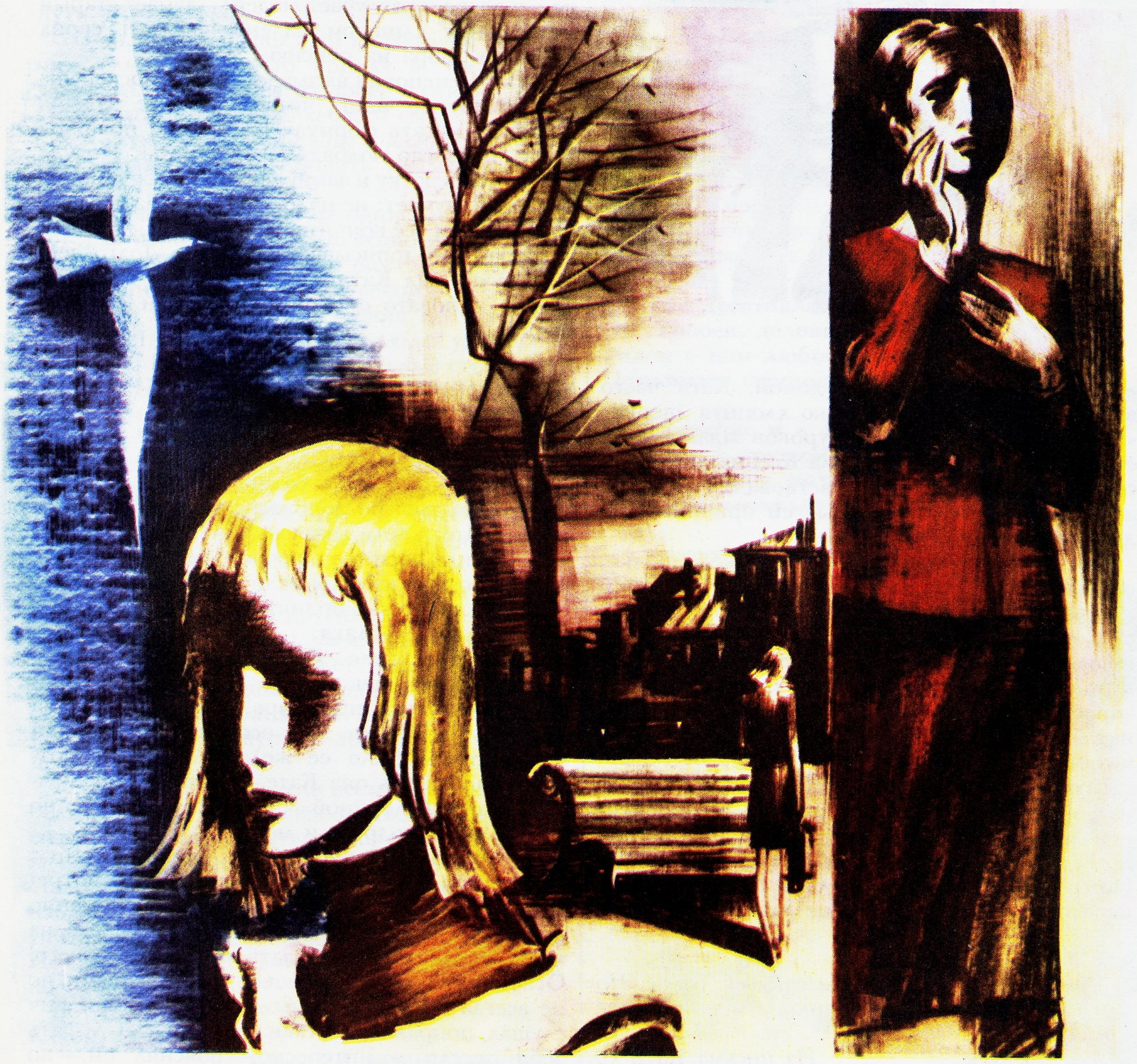
Мимо проходят девочки из соседней школы. Они громко разговаривают и смеются. «Никто не хочет понять меня,— в отчаянии думает Катя,— я никому не нужна!» Слезы, как единственное спасение, льются неудержимо и горько.

У нас каждый вечер ссоры с мамой. Я понимаю, что так нельзя. Но что же делать?

Из письма Кати С.

Ксения Петровна разговаривала о дочери с учителем, расспрашивала Катину подругу Свету. Но та пожимала плечами. А Борис Семенович разводил руками и говорил, что сам ничего не понимает. Приставать с вопросами к Кате мать не решалась. Видела, что каждый ее жест, шаг, фраза расстраивают и огорчают дочь.

Теперь Ксения Петровна вставала рано. Быстро прибирала в комнате, готовила завтрак. Старалась выходить из дома прежде чем проснутся дети. У заводской проходной появлялась первой. Долго задерживалась после работы. Чистила станок, сосредоточенно рассматривала детали. Домой шла медленно. Заходила в магазин, разговаривала с соседкой.



Борис Семенович не хотел, боялся уходить на пенсию. Но знал, ни за что не обойдет пенсия человека. Вот уже стоит совсем рядом, усмехается, разлучает его со школой.

Все тяжелей становится ему подниматься в кабинет физики. К четвертому уроку так устает, что нет сил встать со стула. Сидеть ему непривычно и странно. Раньше Борис Семенович любил быстро шагать по классу, задавать неожиданные вопросы. А теперь... каждый вечер, возвращаясь домой, учитель решает, что пора уходить. А утром пугается этого решения.

Борис Семенович пишет на доске условие задачи. Катя сидит, отвернувшись к окну. «Конечно, смотреть на воробьев увлекательней, чем на черную, мрачную доску»,— ворчит учитель.

Он давно размышляет, что делать с Катей, как вернуть ее в класс. Попробовали ребята дать ей общественное поручение: назначили вожатой к октябрятам. Отказалась. Выбрали в редколлегию — тоже. Иногда спрашивает учитель: «Как живешь, Катя?» Отвечает: «Как все». «Наверное, и возраст разлучает людей,— думает старый учитель,— я слишком далеко ушел от своих учеников, пора на пенсию».

Борис Семенович вызывает Катю к доске. Она с готовностью идет, читает условие задачи, начинает писать формулу. «Так, так, правильно!» — радостно подбадривает учитель. Но мел упирается в доску и замирает. Борис Семенович тревожно думает: не надо было вызывать Катю, знал же, чем все кончится. Он разрешает девочке сесть, сам дописывает решение. Долго держит ручку над Катиной фамилией в журнале. Потом виновато смотрит на Катю и ставит... тройку.

Когда мама приходила домой, Катя часто выбегала из комнаты, громко хлопнув дверью. «Наверное, в школе много уроков задают, устает»,— беспомощно объясняла Ксения Петровна состояние дочери. Но чувствовала, что есть другие, скрытые, невидимые ей причины раздражения Кати.

Как рассеять мрачное настроение девочки, она не знала. На день рождения сшила ей платье, Катя в этот же вечер села перешивать его. Купила билеты в кино, дочь на фильм не пошла, отправилась к подруге. Как-то заглянула в дневник, посмотрела, что задали. Весело спросила, прочла ли уже Катя «Евгения Онегина». Та лишь хмуро ответила: «А сама ты его читала?»

Ксения Петровна не читала «Евгения Онегина», не очень хорошо разбиралась в современной моде. Понимала, что дочери интересней поговорить с подругой, чем сидеть с ней в кино. Но не могла она безмолвно смотреть, как мечется дочь, и слезы ее не давали покоя.

Мне кажется, я могла бы учиться лучше. Но учителя занижают мне оценки, а моей подруге завышают.

Из письма Кати С.

Подруга тоже не хочет меня понять. Я чувствую, что никому не нужна.

Из письма Кати С.

Света мечтала стать балериной. Она любила быстро мчаться по дорожкам, легко кружиться по комнате. Свете казалось, что какая-то внутренняя сила носит ее в вечном, бешеном вихре, не дает остановиться, и, если сильно оттолкнуться от земли, можно подняться высоко и свободно, под самые облака.

Глядя в зеркало, Света неизменно видела толстое, розовощекое лицо. От веселой улыбки оно становилось еще шире. Смеялась девочка оттого, что в этот миг особенно нелепым и невероятным было ее желание. «Ну посмотри,— жаловалась она Кате,— этот толстяк мечтает стать балериной». Катя сосредоточенно смотрела на подругу и молчала.

Сидеть долго на уроке Свете было невмоготу. Она тянула руку и умоляющими глазами смотрела на учителя. Борис Семенович непременно сдавался и вызывал ее. Света мчалась к доске, на ходу понимая, что сказать ей почти нечего. Ответы ее были необыкновенно красочными, но не всегда правдоподобными. Борис Семенович слушал, поправлял и ставил четверки. «Слушать тебя весело и интересно,— пояснял он,— но

главное для тебя движение, а не учение». Пятерок Света не получала, но не огорчалась.

Выходили из школы вместе с Катей. Свете трудно было идти рядом с подругой, которая шагала тяжело и медленно. Она говорила, что торопится домой, вырывалась вперед. И вот уже парила, правда, только в мечтах, над соснами и крышами низких домиков. А где-то там, внизу, уныло брела молчаливая, хмурая Катя.

Человеку трудно одному, если он от людей уходит.
Из размышления автора над письмом Кати С.

Я возвращалась от Кати по той же дороге. Дождь давно кончился. Ветер весело раскачивал клены. Они помахивали мне вслед множеством ладоней, будто прощались. Не раздавалось больше крика о помощи, поэтому шла я медленно и спокойно. Катина история помогла ответить на вопросы, мучившие меня в начале пути.

Не знаю, согласишься ли ты со мной, дорогой читатель, но вот что поняла я. Не спасает человека от одиночества побег к синему морю. Не скрыться ему там от себя, от своей замкнутости и глухоты. Привезет он и к морю тяжелый груз. И там будет он ходить унылый и чужой всем.

Не избавит человека от одиночества собака, которая ходит за ним неотступно и смотрит на него преданно. Не поможет ему словом и делом, не заменит общения с человеком.

Геолог, исследователь, лесник не чувствуют одиночества, потому что не от людей уходят они в горы, пускаются в изнурительные странствия по пустыне. А для людей, ради них забывают свои уютные городские квартиры. И если устал ты от своего одиночества или чувствуешь, что только подступает к тебе это несчастье, не спеши кричать о нем. Прислушайся, присмотрись к себе. Постарайся понять, почему людям плохо рядом с тобой, почему отходят они от тебя.

Только свои беды слышит Катя, нетребовательна она к себе, а от других требует помощи и внимания. Люди рады бы ей помочь, готовы откликнуться. Но не может Ксения Петровна купить дочери модные джинсы. Не может учитель ставить пятерки за молчание у доски. Да и не хотят они покупать дружбу Кати такой ценой.

Кто поможет Кате, если носит она в себе свои беды, сама не хочет освободиться от них? Кто спасет ее от одиночества, если не пойдет она к людям? Не захочет понять, как тяжело и горько стало маме возвращаться домой. Не перестанет наблюдать равнодушно, как переживает старый учитель, видя перед собою отсутствующие глаза. По-прежнему будет смотреть на подругу холодно и безмолвно.

Вот так думаю я. А ты, что скажешь ты Кате? Какой ты дашь совет?

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Елена ФЛОРЕНТЬЕВА

Дежурный

И в девятом, и в седьмом,
В пятом, третьем, во втором —
В каждом классе — шум и смех,
Успокой попробуй всех!

Первоклашка-ученик,
Потеряв в толпе дневник,
Потерялся сам уже
На четвертом этаже.

Первый «а» свой класс искал.
В первом «б» мелок пропал.
В третьем классе слышен плач —
Им прививки сделал врач.

В пятом лодырей стыдят.
Те тихонечко сидят.

В классе, кажется, в восьмом
Кто-то ходит колесом,
И в десятом весь урок
Осыпался потолок...

Но идет дежурный Коля
Наводить порядок в школе —
В темно-синем пиджаке
И с повязкой на руке.

Он уже десятиклассник.
Он спокоен, деловит.
Рядом с ним любой проказник
Принимает скромный вид.

И в девятом, и в седьмом,
В пятом, в третьем, во втором
Тишину навел тотчас
И к себе вернулся в класс...

...А назавтра поутру...
Что такое?
Что за дело?
Кто там скачет ошалело,
Как огромный кенгуру?
Неужели это Коля?
Сотрясает стены в школе
Зычный крик и хохот бурный...

Он сегодня не дежурный.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ТАЙНА ПИРАМИДЫ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 2.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Ближе к Югу...

Как-то в начале декабря после уроков директор окликнул Джонни на улице недалеко от школы:

— Воробьев! Придержи свой стремительный бег! Есть разговор...

— Ой, здрасте, Борис Иванович!— обрадовался Джонни.

— Здравствуй... Что-то давно не заходишь. Так и застряли мы на ничьей.

— Евдокия Герасимовна сердится,— со вздохом сказал Джонни.— Да и вы заняты все время. Комиссии какие-то...

— И ты занят сверх головы, я смотрю...

— Угу.

— Джонни...— задумчиво сказал Борис Иванович. (Взрослые никогда не называли так Воробьева, считали это имя несерьезным, но директор иногда называл. Только не часто и один на один).— Джонни... Дал бы ты мне доработать до конца полугодия...

— А что случилось?— перепугался Джонни. По-настоящему перепугался.

— Комиссии, про которые ты говоришь, ходят в школу не просто так. Ты не маленький, должен понимать. Они всё смотрят и задают всякие вопросы. В том числе и такие: «Почему, уважаемый Борис Иванович, ваши младшие школьники по всему городу лазают на мусорных кучах и собирают всякую ржавую дрянь?»

— Это же операция «Горыныч»!

— Вот именно. Под руководством Евгения Воробьева, известного и другими скандальными операциями.

— Люди банки собирают, что тут такого?— обиделся Джонни.— Из чего чешую Горынычу делать?

— Лазанье по свалкам — это антисанитарное явление,— деревянным голосом сказал директор.

— Как металлолом собирать — это пожалуйста,— огрызнулся Джонни.— Все комиссии только поздравляют и радуются. А как для Горыныча — сразу придираются...

— Придираются не к Горынычу,— сказал Борис Иванович.

— А к кому?

Борис Иванович усмехнулся.

— Ни к кому... Просто делают вполне справедливые замечания: «Почему в прошлом году школа нарушила план «Зарницы» и вместо состязаний на полосе препятствий устроила форменный бой?» «Почему дети в теплую погоду ходят в школу без установленной формы?» «Почему старшеклассники выпускают такие р а з у х а б и с т ы е стенгазеты и позволяют себе критиковать учебный процесс?» И кстати: «Что это за слухи об антинаучном эксперименте с пирамидами?»

— Теперь десять лет будут вспоминать,— буркнул Джонни.

— Будут, пока я директор... А тут еще твой Горыныч...

— Банки мы уже собрали,— успокоил Джонни.— На трех драконов хватит.

— Дело не только в банках. У вашего дракона три головы, и ты наверняка в каждую пасть вставишь огнедышащий аппарат...

— Ну...

— Вот именно, что «ну». Давай сразу договоримся: чтобы никаких пиротехнических эффектов.

— Как это?

— Так это. Чтобы ни пороха, ни селитры, ни секретных адских смесей...

— Я что, совсем идиот?— оскорбился Джонни.— Третьеклассники, они же еще маленькие, при чем тут смеси...

— А операция «Зеленый слон»? Там были первоклассники.

— Так я и сам тогда... ну, не очень был,— самокритично признался Джонни.— А сейчас мы в глотки Горынычу импульсные лампы вставим. От фотовспышек. Братцы Дорины обещали сконструировать систему.

— Это безопасно?

— У них всегда все безопасно. Специалисты же...

— Может, все же прицепить к Горынычу огнетушитель?

Джонни понял, что это шутка, и деликатно посмеялся. Но директор остался серьезным и задумчивым. Джонни сбоку глянул ему в лицо и спросил прямо:

— У вас опять неприятности, да?

— Как тебе сказать... Не очень крупные, но... постоянные какие-то. Я, товарищ Воробьев, не справляюсь со своей работой.

— Ну уж! Это кто так говорит?— возмутился Джонни.

— Те, кому положено. Многие...

— А вы сами тоже так думаете?

— То, что думаю я, мало кого интересует.

— А что думаем мы... ну, вся школа? Тоже никого не интересует?

— Боюсь, что тоже... Поскольку я вас распустил.

— Как это?

— Слушай, Воробьев! Ты же вполне интеллигентная личность. Откуда у тебя такая привычка: «Как это»?

— Больше не буду. А как это вы нас распустили?

— Так это распустил. У меня излишне «пионерские» методы работы.

— Как э... Почему пионерские?

— Потому. Я же много лет работал вожатым. Вот и говорят: «Вы, Борис Иванович, до сих пор не забыли пионерское детство. А школа не летний лагерь, здесь главное дисциплина и стопроцентная успеваемость». Справедливо говорят, я это и сам отлично понимаю.

— Что, наша школа хуже других?— обиженно возразил Джонни.

— Отнюдь... В ней много хорошего. Но не директор.

— Ну уж...— опять сказал Джонни.

— Вот тебе и «ну уж». Так что постарайтесь не осложнять мне жизнь. Уяснил?

— Уяснил. Постараемся,— пообещал Джонни. И встревожился:— Только что-то мне все равно не нравится...

— Что?

— Вы сказали... Вот это: «Дай мне доработать до конца полугодия». А потом что?

Борис Иванович сказал медленно и внушительно:

— Милый Джонни Воробьев! Как, по-твоему, чем директор отличается от ученика? Подумай своей лохматой головой.

Джонни подумал.

— Ну... многим.

— Прежде всего тем, что ученика невозможно выставить из школы, если только это не законченный малолетний преступник... А с директором гораздо легче.

— И выставят?— шепотом спросил Джонни.

— Всякое может быть. Вот я и хочу дотянуть до зимних каникул, а там уступить место более опытным товарищам. Тихо и мирно.

— Не надо,— быстро сказал Джонни.

Борис Иванович невесело хмыкнул.

Джонни пообещал:

— Если мы виноваты, мы что-нибудь придумаем. Мы во всей школе...

— Дело не в вас. Дело во мне. Я не директор...

— Директор!

Борис Иванович тихонько засвистел на ходу. Это был «Марш юнармейцев школы № 2», сочиненный Сергеем Волошиным.

— Куда же вы денетесь-то?— горько спросил Джонни.

— Поделиться с тобой жизненными планами?

— Ага,— сумрачно сказал Джонни.

— Ладно, раз уж начал... На Южном берегу Крыма строят пионерский лагерь. Одно геологическое управление строит для своих ребятишек. Хороший лагерь, вроде «Артека», только поменьше. Меня туда зовут начальником.

— Кто зовет?— насупленно спросил Джонни.

— Зовут... Люди, которые помнят меня вожатым. Считают, что это дело как раз по мне... Там хорошо. Там то, что я люблю.

— А здесь... уже не любите, что ли?— не очень вежливо сказал Джонни.

— Не любил бы, так и не раздумывал бы. А теперь маюсь... Только, пока ломаю голову, может случиться, что не окажется у меня дела ни здесь, ни там.

— Посреди учебного года директоров не меняют,— напомнил Джонни. Кое-что в школьной жизни он понимал.— И не отпустят вас.

— Отпустят. У меня зав. гороно давний друг, вместе учились. Он меня директором поставил... Он теперь и отпустит с радостью.

— Вот это «друг»!— сурово проговорил Джонни.

— Зато на Юге буду... К Ленке поближе. Тоже обстоятельство...

— Вы в нашу школу столько сил вгрохали,— напомнил Джонни.

— Ну и вгрохал. Думаю, что не зря.

— А теперь...

— А теперь... Ладно! Это все еще так, размытые в воздухе проекты. Может, ничего и не будет. Женька...

— Что, Борис Иванович?

— Только твое честное слово, что про это молчок.

— Я что, не понимаю?

— Знаю, что понимаешь. Только бывает, что разговорится человек с друзьями о жизни, захочет поделиться и не выдержит, сболтнет незаметно.

Джонни прикинул: с кем бы это он мог так разболтаться? И спросил хмуро:

— С кем, например?

— Ну...— Борис Иванович улыбнулся.— Например, с Катей Зарецкой.

— Вот уж!..— вспыхнул Джонни.

— А что? Вы же такие друзья. Разве нет?

Джонни помолчал. Потом сказал, глядя под ноги:

— Не знаю...

— Да? Ну, извини... Кажется, я вторгся в личные дела.

— Да вторгайтесь, пожалуйста,— тихо сказал Джонни.— Только я правда не знаю.

Мама сердилась. Они с отцом пришли на обед, а сын болтается неизвестно где, вместо того чтобы разогреть суп и сходить за хлебом...

— Где ты был? У вас четыре урока...

— Сбор проводил у третьеклассников. Потом еще с директором беседовали.

— Господи... Что ты опять натворил?

Джонни обиделся:

— Сразу «натворил»! Просто так разговаривали, по-хорошему.

— О чем это можно по-хорошему разговаривать с директором школы?

— О жизни,— веско сказал Джонни.— Разве директор не человек?

— Он-то человек...— многозначительно произнес папа.

— «Не то, что ты, дорогой Евгений»,— закончил фразу Джонни.

— Именно... Я имел беседу с вашей учительницей математики. Что это за трюк с пирамидами?

— С ума сойти! Этими пирамидами меня будут изводить до пенсии. Даже собственные родители...

— Дело не в родителях, а в учительнице...

— Я же перед ней извинился!

— Она говорит: «Он извинился так, будто сделал большое одолжение».

— Мне что было, голову песком посыпать?

— Голову посыпали не песком, а пеплом,— назидательно сказал отец.— И не в знак раскаяния, а в знак траура. Не трогай древние обычаи, если ты такой невежда.

— Почему это невежа?

— Я сказал «не-веж-да». Значит, ужасно необразованный.

Джонни оскорбился:

— То ругаетесь, что меня от книжек не оторвешь, то необразованный...

— Смотря какие книжки,— заметила мама.— Ты читаешь всякую фантастическую дребедень. А надо читать классику.

— Классику я тоже читаю,— сказал Джонни, устраиваясь за столом.

— Вымой руки, читатель!

— Я уже мыл... Я недавно «Петра Первого» прочитал.

— «Петра» ты осилил, потому что там пахнет приключениями,— проницательно заметил отец.

— А Пушкин? Тоже приключения?

— Конечно. «Дубровский», «Пиковая дама»...

— Я и «Евгения Онегина» читал.

— Всего?— недоверчиво спросил отец.

— Угу,— жуя горбушку, ответствовал Джонни.— Интересно стало: он Евгений, и я...

— Ах, ну если с этих позиций...

Мама спросила издалека, от газовой плиты:

— И что же ты там понял?

— То, что они оба болваны,— сообщил Джонни.

— Что-о?— сказала мама и уронила поварешку в горячую кастрюлю.

— Кто?!— сказал папа.

— Онегин и Ленский. Вздумали стрелять друг друга из-за такой бестолковой девицы... Это, значит, нам с Алхимиком тоже надо было дуэль устраивать?

Клей «Собачья преданность»

Никаких дуэлей у них не было, и отношения оставались вполне приятельские. Алхимик был парень деловой и надежный. Серьезный. И сейчас Джонни собирался к нему, чтобы клеить головы Горыныча. До сих пор это не получалось: упругие картонные выкройки разъезжались, канцелярский клей и мучной клейстер их не держали, эмульсия ПВА была лучше, но она тоже срабатывала не сразу. Место склейки надо было прижимать, а как сунешь под пресс драконью башку размером с бочонок?

Но вчера Алхимик сказал, что изобрел новый клей. Он схватывает сразу и намертво.

Директор окликнул Джонни на улице недалеко от школы:
— Воробьев! Придержи свой стремительный бег...

Это оказалось правдой. Когда Джонни пришел к Алхимику, тот клеил для третьеклассников шляпы-пирамиды. Вся работа занимала полминуты: ножницами — щелк, щелк, железной линейкой по линии сгиба — ж-жик, кисточкой по краям — р-раз! Согнул шапку, хлопнул по ней — и готово!

— Держит, как электросварка,— похвастался Мишка Панин. Он и Димка Васильков уже сидели в новых шляпах. Еще двое мальчишек и третьеклассница Муравейкина ждали, когда Алхимик смастерит.

— Сделай и мне,— попросил Джонни.— Старая развалилась. А я привык, не могу без нее домашние задания делать, мозги выключаются.

— Неужели эти штуки по правде помогают?— усомнился Вовка Алхимик.

— У нас успеваемость на четыре процента повысилась,— похвастался Мишка.— Инна Матвеевна говорила.

— Только она говорила, что не из-за пирамид, а потому что Джонни стал нашим вожатым,— уточнила Муравейкина.

— Это она в классе говорила,— подал голос робкий Дима Васильков.— А Катьке своей сказала, что, может быть, и пирамиды помогли. Потому что внушение получается. Как гипноз.

— Ну, если гипноз, тогда ладно,— сказал Алхимик. Гипноз — это было научно, а в науку он верил беззаветно.

А Джонни, услыхав про Катьку, насупился. Вчера у него с Катькой было очередное решительное объяснение. Джонни сказал, что, если она по уши втюрилась в Алхимика, это ее личное дело. Ему, Джонни, на это наплевать (к тому же Алхимик парень вполне подходящий). Но почему при этом Катька шарахается от друзей? Например, от него, от Джонни? Он просто пришел к Инне Матвеевне (а даже и не к Катьке), чтобы договориться о репетиции, а она, Катька, смотрит на него, будто он сейчас начнет объясняться в любви...

Катька сказала, что он балбес. Ни в кого она ни вот настолечко не втюрилась (это во-первых), а смотрит она так потому, что у нее смертельно болит голова (это во-вторых).

«Ах, у меня смертельно болит голова»,— томно повторил Джонни и сказал, что так говорят лишь капризные дамы вроде Викиной тетушки Нины Валерьевны.

Катя сказала, что он законченный нахал и что все нынешние мальчишки совершенно не умеют себя вести с женщинами и девушками.

Джонни разъяснил, что она еще не женщина и не девушка, а просто девчонка. То есть сплошное недоразумение. По-немецки, например, девчонка даже не женского, а среднего рода: «дас мэдхен».

Катька прищурилась, как в прежние хорошие времена. И сказала, что ответит сейчас по-японски. И потерла левой рукой ребро правой ладони. Она две недели по самоучителю занималась каратэ и считала себя большим специалистом.

Джонни сообщил, что японских фокусов он не изучал, но может по-русски — сзади коленом.

Катька прикинула глазом расстояние до Джонни.

Джонни напомнил, что у нее «смертельно болит голова».

Катька сказала, что это ничего.

Тут вошла Инна Матвеевна и велела садиться за стол. За чаем Джонни и Катька слегка помирились, но досада в Джонниной душе осталась.

Сейчас, у Алхимика, чтобы эту досаду никто не заметил, Джонни торопливо проговорил:

— Сделай еще одну шляпу, для Юрика Молчанова. Он тоже обещал прийти.

— Он в больницу пошел,— сказал Панин.

— Опять, что ли, заболел?

— Да нет, на проверку какую-то...

— Все равно склей,— сказал Джонни Алхимику. Тот послушался.

Потом взялись за Горыныча. Выкройки драконьих голов были сделаны заранее, сгибы размечены. Через пятнадцать минут первая башка красовалась на столе среди химических склянок, паяльников и банок с разноцветными смесями.

— Ох и страшилище!— восхитилась Вероника Муравейкина.— А когда раскрасим, совсем красавец станет.

— Виктория эскиз делала,— объяснил Джонни,— моя соседка. Она талант, в художественный институт собирается... А Серега Волошин в своем литературном кружке пьесу про Горыныча переписывает. Чтобы не такая глупая была...

— Ох и друзей у тебя,— с почтением сказала Вероника.— Целый город!

А ее одноклассник Владик Пистолетов (по прозвищу Наган, хотя «наган» это вовсе не пистолет, а револьвер) громким шепотом сказал:

— Ой...

Никто сперва не понял, почему «ой». Наган был человек веселый, круглолицый, с рыжеватыми торчащими волосами. Но теперь он вроде бы похудел, а волосы печально полегли.

— Встать не могу,— жалобно сказал Владик.— Наверно, на стуле клей был.

Алхимик бросился к нему, поднял за плечи. Легонький гнутый стул оторвался от пола и повис за спиной у Нагана. То есть даже не за спиной...

— Теперь всё,— деловито сказал Алхимик.— Дело мертвое. Этот клей называется «Собачья преданность».

— Почему?— спросил приятель Нагана Саня Чибисов.

— Потому что вечный и самый крепкий. Как собачья верность. Собака хозяина ни за что не бросит, пусть он хоть какой. Хоть двоечник, хоть кто... Она не спрашивает. Привязалась навеки, вот и все...

И Алхимик вздохнул. Другие тоже из вежливости вздохнули. Все знали, что у Вовки Алхимика мечта — завести преданную собаку. Но он не мог себе это позволить. Собака требует забот, а Вовка всю свою жизнь посвятил научным открытиям.

— Мне такая преданность зачем?— отчаянно спросил Наган.— Мне так и ходить, что ли, с этим стулом дурацким?

Алхимик сказал, что стул можно разломать и оставить только фанерное сиденье. Оно нетяжелое.

— Балда,— уныло проговорил Наган и, кажется, подумал: не зареветь ли?— Мне за штаны дома знаешь что будет? Они же школьные.

У Алхимика иногда в самые неподходящие моменты прорезался холодный юмор. Алхимик сказал, что, когда объясняешься с родителями, иметь сзади такой щит совсем нелишне.

Джонни нахмурился. Третьеклассники — его подопечные, и он как командир обязан был защищать их от всяческих невзгод.

— Ты вот что,— сказал он Алхимику вполголоса, но решительно.— Давай изобретай какой-нибудь раствор, чтобы эту «преданность» отмачивать.

Алхимик понял наконец, что дело нешуточное.

— Растворитель для маникюрного лака надо. И скипидар... Скипидар есть, а растворителя...— Он развел пятнистыми от химикатов ладонями.

— У Кати Зарецкой есть,— сказала Вероника Муравейкина.

— Да ты что!— возмутился Панин.— Инна Матвеевна сроду маникюр не делала.

— Она не делала, а Катька пробовала,— невозмутимо сообщила Вероника.— Света Головкина рядом с ней живет, она говорила...

— Катька совсем рехнулась,— сказал Вовка Алхимик.— Я ей, дуре, покажу маникюр.

Джонни опять нахмурился. Маникюр — это, конечно, дурь, но какое право Алхимик имеет воспитывать Катьку?.. Однако прежде всего штаны.

— Панин, дуй к Катьке за лаком,— приказал он.— А ты, Наган, вылазь из штанов, пока насквозь не проклеилось. Тогда совсем худо будет.

...Панин вернулся через двадцать минут. Вместе с Катей. Она принесла пузырек. Алхимик приготовил вонючий раствор. Штаны отодрали от стула вместе с тонким слоем фанерной дранки, потом отмочили растворителем и дранку. Наган снова сделался беззаботным и веселым. Пока штаны сохли, он, тонкий и костлявый, в черном тренировочном костюме, радостно скакал по комнате, и рыжие прядки торчали у него, как коротенькие рожки.

— А не вставить ли нам в спектакль чертенят?— раздумчиво проговорил Джонни.— Для массовости...

— В спутнике кино идет «Чертенок»,— поглядывая по сторонам, сказала Катя.— Сказочный фильм. У меня два билета есть... Вовка, может, пойдешь со мной?

— А Джонни?— хмуро спросил честный Алхимик.

— Ну... я же не знала, что он здесь,— ненатурально соврала Катька.

— Мишка, давай вторую башку клеить,— сказал Джонни.

Алхимик решительно произнес:

— Катерина, это свинство.

— Ох и грубиян ты, Алхимик.

— Какой есть...

— Можете идти без меня, вдвоем с Джонни,— сказала она голосом больной принцессы.— Могу оставить билеты.

— Можешь, так оставь,— отозвался Алхимик.

— Так, да?

— Так.

— Ну и пожалуйста! А я пошла.

— До свиданья,— решительно сказал Алхимик.

Джонни отрешенно молчал.

— Пойдем в кино, Джонни,— сказал Алхимик.— Пусть... Доклеим вторую башку и пойдем...

Через полчаса они шагали к «Спутнику», и оба сердито молчали. Но, конечно, не друг на друга они сердились, а на глупую Катьку. А может, на самих себя. О чем думает Алхимик, Джонни не знал, а сам он думал, что Катька за последнее время кошмарно поглупела. Ей, дуре, только бы поиграть в любовь и ухаживание... Ну что же, случалось, что и сам Джонни был не прочь поиграть. Но не до такой же степени, чтобы портить другим жизнь. И не будет он из-за Катьки страдать. Человеческая дружба не собачья преданность, здесь голову иметь надо...

— Переживем,— сказал Джонни.

— Угу...— отозвался Алхимик.— А вон идет твой Молчанов.

Юрик шел навстречу. Увидел Джонни и заулыбался.

— Ты зачем опять в больницу ходил?— строго спросил Джонни.— Снова кашляешь?

— Да я все время помаленьку кашляю,— признался Юрик. И перестал улыбаться.— А в больницу для анализов. Меня все-таки в санаторий посылают, в «Березку». На целый месяц.

— Месяц — это немного,— утешил Джонни.— Ты держись.

— Ага, я буду... Джонни... А когда приеду, все равно съездим с тобой, да?

— Куда?— не понял Джонни.

— Ну, в Москву-то! На морскую выставку!

— А!..— Джонни помигал, вспоминая.— Ну о чем разговор! Мы же договорились.

Юрик опять заулыбался. И они пошли к «Спутнику» втроем.

— Можно, я с вами на «Чертенка» пойду?— попросил Юрик.— У меня десять копеек есть.

— Ну о чем разговор,— снова сказал Джонни.

Однако оказалось, что билетов на этот сеанс уже нет. Юрик печально посмотрел на захлопнутое окошечко и опустил руки в полосатых варежках.

Алхимик задумчиво глянул на него из-под растрепанной и прожженной шапки.

— Вы вот что... Идите-ка вдвоем, без меня,— предложил он.— Я на эту картину не очень-то рвусь, у меня дел по горло...

Джонни обрадовался в душе: с Юркой ему было проще и легче. А Юрик — тот вообще просиял открыто.

Из вежливости они проводили Алхимика до угла кинотеатра. Там Юрик спохватился:

— Ой, а деньги-то! Ты возьми за билет.

— Я же его не покупал.

— Все равно. Катьке отдашь,— дернуло за язык Джонни.

Алхимик хмыкнул:

— Давай.

Юрик нашарил в кармане гривенник и еще пятак. Гривенник отдал, пятак зажал в варежке.

Алхимик ушел, Джонни и Юрик прошли в фойе.

— Давай глотнем газировки,— предложил Джонни.— В горле дерет от скипидарного запаха...

— А мелочь есть?

— У тебя же есть пять копеек. Мы по полстакана...

Юрик тихонько улыбнулся:

— Это не пять копеек. Это твоя монетка с «Золотой ланью».— Он разжал ладошку.

— А-а...— улыбнулся и Джонни.

— Я ее всегда с собой ношу,— сказал Юрик.

Джонни кивнул.

— Джонни...— Юрик нерешительно поднял светлые глаза, в них была тревожная просьба.— Можно, я спрошу... про одно тайное дело? Совсем-совсем по-дружески, чтобы никому больше.

— Конечно!— Джонни отключился от других мыслей. У Юрки было что-то нешуточное.

— Джонни, я вот чего боюсь... там, в «Березке»... Если очень уж станет так... ну, домой захочется. Особенно вечером. В горле совсем заскребет... Может, от этого есть какие-нибудь таблетки? Ну, как от укачивания в самолете. Ты не знаешь?

— Не знаю...— растерянно ответил Джонни.

— Я боюсь, что вдруг не сдержусь...

— Юрка... Ну и не сдерживайся,— тихо сказал Джонни.— Если потихоньку, не при всех, то иногда можно... Даже помогает.

— Тогда ладно...— со вздохом проговорил Юрик.— А может, я и ничего. Я с собой эту монетку возьму. И буду сильно-сильно в руке сжимать, если заскучаю.— Юрик улыбнулся, но глаза его по-прежнему были серьезные. А Джонни вдруг опять подумал, что Юрка стал почти одного с ним роста.

Но мысль о Юрке тут же перемешалась с другой — снова о Катьке и Алхимике. Это была колючая мысль: а почему Алхимик отдал билет? Пожалел Юрика и пошел домой к своим колбам? Домой ли? С Катькой они живут совсем рядом.

Подозрительность — нехорошее свойство. Но, с другой стороны, Джонни знал, что даже самые благородные люди иногда подвержены слабостям.

— Твой санаторий не самая большая беда, Юрик,— с грустной доверчивостью сказал он.— Ты только не вздумай влюбляться.

Юрик раскрыл глаза широко-широко.

— Я что, ненормальный?

В дальнюю дорогу

Спектакль «Федя Мудрецов и дракон Горыныч» прошел с громким успехом. С таким, что его пришлось повторить на вечере старшеклассников и на общешкольном родительском собрании.

От начального сценария в спектакле осталось мало. Федя из унылого двоечника превратился в неунывающего и находчивого человека. Дракон Горыныч был уже не кровожадным чудовищем, а довольно добродушным зверем, несчастным от одиночества и необразованности. В конце спектакля Горыныч и Федя становились друзьями и дракон поселялся у Мудрецовых в гараже. Там он принимался за учебу: голова Степка — по программе третьего класса, голова Эдуард Коленкорович — в Институте охраны природы (заочно). И только голова Филиппыч от учения отказалась, заявив, что она уже на пенсии...

Серега Волошин с приятелями не только переделал пьесу. Он еще написал песенки: для Феди и для Горыныча — для каждой головы.

Кроме третьеклассника Мудрецова и дракона, в пьесе участвовали Федины одноклассники, черти-

— Встать не могу,— жалобно сказал Владик.— Наверное, на стуле клей был.

подростки, родители, глупый волшебник Звездочеткин и учительница. И зрители утверждали, что все они исполняли свои роли, как народные артисты. Но, конечно, самый громадный успех был у Горыныча. Он хохотал, пел, танцевал, жаловался на судьбу, звенел и сверкал панцирной чешуей, махал перепончатыми крыльями. Пасти его полыхали электронными вспышками. На афише, где указывались исполнители, было написано: «Змей Горыныч — группа под управлением Е. Воробьева».

Группа — потому что Горыныча играли пять человек. Один двигал крыльями, еще один управлял электроникой (это был сообразительный Мишка Панин), и, кроме того, потребовался, как и было задумано, исполнитель для каждой головы. Голову

Джонни тоже стал кататься.
У него был великолепный поднос из белой пластмассы.
Красными буквами на нем было написано
по-немецки «Летающая тарелка».

Степку играла Вероника Муравейкина. У нее оказался звонкий мальчишечий голос. Правда, сама она была толстая и в очках, но под шкурой дракона этого все равно никто не видел...

Потом школьные праздники прошли, и начались новогодние каникулы.

Третьеклассники забрали Горыныча себе. Лишние механизмы из него вытряхнули, а громадное сверкающее чучело таскали по улицам на палках с хохотом и бренчанием. А еще интереснее было, когда они с Горынычем съезжали с крепостного вала.

С этого вала катались все мальчишки и девчонки города. Да и взрослые тоже. На санках, на специальных снегокатах, а чаще на фанерках или пластмассовых подносах. Целые толпы с криками и смехом неслись вниз по накатанным обледенелым склонам и, как пестрый горох, рассыпались по площади, где стояла большущая елка.

И вот представьте себе: над разноцветными куртками и шапками, распахнувши зеленые крылья, летит с высокого склона серебристое и золотистое чудовище с тремя оскаленными головами!

Иногда компания третьеклассников, которая во время такого полета держала Горыныча над собой, рассыпалась по сторонам и дракон ехал вниз на собственном пузе. Но и тогда он высоко держал три головы с хохочущими зубастыми пастями. И выше всех — голову Степку, на которой красовалась детская бескозырочка с надписью «Герой». Бескозырка не падала: Алхимик приклеил ее «Собачьей преданностью».

Алхимика Джонни увидел сразу, как поднялся на вал. И Катьку. Стоял уже совсем вечер, темно-синие сумерки. Но елка бросала с площади на гребень вала разноцветный переливчатый свет и всех было прекрасно видно, все лица различимы. По Катькиному лицу пролетали будто оранжевые и голубые прозрачные крылья. И черные кудряшки под вязаной шапкой искрились. И глаза... Джонни вздохнул: все-таки Катька была красивая.

— Привет,— сказал он.— Не могли уж зайти за мной, олухи...

— Мы хотели,— объяснил Алхимик слегка виновато.— Да, говорят, тебя сегодня дома не было.

Джонни хмыкнул и посмотрел на Катьку уже не так ласково. Ясно было, кто «говорят».

Но обижаться, ревновать и портить себе настроение не хотелось. Потому что был праздник и зимняя сказка вокруг. На площади у сияющей елки вертелись украшенные лампочками карусели. Мерцал и переливался ледяной терем. И всем-всем было весело.

Но Джонни не стал здесь кататься. Он снова сказал Катьке и Алхимику «привет» и пошел по гребню вала туда, где потише. К Песчаной улице. Здесь тоже была сказка, но другая, задумчивая. Огоньки внизу светили неярко, заснеженный сквер был похож на дед-морозовский лес, месяц вверху — уже не тонкий, налитой, похожий на запрокинутый кораблик — светил ярко. Небо вокруг него было зеленым, а клочковатые облачка серебрились. Старинные белые соборы высоко подымались над валом. Они казались вырубленными из громадных сахарных глыб, а сахар этот словно подсветили изнутри.

Народу в этом месте было немного. Но третьеклассники катались именно здесь. Человек десять. Они ездили со склона сами по себе, а утомившийся за день Горыныч отдыхал в кустах у подножия вала.

Третьеклассники шумно приветствовали Джонни, но кататься не перестали.

Джонни тоже стал кататься. У него был великолепный поднос из белой пластмассы. Такой громадный, что хоть втроем садись. Красными буквами на нем было написано «FLUGTALER». Поднос подарила Вика, она же сделала надпись. И объяснила, что это означает по-немецки «Летающая тарелка».

Тарелка и в самом деле была летающая. Скользкая пластмасса свистела по накатанным склонам почти без трения и выносила легонького Джонни на середину сквера — на поляну, где торчали вырезанные из сухих стволов богатыри и колдуны...

Джонни съехал несколько раз, потом наверху разговорился с Мишкой Паниным.

— Сегодня днем Горыныча для телепередачи снимали,— сообщил Панин.— Дядька из Москвы приезжал с кинокамерой.

Джонни и обрадовался и огорчился. Обидно стало, что его на съемке не оказалось.

— Мы сказали, что Горыныча ты придумал,— объяснил понимающий Панин.— Дядька твою фамилию записал.

Это Джонни утешило.

Панин сообщил еще одну новость:

— От Молчанова открытка пришла из санатория. С поздравлением.

— Мне тоже,— сказал Джонни слегка досадливо, потому что его царапнула совесть. А царапнула она из-за письма. Письмо от Юрика пришло еще давно, в середине декабря. Молчанов писал, что живет хорошо, не скучает, но дома все равно лучше, только ничего не поделаешь, потому что надо хроническую пневмонию вылечивать до конца. Еще писал, что в санатории есть школа, и он учится нормально, и что у них тоже будут каникулы. Плохо только, что каникулы эти придется провести в «Березке», потому что смена кончается десятого января.

«Жалко, что мы с тобой в каникулы не поедем в Москву,— выводил Юрик большими, но ровными буквами.— Но потом все равно поедем, да?»

В конце письма, как печать, чернел натертый карандашом кружок — оттиск полупенни с корабликом. И Джонни хорошо вспомнил вечерний разговор дома у Юрика, жареную картошку и тонкий месяц в окне. И подумал, что надо Юрке ответить. Сразу же. Но сразу не получилось, потому что позвонил Борис Дорин, велел прийти за вспышками для голов Горыныча. Потом надо было учить математику, а то Анна Викторовна вкатает трояк за четверть (самое обидное, что все равно вкатала). Потом еще навалились какие-то дела... В общем, не написал Джонни ответ. А теперь и смысла нет писать. Пока письмо придет в «Березку», глядишь, и смена Юркина закончится...

— Ох, все-таки я такая свинья,— сказал Джонни.— Юрка мне и письмо и открытку, а я так и не раскачался.— Обругав себя, он почувствовал кое-какое облегчение.

Мишка успокоил его еще больше:

— А мы писали ему от тебя привет. Димка писал. И что ты его вспоминаешь... Ну, помнишь, мы про него разговаривали, когда крылья Горынычу делали.

Джонни вспомнил: действительно разговаривали про Молчанова. Да и не один раз, кажется... Он обрадовался:

— Спасибо, Мишка. Голова у тебя варит.

— Ага... Можно, мы вместе на твоей тарелке скатимся?

— Давай.

Мишка был грузноват, но пластмассовый «флюгталер» будто не ощутил двойной тяжести и унес обоих пассажиров далеко в сквер. И замер на утоптанной дорожке — прямо у ботинок высокого прохожего. Тот чуть не полетел с ног.

— Ой... мы нечаянно,— пискнул на всякий случай Мишка.

Прохожий сказал с высоты:

— Если не ошибаюсь, товарищ Михаил Панин и товарищ Евгений Воробьев...

— Здрасте, Борис Иваныч!— хором обрадовались Джонни и Мишка.

— Осваиваем снежные трассы?

— Ага!— Джонни вскочил и отряхнулся.— Хотите с нами?

— Очень хочу. Но совершенно не могу. Во-первых, модное пальто обдеру, во-вторых, иду по делу... Джонни...

— А?— в один миг насторожился Джонни.

— Раз уж повстречались, может, проводишь немножко?

Джонни сунул Мишке в варежку веревку от «флюгталера».

— Катайся пока на моей тарелке. Если задержусь, затащишь мне домой.

Осчастливленный Панин усвистал наверх.

Джонни и Борис Иванович неторопливо зашагали рядом и вышли из сквера на Песчаную. Горели желтые фонари, и утрамбованный на асфальте снежок тоже был от них желтым. На нем темнели переплетенные тени кленовых веток.

— Я на почту иду,— как-то нехотя сказал Борис Иванович.— Ты не торопишься?

— Нет...

Борис Иванович неловко усмехнулся:

— Я вот о чем подумал... Мы не первый раз так с тобой шагаем и беседуем о жизни.

— Мы пока еще ни о чем не беседуем,— осторожно напомнил Джонни.

— Да... В общем, так. Послезавтра еду в Москву, а оттуда лечу на Юг.

— Зачем?— не понял Джонни.

— Ты разве забыл? Я говорил про лагерь.

— А...— сразу вспомнил Джонни. И опустил голову. И все стало... да нет, ничего не стало, все было прежним. Только скучно сделалось.

— Значит, насовсем?— негромко спросил Джонни.

— Пока на несколько дней. Посмотреть новое место, решить кое-какие вопросы. Потом вернусь еще, конечно, только ненадолго.

— А может, не надо?— сказал Джонни полушепотом. И получилось жалобно, как у малыша.

— Не надо возвращаться?

— Не надо уезжать,— произнес Джонни уже иначе, неласково.— Это же от вас зависит.

— Кое-что от меня. Кое-что нет. И это «нет», братец мой, сейчас сильнее.

— Почему?— хмуро спросил Джонни.

— Обстоятельства. Ты ведь не маленький, должен понимать, что такое обстоятельства.

Джонни ровным голосом сказал:

— Я понимаю. Обстоятельства — это второстепенные члены предложения. Обстоятельства места, времени и образа действия.

— Угу... Только не всегда они второстепенные, если на самом деле. Они смешиваются — обстоятельства времени, образа действия и места. И получаются обстоятельства жизни.

— Вообще-то я слыхал, что человек бывает сильнее обстоятельств,— так же ровно отозвался Джонни.— Это иногда и в книжках пишут. Но я все-таки еще маленький. В этом я не разбираюсь.

— Ты обиделся.

— Нет, — честно сказал Джонни. — Только жалко...

— Что?

— Что уедете...

— Может быть, другой директор будет лучше.

— Может быть... Не в этом дело.

— А в чем?

— Ну что вы, не понимаете, что ли?— тихо сказал Джонни и пнул смерзшийся комок.

— Что... не понимаю?

— Просто жалко... что больше не встретимся.

— Да...— выдохнул Борис Иванович и помолчал.— Думаешь, мне не жаль? Если говорить честно, Женька, ты был для меня в этой школе самое светлое пятно. Теперь-то я могу это сказать, бог с ней, с педагогикой.

— А я и так знал,— дерзко сказал Джонни.

Борис Иванович коротко засмеялся:

— Да? Ну и отлично.

— Ничего не отлично... Все равно больше не увидимся.

— Зачем уж так-то? «Больше не увидимся».

— А где? Ну, может, случайно когда-нибудь...

— Слушай!— Борис Иванович остановился.— Джонни! А давай я тебя летом в этот лагерь заберу! Мы с тобой там такие дела устроим! А? Давай! Хоть на все три смены!

Джонни тоже остановился. Потому что это была идея! Обстоятельства жизни сразу и сильно менялись.

— А это можно?

— А чего же? Я же буду начальник. В конце концов не обязательно по путевке, будешь жить у меня.

Джонни задумался. Первая радость схлынула, теперь он размышлял спокойнее.

— Это хорошо, конечно...— вздохнул он.— Только на все лето нельзя. У меня и здесь куча дел. Раскопки под валом устраивать будем, крепостное подземелье искать...

— Но на одну-то смену можно!

— Да...— Джонни опять вздохнул. Потому что до лета было почти полгода. Целая бесконечность.

Борис Иванович его, кажется, понял. Помолчал, похлопал себя по карманам, будто искал сигареты, хотя не курил (по крайней мере при ребятах). Потоптался и вдруг предложил:

— А махнем сейчас вместе, а?

— Куда?— не понял Джонни.

— Туда, на Юг. В лагерь... Мне одному лететь туда тоже как-то... несладко. А тут вдвоем. Веселее. А?

Джонни изумленно моргал.

— В самом деле!— Борис Иванович оживился.— Это же ненадолго! Туда и обратно — неделя, за каникулы управимся. Там сейчас, конечно, не лето, но все равно хорошо. Говорят, в этом году и зимы-то нет, бывает до десяти градусов тепла, а то и больше. Трава зеленая. В такую погоду даже миндаль начинает зацветать! Знаешь, как цветет миндаль? Листьев еще нет, а все ветки в цветах.

— Вы... это правда, что ли?— шепотом сказал Джонни.

— Конечно! Это же просто! Послезавтра вечером в Москву, там в аэропорт, а утром уже в Крыму... И к морю... Море всегда море, Джонни, не только летом... Вот сейчас так и слышу запах водорослей. Побродим по берегу... Ты был у моря?

Джонни был. Но очень давно, больше чем полжизни назад. Он с родителями жил в пансионате в Анапе. Потом ему вспоминалась толпа на знойных пляжах, взбаламученное мелководье и постоянные мамины страхи, что он утонет или потеряется. А настоящее море он не запомнил. Уже потом из книжек он узнал, что море — это целая жизнь приключений, открытий и путешествий. И очень жалел, что раньше по молодости лет не понимал этого.

Теперь-то он все понимает и познакомится с морем как следует!

Только... неужели это всерьез?

— Сейчас позвоню знакомому в Москву, чтобы заказал туда и обратно два билета,— решительно проговорил Борис Иванович.

— Ага... «два билета»,— спохватился и приуныл Джонни.— Он сколько стоит, билет-то...

— У тебя же будет школьный, за полцены. Вернее, просто детский, тебе еще нет двенадцати.

— Полцены — это тоже...— грустно сказал Джонни.— Мы недавно холодильник новый купили.

— Как-нибудь... Я недавно получил гонорар за статью в «Семье и школе»...

— Нет уж,— решительно возразил Джонни.— Лучше я скажу дома, что не надо к лету нового велосипеда. Этот год как-нибудь проверчусь на старом драндулете, Дорины починят. Только...— Он замолчал и виновато засопел.

— Что?

Джонни спросил тихо, будто он не храбрый пятиклассник Воробьев, а оробелый первоклашка:

— А вы не пошутили?

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

«САД МИРА» — ФЕСТИВАЛЬНЫЙ САД

Тысячи писем приходят в редакцию в адрес операции «Сад Мира». Вот некоторые из них.

«В свободное время я хожу на тренировки по пожарноприкладному делу. Я не хочу, чтобы деревья и все цветы в одно мгновение вспыхнули от ядерного взрыва и моментально превратились в пыль. Я, как и все пионеры Советского Союза, хочу, чтобы ребята нашей планеты стали сажать деревья и цветы. Я призываю всех укрепить нашу дружбу Садом Мира».

Сережа МАКЕЕВ,
г. Стучка, Латвийская ССР.

«Я никогда не видел дедушку. Последнее письмо его было из-под Орла. Затем через несколько дней пришла похоронка. Дедушку я видел только на старой довоенной фотографии. Я не хочу, чтобы снова началась война. Я хочу, чтобы у всех были и папы и дедушки. А в память о погибших на войне давайте, ребята, посадим Сад Мира!»

Саша КОЛЕСНИКОВ,
г. Николаевск, Волгоградская область.

«Когда была война, люди работали не по восемь часов, а по двенадцать, шестнадцать, а порой и ночевали на работе. С питанием было очень плохо. На одного рабочего человека давали 600 граммов хлеба. Потом на фронт забрали дедушку, а по окончании военного училища на фронт ушел мой дядя. С войны не вернулся мой дедушка. Мой дядя погиб 15 июля 1943 года.

Я хочу мирного неба, счастливой жизни. Ведь сохранение мира — это самое главное. Я всегда весной буду сажать деревья, цветы в честь мира на земле».

Жанна ЛЫСЕНКО,
г. Новокузнецк.

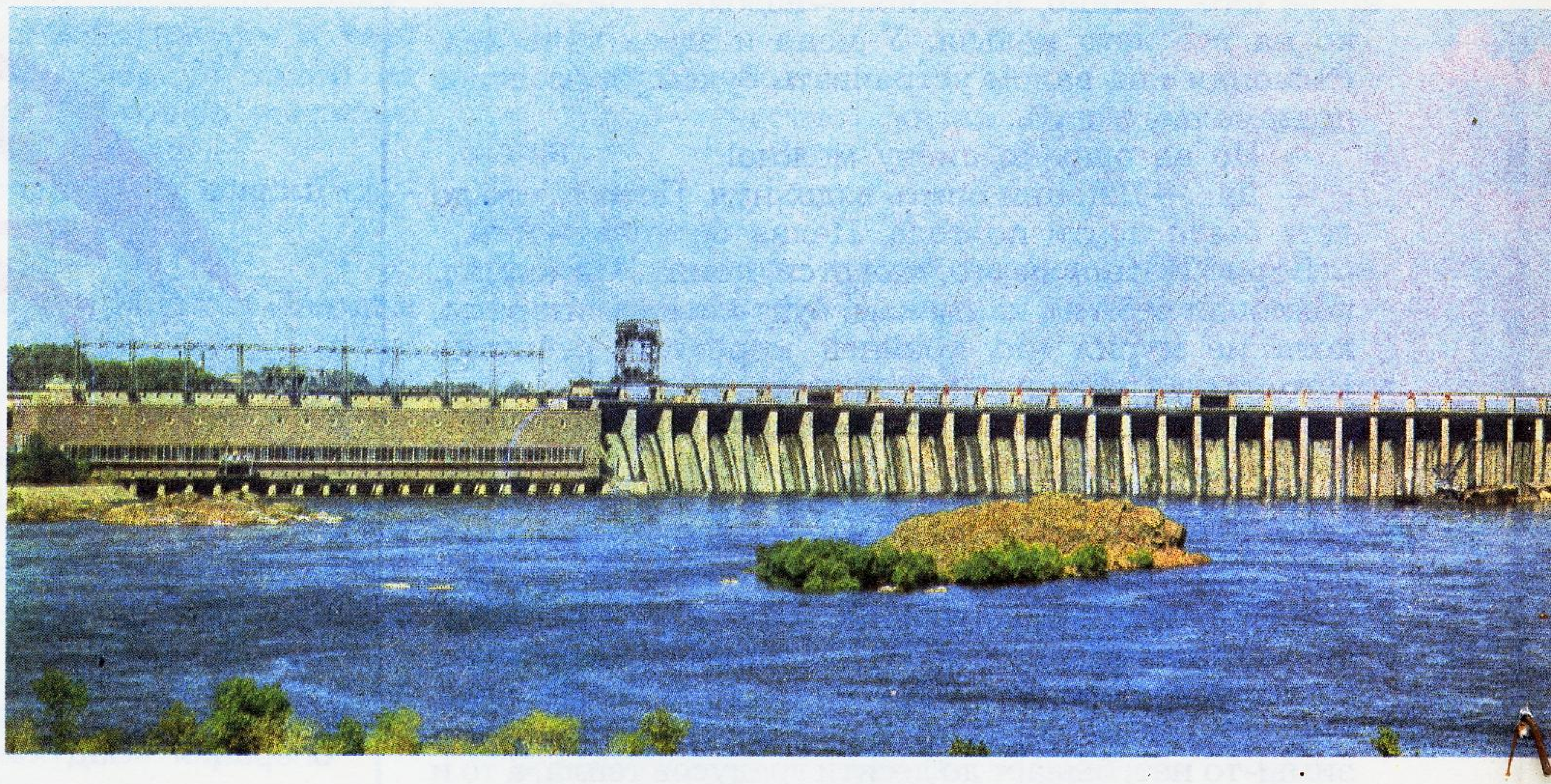
ОТ «БОЕВОГО ЛИСТКА»: РЕБЯТА! ТИМУРОВЦЫ!

СКОЛЬКО ВЫ ПОСАДИЛИ ЦВЕТОВ И ДЕРЕВЬЕВ?

НАПИСАЛИ ЛИ ВЫ ПИСЬМА С РАССКАЗАМИ О ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ РОДСТВЕННИКАХ, ПРОТЕСТАМИ ПРОТИВ ВОЙНЫ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»?

КАК ГОТОВИТЕСЬ К ТИМУРОВСКОМУ ПОХОДУ ЗА МИР, КОТОРЫЙ СОСТОИТСЯ 9 МАЯ 1985 ГОДА В ДЕНЬ 40-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ?

ПРОСИМ ВСЕХ, ВСЕХ, ВСЕХ ОТКЛИКНУТЬСЯ, РАССКАЗАТЬ, ОТВЕТИТЬ НА НАШИ ВОПРОСЫ!



У ЗАПОРОЖЬЯ — ТРУДОВОЙ

Этот кряжистый запорожский дуб, любовно охраняемый горожанами, очень стар. Ему 700 лет. Он был свидетелем, трудно себе представить, татаро-монгольского нашествия! Он помнит, как запорожские казаки писали,— может быть, как раз под его ветвями — свое знаменитое письмо турецкому султану. И как Богдан Хмельницкий после победы над польскими шляхтичами объявил о воссоединении Украины с братской Россией. Помнит, и как в 1770 году построили на берегу Днепра военную крепость Александровск для защиты южных границ от крымских татар и турецких янычар. И как превратилась с годами эта крепость в мирный и сонный уездный городок с небольшими промышленными предприятиями.

Но грянула революция и проснулся городок Александровск. В 1920 году был принят ленинский план ГОЭЛРО — грандиозный план электрификации всей страны. Этот план намечал строительство на Днепровских порогах гидроэлектростанции огромной по тем временам мощности — 560 тысяч киловатт. И ничем до тех пор не знаменитый городок, который стал называться Запорожьем, вдруг очутился в центре внимания страны и всего мира.

Больше шестидесяти тысяч парней и девушек — комсомольцев, съехались из всех республик на строительство электростанции. Страна находилась в разрухе, и техника самая примитивная — лопата и тачка, но таким все были охвачены трудовым вдохновением, что невозможное стало возможным: через пять лет, в 1932 году, ГЭС вступила в строй. Комсомольская организация города за строительство Днепрогэса была награждена орденом Ленина.

...Помнит старый дуб взрывы фашистских снарядов в 1941 году. Сорок восемь дней наши войска удерживали противника у стен города. Под непрерывным обстрелом эвакуировались заводы. Последняя смена рабочих прежде чем оставить город подорвала опоры плотины и вывела из строя оборудование, чтобы не досталось оно фашистам.

Два года хозяйничали гитлеровцы на запорожской земле. Но напрасно они сгоняли рабочих и под угрозой расстрела заставляли их восстанавливать оборудование. Им так и не удалось пустить электростанцию. И тогда фашисты решили стереть ее с лица земли. Они устроили минные камеры в теле плотины, начинили аммоналом генераторы и турбины. В одну из штолен плотины они заложили сто полутонных авиабомб. И когда в ночь на 14 октября 1943 года наши войска штурмом взяли город, прежде всего были посланы к плотине разведчики, водолазы и саперы. Им удалось отыскать кабель, ведущий к авиабомбам, и предотвратить основной взрыв.

И все же разрушения были чудовищны. Хаос, месиво из бетона и металла — вот что осталось от плотины. А город... В нем не было ни одного уцелевшего жилого дома. Руины и пепелище.

Старый дуб стал свидетелем возрождения плотины и города. Снова это была всенародная стройка, за которой следил весь мир. На Западе писали, что не меньше тридцати лет потребуется на восстановление

ХАРАКТЕР

электростанции, а она вступила в строй через три года. И пошла набирать силу. Сейчас ее мощность полтора миллиона киловатт, и это не предел.

Вот она, могучая плотина, как полукруглый гребень, врезанный в синюю косу Днепра. Серый камень, синяя вода, белые чайки. А вокруг, по правому и по левому берегам Днепра, раскинулся молодой город, многоэтажный, чистый, деловой и в то же время праздничный, весь в зелени и цветах.

Названия улиц и площадей рассказывают о трудовом характере города: аллея Трудовой Славы, проспект Металлургов, улица Сталеваров. Это один из крупнейших промышленных центров нашей страны. Тут более трехсот промышленных предприятий. Знаменитые заводы — автомобильный, трансформаторный, моторостроительный, Запорожсталь...

Вдоль города на двенадцать километров протянулся по Днепру заповедный остров Хортица. В древности, когда Днепр еще назывался Славутичем, тут скрещивались торговые пути «из варяг в греки». Преодолев крутые пороги, причаливали к берегам Хортицы большие ладьи. С севера приплывали вятичи, кривичи, россичи, славутичи, привозили пушнину, мед, воск, кожи, зерно, вяленую рыбу. А с юга подходили греческие, византийские суда, привозили оружие, седла, металлические инструменты, посуду. И устраивались тут великие торжища, ярмарки. А потом начинались дружеские соревнования между племенами — по борьбе, по стрельбе, по плаванию. На охоту ходили — в лесных зарослях острова водились в те времена и кабаны, и медведи, и олени.

В окрестностях города археологи обнаружили больше семи тысяч курганов, древних захоронений. Каждый год земля открывает ученым новые и новые свои тайны. Предметы из скифских и сарматских погребений, наконечники стрел и орудия труда древнего человека хранятся в городском краеведческом музее и в крупнейших музеях страны.

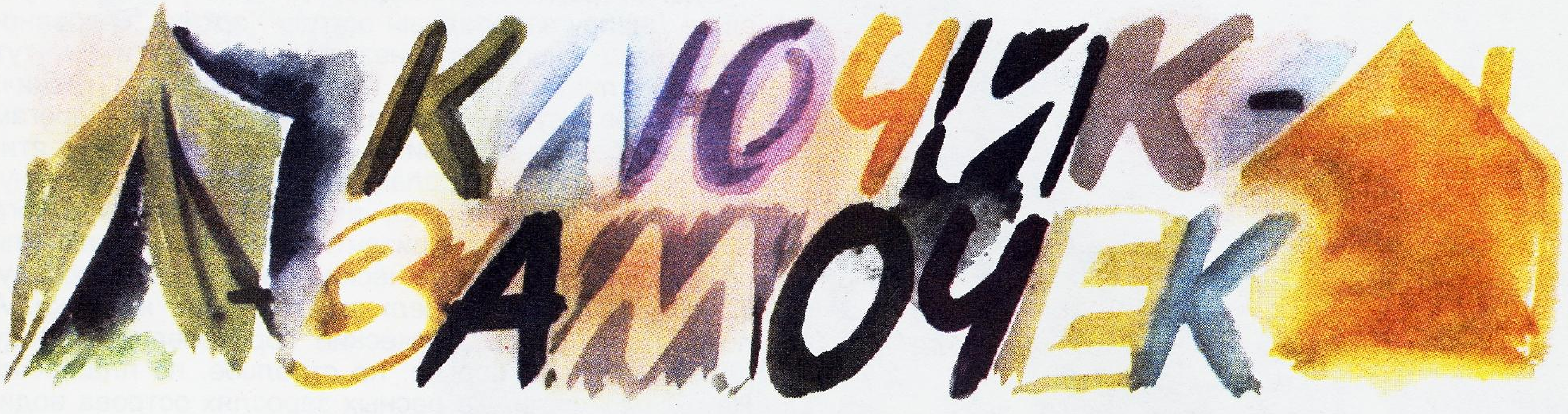
Историю своего края изучают и ребята из 84-й школы. Они вместе со своим учителем истории Олегом Михайловичем Роговым создали в школе клуб БИНС (бороться, искать, находить, создавать). У них свой музей краеведения и этнографии. Здесь находки из археологических экспедиций, в которых ребята каждый год принимают участие, и из семейных архивов. Удивительные тут есть реликвии — буденовка прадеда, веретена и прялки прабабушек, боевые медали дедов... Смотришь на все это, и кажется, что славное прошлое живет рядом, помогая понять настоящее и заглянуть в будущее.

...Шелестит листвой древний дуб, хранитель памяти запорожской земли. Вокруг него разрослась целая роща крепких молодых дубков, его потомков.

Анна МАСС

Фотографии Д. ГЕРМАНА.

Лев КУЗЬМИН



РАССКАЗ

Рисунки С. ОСТРОВА.

1.

За темными от ночной росы палатками затормозили тяжелые автомашины.

Из передней выпрыгнул прораб Веня Капитанов.

Он, большой в сером тумане, запрокинул голову, хлестко свистнул. Сонный люд в палатках очнулся, загомонил. Через минуту-две высокие борта машин упали, началась торопливая разгрузка.

А потом, когда в степи рассвело, когда плеснуло розовым солнце, все здешние рабочие и приезжие шоферы сидели, завтракали под сквозным, на крепких столбах навесом.

Рабочие с гостями дружно хлебали стынущий на ветру суп. Лишь Веня, распахнув свой неуклюжий брезентовый плащ, то и дело поправляя на круглом лице очки, все еще ходил и ходил возле желтых смоляных штабелей, все заглядывал в истрепанную записную книжечку.

И вот довольный, что ничего в долгом пути не сломано, не потеряно: каждая доска тут,— книжечку захлопнул.

Стряпуха Юля Петушкова схватила чистую миску, кинулась к струящей голубой дым плите. Сынишка Юли, семилетний Николка, выудил из посудного ящика запасные ложку, вилку, быстро положил на стол, на всегдашнее Венино место. Но Веня Николку остановил:

— Намажьте бутерброд, и точка! Я опять в путь, я опять с машинами на станцию...

И, видя, что он желает сказать что-то еще, причем очень важное, все, кто сидел за столом, хлебать перестали.

Да Веня не сказал ни слова. Веня вынул из плаща, из кармана довольно солидный гвоздь. Шагнул к торчащему рядом со столешницей высокому столбу навеса и вдруг вдавил одним лишь большим пальцем этот гвоздь чуть не по самую шляпку в столб, в сухую, крепкую древесину.

Приезжие шоферы ахнули. Ойкнул во весь голос Николка. Только рабочие-строители удивились не слишком. Им про Венину могучесть было уже известно. Они ее видели на сегодняшней ночной разгрузке, когда Веня всем помогал, и теперь все ждали: что будет дальше?

А дальше Веня вытянул из кармана брякнувшую связку: новенький врезной замок и длинный к нему с фигурною бородкою ключ.

Связку накинул на гвоздь:

— Вот ключик-замочек от четвертой квартиры... Что будем делать с ней?

И все очнулись, все зашумели:

— С какой — «четвертой»? У нас первой ни у кого нет!

Веня объяснил:

— Я сегодня привез все, что нужно для сборки двух домиков. Все одинаковые. В каждом — по паре квартир. А дважды два, ясно даже Николке, четыре. В трех — по вашей же общей просьбе — мы срочно должны открыть амбулаторию, свою пекарню и хоть какую-то, но непременно, баньку... С прорабской конторой я и в палатке погожу. Все равно — больше на ногах да в разъездах... И вот по этой арифметике выходит: четвертую квартиру можно отдать уже и под жилье. Но кому? Знаю, вы тут без меня думать, гадать начнете, так давайте решим сразу.

И Веня связку на гвозде, словно колокольчик, покачнул, всех оглядел; и тут улыбнулся молодой бригадир Иван Петушков, отец маленького Николки:

— Я не заспорю, если отдашь ключик-замочек мне...

Иван шутливо привскочил, протянул шутя руку. Его товарищи подхватили весело:

— А что, прораб? Отдай, и точка! Петушков — трудяга. Он, кроме того, сюда с семьей приехал. Вот видишь, у нас все решено...

— Зато у нас ничего не решено!— вдруг раздалось оттуда, где сидел со своими помощниками другой строительный бригадир — Дюкин.

Рассерженный Дюкин при этом даже не ворохнулся. Вскакивать, суетиться Дюкину не подходило ни по его возрасту, ни по его характеру. Он лишь опустил под стол, под ноги, баранью косточку, которую сцапал там его питомец — песик Люсик, а сам Дюкин опять исподлобья оглядел веселых петушковцев:

— Решить должна только работа и лишь работа... Чья бригада соберет один домик раньше, вот той бригаде и ключ.

Дюкин хотел добавить что-то еще, вероятно, о Петушкове, тот тоже изготовился на быстрый ответ, да Веня поднял широченную ладонь:

— Стоп! Верно. Ключик-замочек преподнесу лучшему из лучших, когда возвращусь. А пока

приз пускай висит для поднятия, так сказать, вашего духа.

— Дух у нас всегда высокий!— засмеялся было Петушков по-прежнему, да Дюкин обрезал:

— Не говори «гоп»...

И помощники Дюкина так согласно, так дружно набычились, что сразу стало понятно: как ни храбрись Петушков, а за одно лишь «здорово живешь» ключика-замочка ему не получить.

— Ой, Иван... Что будет теперь?— испуганно прижала Юля к губам смятый фартук.

Иван живо выбрался из-за стола, Юле помахал:

— Будет все тики-так. Готовься к новоселью. Мои ребятишки не подведут.

И он выскочил из-под навеса, его «ребятишки» повыскакивали следом, и все они помчались туда, где под солнышком за палатками должна была начаться степная новостройка.

Дюкин с бригадой пошагал в том же направлении. И шагала эта бригада будто шла на стенку. На такую стенку, которую надо прошибать кулаками. А кулаки дюкинцев — даже Веня Капитанов мог бы позавидовать... А уж песик-то Люсик явно гордился своим хозяином сверх всякой меры. Он семенил рядом с Дюкиным, держа свой хвостишко тоже куда как гордо, тоже неприступно.

2.

Николка ринулся было вслед, да Юля его остановила:

— Тебя лишь там не хватает... Смотри, замнут в горячке. Дюкин вон какой пошел... Трактор! Бульдозер! Непоборимая гора!

И повернулась к Вене:

— Зачем ты бригадиров-то этак раскипятил? Ивана моего не знаешь? Дюкина не знаешь? Теперь сшибутся — не унять. Разве это соревнование? Это гонка какая-то! Ну, сказал бы, мол, объявлю благодарность, а ты ведь повесил — КЛЮЧ!

Веня нахмурился не хуже Дюкина:

— Гонка, говоришь?

И чуть ли не прикрикнул на Юлю:

— А ты как бы хотела? Приехала по боевой комсомольской путевке, а трудиться тут предлагаешь от звоночка до звоночка, тихо, мирно, по аккуратному расписаньицу? Вот столько часиков на труд честный, а вот столько часиков и на травяной кочке под гитару позагорать? Не-ет! С таким настроением, Юля, новый совхоз до зимы не построить. А не построим, то какие же мы тогда первопроходцы-пионеры? И ты меня гонкой не упрекай! Это не гонка. Это нас время не ждет. Не успеем до буранов, до метелей, разъедутся отсюда все, даже самые упорные. Ты тоже не захочешь морозить своего Николку в палатке... Или захочешь?

— Ох!— испугалась Юля.

— Тогда не осуждай... Нет у нас иного выхода, как только строить день и ночь. Сюда еще ведь люди прибудут... Ну, а кто для будущих людей старается сейчас, кто первый, кто не жалеет себя и своих рук, тот, я считаю, имеет право знать наперед, какая ждет награда и его... А теперь где мой бутерброд? Слышишь, машины сигналят, торопят.

И Юля выхватила из кухонного ларя пачку масла, непочатую буханку хлеба. Длинным ножом распахала буханку вдоль:

— Которую половину, Веня, тебе намазать?

Веня глянул, ответил:

— Обе мажь!

И Юля все масло размазала по обеим половинам, а Веня их сложил и с таким вот двойным бутербродищем в руках заторопился на призывное бибиканье машин.

Побежал, обернулся, привстал:

— Насчет «сшибки» бригадиров ты, Юля, все же не трусь... Знай себе кухарь. Ну и заодно за ключиком-замочком приглядывай.

— Почему приглядывать? Ты думаешь, они Ивану, они нам достанутся? Ты в Ивана больше веришь, да?— Так и распахнула серые глаза Юля, но Веня лишь хмыкнул, пожал плечами:

— Вот на это ответить не имею права. Сама верь!

И побежал дальше, отломил, отправил на ходу в рот такой шмат бутербродища, что Николка вытаращил глаза. И пока Веня не уселся в кабину, пока не уехал, все глядел Вене вдогон.

Потом покачал головой, спросил у матери:

— Ключик-замочек преподнесу лучшему, когда возвращусь. А пока приз пускай висит для поднятия, так сказать, вашего духа.

Дюкинцы и за ложки взялись, будто за самый что ни на есть важнейший инструмент. И хлебать начали — ну прямо, как снова работать.

— А что, мам... На прорабов учатся?
— Конечно, учатся...
— Долго?
Юля засмеялась:
— На таких, как Веня, наверное, долго.

3.

А в степи за палатками вовсю теперь звенели и звенели плотничьи топоры. И Юля Николку, когда он туда засматривался, больше не одергивала. Ей самой теперь было любопытно, что же такое там происходит.

И хотя после завтрака надо было вновь приниматься за кухонные дела — мыть посуду, чистить картошку, открывать консервные банки, все приготавливать для обеда,— Юля с Николкой успели слетать, поглядеть на плотников не один раз.

Бегали они от раскочегаренной плиты, от булькающих на огне кастрюль по очереди. И рассказывали друг дружке все по очереди.

Николка возвращался со стройки, переводил дух, сиял:

— Стараются! Вовсе и не сшибаются, а стараются. Дядька Дюкин с помощниками подымает вот такую, чуть ли не до неба, деревягу, и папка — подымает... Дядька Дюкин командует своим: «Раз, два, взяли!» И папка командует: «Раз, два, взяли!» А еще они кричат: «Тащи, Николка, воды! Жарко!»

Юля хватает ведро:

— Воды принесу сама!

И, оплескивая босые ноги, оплескивая подол платья, мчится с полным ведром на стройку сама. Потом тоже говорит Николке:

— Да-а уж! Я такого нигде еще, ни на какой работе и не видывала... Я и не думала, что наш папка такой на дело хваткий.

— А Дюкин?— спрашивает Николка.

— Что Дюкин?

— Дюкин хваткий тоже?

— И не говори... Ты видел сам. Иначе бы он наших и на спор вызывать не стал.

Тогда Николка обводит взглядом степь, палатки, глядит — не слушает ли кто?— заговорщицки подмигивает матери:

— Давай папкиной-то бригаде хоть как-нибудь да помогать. Давай, когда туда бегаем, хоть доски от штабелей незаметно подносить, что ли...

Но Юля сразу машет на Николку:

— Нечестно! Папка нам за эту подмогу такую баню устроит, не обрадуешься. Я думаю, он справится сам.

— И ключик-замочек будут наши?

— Лучше не гадать. Сглазим! Но заиметь такое счастье неплохо бы...

И они опять кашеварят. Юля заправляет кипящие кастрюли картошкой, лавровым листом, перцем. Николка домывает в тазу и раскладывает вверх донцами по скамье металлические миски.

Тень от кухонной крыши все короче. Она теперь только под самым навесом. Сквозь редкие щели в крыше пробиваются почти отвесные лучи, пятнают дощатый стол, касаются столба с гвоздем, и там золотятся ключик с замочком.

А за палатками все не смолкает перезвон топоров. А вокруг зеленый простор, голубое до горизонта небо, жаркое солнце — и настроение у Николки с Юлей отличное.

Юля даже говорит Николке совсем теперь уверенно, совсем как взрослому:

— Завез нас папка сюда, похоже, не зря... Похоже, кончилось наше мотание по всяким общежитиям и будет у нас наконец отдельная, своя квартирка. Да еще на этаком приволье! Как въедем, так сразу посажу под окошками сирень, яблони. На ту весну они распустятся, красоту дадут. А папка весь поселок отстроит и перейдет в механизаторы. Он все умеет. Он станет пашню пахать, хлеб сеять. Я в совхозную столовку определюсь; ну, а ты здесь начнешь ходить в школу... И будет у тебя, Николка, в этом краю настоящее родное место!

— А сейчас оно мне какое? Не родное, что ли?— улыбается Николка и начинает умело, привычно расставлять обсохшие миски по длинному столу.

А тут как раз стихает заметно и стук топоров на стройке. Юля хлопочет еще быстрей, говорит:

— Которая-то бригада собирается на обед.

— Дядьки Дюкина...— смотрит, подтверждает Николка.— Вон они вышагивают все, и даже Люсик... На стройке стучат теперь только наши, только папка.

— Папка у нас — тако-ой! Папка у нас — работник! Обедом и то оторвешь не вдруг...— гордится Юля, отстраняя от бьющего пара, от кастрюли подальше лицо, пробует горячее кушанье в последний раз.

А бригада Дюкина хотя подошла к кухне всего лишь на обед, но подошла опять куда как деловито. Дюкинцы и за ложки взялись будто за самый что ни на есть важнейший инструмент. И хлебать начали — ну прямо, как снова работать. Никаких тебе лишних слов, никаких тебе шуток. Только звяк да бряк, да иногда басовитое покашливание.

Лишь сам Дюкин за весь обед сказал два слова.

Первый раз он сказал «Тубо!» Люсику, когда тот, не в пример хозяину, разыгрался. Не успев вылакать то, что ему Дюкин отплеснул из своей миски в специальную посудинку, Люсик нанюхал под столом какую-то щепку и давай ее грызть, трепать, шумно с нею возиться — вот и получил «Тубо!» от Дюкина.

А еще раз Дюкин высказался лишь в самом конце быстрого обеда. «Спасибо!» — буркнул он неизвестно кому, то ли Юле, то ли Николке, и потопал во главе своей молчаливой команды опять на строительство.

— Ну и бирюк!— безо всякого теперь настроения сказала Юля вдогон Дюкину.— Сам бирюк, и себе в бригаду напринимал таких же...

И вдруг Юля закричала:

— Иван, а Иван! Ну что же ты с дружками прохлаждаешься, когда Дюкин опять на работу пошел?!

Закричала она так, потому что Иван Петушков с товарищами теперь и в самом деле прохлаждался. Они все поливались за кухней у водозаборной колонки, и хоть бы им что! Они там хохотали, дергали рукоять насоса, подставляли под холодную струю головы, ладони; а сам Петушков, скинув на траву темную от пота рубаху и блестя голыми плечами, махал Николке:

— Иди к нам! Побрызгайся, не трусь.

А потом, когда, мокрые, шумные, уселись обедать, то и за столом спешили не очень.

Юля летала с поварешкой, с кастрюлей вдоль стола метеором, а они хлебали, посиживали, будто им не только сегодня, а и завтра не нужно никуда.

Наконец Юля не стерпела, даже назвала Ивана, как не своего, по фамилии:

— Петушков! Дом достраивать собираешься?

Иван глянул, усмехнулся, словно поддразнил:

— По закону Архимеда после сытного обеда полагается нам, плотникам, еще поспать...

— Что-о?— замерла возмущенно Юля.

— По какому закону? Почему спать? День же!— вовсе опешил Николка.

— Не нагоняй, бригадир, на родню страха...— засмеялись Ивановы помощники. И давай объяснять Юле, что работать в такую жарынь совсем невыгодно, только измаешься. А вот когда они поспят, да наберутся силы, да когда жарища посвалит, тогда они вновь начнут гнать работу вперед — только, Дюкин, держись!

— Мы и ночи на стройке прихватим. Дюкину, не бойся, не уступим,— сказали плотники, отправляясь «набираться силы». Но и все равно такое объяснение Юлю и Николку не успокоило ничуть.

4.

Теперь было так: со стройки доносился стук топоров дюкинской бригады, а невдалеке от навеса взвивался над палатками молодецкий храп спящих петушковцев.

Храп был настолько могуч, что, казалось, именно от него и дрожит весь жаркий и степной воздух. И дрожал он час, дрожал два, а потом пошел и третий час. И как Юле ни хотелось, но подойти к палатке и скомандовать подъем она не могла. Иван Петушков об этом не просил. А то, о чем не просил бригадир, то делать в бригаде было не положено.

Юля с Николкой лишь старались возиться пошумней у плиты. Они брякали чугунными конфорками, стучали кочережкой, даже несколько раз, как бы нечаянно, спускали с высокого стола на низенькую кухонную скамеечку порожний, звонкий таз.

А тут еще вдруг явился со своим Люсиком Дюкин.

Красный, распаренный от жары Дюкин, шумно дыша, уставился на Юлю:

— Что задумали? Где Иван? Отчего не работает?

— Гав, гав! Р-ры, р-ры...— поддержал песик хозяина.

Юля на песика — нуль внимания, но от Дюкина на всякий случай отшагнула подальше:

— Вон — палатка, вон — в палатке Петушков. Пойди, да сам все у него и разузнай.

Но Дюкин не пошел. Дюкин лишь послушал богатырское храпение, скосоротился ехидно:

— Ага... С тылу меня обойти решили! Ночь себе захватить... Ну, поглядим!

И выговорил Юле:

— А ты, значит, болеешь только за свое? Нам воды на стройку не подносишь? Нарочно?

— Ой!— вмиг стала Юля куда красней лицом, чем Дюкин. И, повторяя: «Да это я просто забыла! Да это я просто запамятовала»,— схватила сразу два ведра, помчалась к насосу. Вцепилась в железную рукоять, изо всей мочи застукала, закачала.

Но когда оба ведра тяжело подняла и шагнула с ними, то Дюкин ведра отнял, понес, как пушинки, сам.

А Юле пропыхтел:

— Ладно уж! Через силу не рвись.

Он ушел, а Юля после этого так шуранула опять со стола звонкий таз, что храп в палатках оборвался, а из ближней вылез Иван Петушков.

Вылез, поглядел на вечернее солнце, на сопки вдали, потянулся, сказал:

— Вот теперь — тики-так! Налаживай, Юля, чаек; я подниму ребятишек, а там и на дом, на работу.

— Ребяти-ишки... На до-ом...— передразнила

Юля.— Проспал ты со своими ребятишками дом-то! Дюкин, небось, уж крышу кроет.

— Точно?— не поверил Иван.

— Точно не точно, а все ж он после обеда не дрыхнул, как некоторые.

Иван засмеялся, приоткинул полог соседней палатки, закричал туда, будто в глубокий туннель:

— Вылазь, «некоторые»! Нас тут прорабатывают. Надо исправляться.

И вот, напившись чайку да еще пошутив над расстроенной Юлей, бригада Петушкова наконец-то собралась.

Выпросился у матери и Николка. Да она ему сказала и сама:

— Конечно, глянь, что теперь там творится. Вернешься — доложишь.

Иван, все в том же хорошем настроении, привлек Николку к себе:

— На батю не докладывают... Пойдем-ка лучше не в контролеры, а в ученики.

— Поработать дашь? И там Дюкин не закричит, что нечестно?— обрадовался Николка.

— Не закричит... Мы ему ответим: «Учеников учить не запрещается!»

А кто-то из молодых бригадников даже уточнил:

— Мы тебя, Николка, перво-наперво научим самому главному плотницкому слову. Вот лежит, к примеру, бревно. Оно тяжелое. Его впятером не поднять. А гаркнешь хором: «Ух!»,— и бревно почти само подскочит, куда надо. А ну-ка, для тренировки ухни...

Понимая, что это с ним просто балагурят, Николка шел, и хотя ухать не ухал, да от души смеялся. И смеялись, продолжали шутить все.

Но когда пришли на место, смешливость с бригады Петушкова сдунуло как ветром.

Пока Петушков «набирался силы» в палатке, Дюкин резко вырвался вперед. Домик, который он собирал, был, правда, пока еще без крыши. Но уже и щитовые, гладко строганные стены стояли на месте, и оконные, отливающие янтарной желтизной рамы стояли на месте; и светился весь этот домик на степном вечернем просторе — ну, прямо, как большая, свеженькая шкатулка.

Сам Дюкин — усталый, при косых закатных лучах багроволицый — ходил по самой верхотуре, тяжело басил помощникам вниз:

— Доски стропильные подавай... Доски!

— Ого! Он и в самом деле до крыши добирается... Вроде мы со спаньем-то перехватили чуть лишка...— сказал Петушков.

И подал команду:

— Засучивай, братва, рукава! Задача — догнать и перегнать!

И тут все враз про Николку позабыли. Позабыла вся бригада, позабыл даже батя — Иван Петушков.

Отдохнувшие плотники бросились к своему домику, и вот там тоже пошла, закипела, забурлила неистовая работа.

Грохнулся со штабеля на гулкую землю широченный, грузный стенной щит. Подхваченный сильными руками и плечами, он встал на торец и занял в стене свое место.

Блеснули перевернутые обухом наперед в руках плотников топоры, ударили по шляпкам гвоздей, и щиты в стене связались накрепко.

А потом стена стала расти все шире. И вот уже в проеме ее появилась первая оконная рама, а там и целую дверь пронесли рабочие на плечах мимо Николки, и он ничуть, что его на помощь не приглашают, не обижался. Он видел: ему, маленькому, тут никакого сподручного дела пока что нет.

Но зато Николка мог здесь теперь, сколько сам пожелает, сидеть, смотреть, не бояться, что скажут: «Под ногами не путайся!» И он сидел под зыбким, серебристым, еще не смятым людьми и машинами ковыльным кустиком, глядел на слаженную работу плотников, слушал дробную перекличку топоров, вдыхал горьковатый влажный запах посвежевших к ночи степных трав.

И, наверное, эта предночная зябкость и привела к нему нежданного соседа. И был это не кто иной, как Люсик. Он ткнулся холодным носишком Николке в руки, безо всякого приглашения сел рядом.

— Ну и ну!— удивился весело Николка.— То рычал, задавался, а теперь греться ко мне прилез... Вот так-то, Люсик! Раньше времени на кого попало хвост не поднимай. А может, ты все-таки хвалиться пришел? Тем, что твой Дюкин впереди моего папки? Так это ненадолго. Ваши уже устали, складывают инструменты, а у наших впереди еще целая ночь. Работать в такую ночь, папка говорит, в самый раз! Ветерок, и звезды по кулаку. Ты посмотри, какие звезды-то, посмотри...

Николка приобнял щенка за голову, стал принуждать его взглянуть на звезды, которые начали зажигаться на той, на черно-синей стороне, куда не достигал уже своею меркнущей алостью закат. Но щенок лишь пятился, вырывался, и Николка наставительно заключил:

— Вот видишь! Ты все ж таки хитрец. Сидишь под кустиком со мной, а думаешь про Дюкина. Не нравятся тебе ясные звезды!

И Люсик, то ли сконфуженный таким своим двойным поведением, то ли заслышав, что бригада Дюкина в самом деле пошла на ночлег, вывернулся и, подпрыгивая в темной траве, поскакал догонять своих.

Там, вдали, хорошо теперь видный, мерцал полевой кухонный огонек. На этот огонек утомленно, медленно уходил с помощниками Дюкин. И Николка все тем же наставительным, насмешливым, но не слишком, конечно, громким голосом сказал:

— Что, Дюкин-тюкин? Спорить с моим папкой нелегко?

Сказал, шалости своей испугался, опять было нырнул под куст, а в это время в отцовой бригаде про него и вспомнили.

Помогая рабочим стягивать с белеющего в ночи штабеля новый здоровенный щит, отец спросил:

— Где это Николка у нас?

— Нико-олка! Иди, ухать помогай!— засмеялся тот молодой плотник, что по дороге сюда балагурил всех больше. И вдруг он, упираясь руками в тяжелый щит, распевно, озорно затянул:

— О-ой, прошел, друзья, о нас напрасный слух...

— У-ух!— толкая груз, грянули вслед за певцом товарищи.

— Будто спали нынче мы часов до двух...

— У-ух!— опять поддержали запевалу рабочие.

— А по правде пробудились мы поздней... Оттого идет и дело веселей!— допел озорной плотник, и рабочие заголосили уже на иной лад: «Идет, идет, идет... У-ух! Пришло! Встало!» — И новый огромный щит очутился тоже на месте, и теперь у домика появилась третья стена.

Николка подпрыгнул, закричал:

— Дом почти готов! Вот это «ух» так «ух»!

— О чем тебе и говорили,— хлопнул Николку по плечу тот плотник-запевала.— Давай, ухай и ты!

И Николка «ухал» с бригадой до того времени, пока в звездное небо не поднялась еще и луна.

Светила она так сильно, что все предметы на стройке стали еще белее, тени чернее, а быстро

Пошла, закипела, забурлила неистовая работа...

растущий домик казался таким высоким, что у Николки, когда он запрокидывал голову, вдруг начинало все плыть в глазах. Ему даже разок померещилось, что домик качнулся и полетел вместе с ним, с Николкой, в этот ночной, сияющий над головою океан.

Николка ойкнул, отец услышал, сказал:

— Все! Уморился, парень... Беги к матери, отдыхай.

И Николка пошел без споров, потому что устал в самом деле. А когда добрел до места, то на все Юлины вопросы только и ответил, что папка вот-вот догонит Дюкина. А потом взял со стола кусок хлеба, сунулся в палатку, и прямо так с куском в кулаке и уснул.

5.

Наутро — спать бы еще да спать — Юля принялась тормошить Николку.

Он подумал, что это снова надо идти на давным-давно надоевшую кухню, досадливо замычал, но Юля спросила странно осторожным голосом:

— Скажи честно... Ты не брал ключик-замочек?

— Что??— Так и вынырнул из-под одеяла Николка.— А на гвозде? На столбе? Разве их нет?

— В том-то и дело, что нет... Отец велел спросить: может, ты взял как-нибудь нечаянно? Дюкин думает вроде бы на тебя...

— Да он в уме?— совсем взвился Николка, и сна будто не бывало.

Николка выскочил в одних трусах на прохладную улицу, помчался по седой росе к навесу.

А там гудела, теснилась толпа. И, конечно, там были оба бригадира. Они, опираясь по очереди руками на щелястую столешницу, разглядывали чуть ли не в упор тот столб с одиноко торчащим гвоздем, а потом глядели друг на друга.

Причем Петушков смотрел на Дюкина всего лишь удивленно, а Дюкин на Петушкова — удивленно да еще и сердито.

Николка, не боясь, что в толпе ему отдавят босые ноги, полез вперед. А тут подоспела и Юля. Она помогла Николке сквозь толпу пропихнуться, поставила перед бригадирами:

— Пожалуйста... Николка здесь. Только он ключика-замочка не брал и не видел.

Петушков тут же повторил Дюкину:

— Вот видишь? Не брал и не видел.

Дюкин от Николки отвернулся:

— Кто же тогда? Моя бригада спала при мне в палатке всю ночь...

— А моя — плотничала...

— Дедектив какой-то! — нахмурился еще больше Дюкин.

— Детектив...— чуть поправил Дюкина Петушков.— Не хватает нам теперь только собаки-ищейки!

— А что?— вдруг Дюкин ожил.— Давайте попробуем Люсика! Он мне не так давно мой собственный портсигар отыскал.

И Петушков согласился: «Пробуй...» И Юля согласилась: «Пробуй...» И все, в том числе Николка, заоглядывались, высматривая, где Люсик.

Люсик сидел, как всегда, под столом, под хозяйским местом, ждал завтрака. Дюкин вытащил его за пушистый загривок, поставил на столешницу. Потом приподнял за передние лапы, заставил нюхать на столбе гвоздь.

— Ищи!— сказал по всем правилам Дюкин: и когда Люсика из рук освободили, тот сделал по столешнице меж пустых мисок небольшой круг, спрыгнул на скамейку, со скамейки на землю. И с таким деловым видом затрусил из-под навеса, что Иван Петушков воскликнул:

— Смотри-ка, ведет! Чего-то знает, чего-то чует!

— А как же...— ответил солидно Дюкин.— Дармоеда, пустолайку я бы не стал держать и одного дня.

Все тоже тут повалили за Люсиком, а он закрутился у плиты, возле кучки дров.

— Ха!— сказала сразу Юля.— Это место мое. У меня искать нечего.

— Нечего — не нечего, а со следа собаку не сбивай,— сказал Дюкин, и Юля так вдруг к нему повернулась, что не миновать бы шума.

Да Люсик побежал дальше.

А дальше была широкая палатка дюкинской бригады. И тут Дюкин сам сказал: «Ха!» — и Юля не замедлила ввернуть:

— Не сбивай собаку.

Люсик нырнул под входной полог, Дюкин недоуменно полог приподнял, согнувшись, полез в палатку.

За Дюкиным полезли опять все. Но Люсик — шмыг!— и пропал. Теснились заправленные по-солдатски одинаковыми одеялами койки, и Люсика под ними да в палаточном розоватом сумраке было не разглядеть.

И вдруг из-под той койки, через спину которой перевешивалась дюкинская клетчатая, парадная рубаха, раздалось всем знакомое:

— Р-ры... Р-ры...

А вслед за этим:

— Дрень-дрень... Звяк-звяк...

Николка, пользуясь своим малым ростом, быстро присел, вниз заглянул и радостно объявил:

— Ключик с замочком! Он там с ними играет. Он их там за шпагатину треплет и грызет.

— Да ну?!— выдохнул басом Дюкин, схватился за спинку койки, отпихнул в сторону...

А Люсик, привалясь там к хозяйскому чемодану, полеживал на измятой, поблеклой траве, держал связку-пропажу в зубах и глядел на всех очень доброжелательно. «Привет, мол! Вы ко мне в гости? Ну что ж, у меня есть чудесная игрушка... Если надо, поиграйте! Замочек, а особенно ключик, вполне можно погрызть, как суповую косточку...»

Дюкин так головой и заводил, словно его из ведра окатили, а Юля засмеялась.

— Глупая!— шлепнула она сама себя по лбу.— Люсик-то еще с вечера на это дело целился. Как ветерок чуть под навесом потянет, так ключик по замочку сбрякает, а Люсику — интерес! Я посуду убираю, а Люсик все слушает, сидит. И вот, видно, мы все — по палаткам, а он — на стол. Мы — на покой, а он — «игрушку» в зубы да и к тебе, Дюкин, под кровать... Ну, да ладно! Не ругай теперь песика. Что с него спросишь?

— Чего уж... Чего уж...— еще круче повел головой Дюкин. А когда глянул на Николку, то и сам вроде как улыбнулся. Только не от веселья улыбнулся, а, на удивление всей компании — это было так непохоже на Дюкина,— сконфуженно.

Более того, сунул злополучную связку Николке в руки, да еще и провел ладонью по Николкиным вихрам:

— Ключик-замочек повесь на место. А за напраслину, птаха-Николаха, прошу прощения.

От такой небывало внезапной дюкинской ласки у Николки расширились глаза, а Дюкин обернулся еще и к Ивану:

— Неладно вышло... Пересол! Виноват.

И, не сказав больше ничего никому, даже своим

помощникам, он опять упрямо набычился, отмахнул брезент палатки, пошагал на стройку.

Петушков только руками развел:

— Ну, дает!

— Не «дает», а показал свое собственное переживание... Хотя показывать не любит!— ни с того ни с сего обиделся, решил заступиться за Дюкина один из его помощников.— У него тоже есть личные тревоги-заботы... Причем не меньшие, чем у нас, Петушков, с тобой. Только он не всем говорит.

— Ясно! И тут у него все, как в детективе. Он товарищ куда там, секретный, и мы ему не чета,— попробовал снова всех настроить на шутку вчерашний запевала, да заступник Дюкина рассердился сильней.

— Чета — не чета, но вы ему не сватья, не братья. Живем вместе без году неделю: так отчего тут станет перед вами рассыпаться? Личное есть личное. А Дюкин о личном, не в пример кое-кому, на каждом перекрестке не кричит.

И заступник этот смерил задиристым взглядом Петушкова, смерил запевалу, махнул своим: «Айда!»,— и они все пошли догонять Дюкина.

В общем, как началась эта история с пропажей ключика-замочка нескладно, так и кончилась совсем нескладно.

Правда, Иван призадумался: «Что же это такое у Дюкина за личное переживание?»

А Юля Ивану сказала:

— А ведь, несмотря ни на что, Дюкин не такой уж и бирюк. Вон погладил нашего Николку и назвал птахой.

6.

Но все равно главное сейчас решалось на строительной площадке. Ведь и теперь, на вторые сутки работы, будущего победителя определить было еще невозможно. За время ночной вылазки Петушков, конечно, Дюкина догнал, чуть перегнал, даже начал ставить над сборными стенами стропила, но и петушковцам требовалось сделать короткую, да все же передышку, и тут Дюкин опять наверстал свое.

Бригады снова шли вровень. И, боясь дорогое время потерять, сегодня никто не пожелал ни в полдневный зной отсыпаться в палатках, ни идти обедать на кухню. Все прямо тут, в тени недостроенных домиков, так и полегли на траве.

Полегли бригады не вместе, а врозь. Юля с Николкой притащили обед тоже в разных, хотя и в одинаковых по величине кастрюлях. Но плотники там и тут за ложки лишь подержались.

— Вот только воздуху чуть хватим в холодке, а перегружаться едой нам нельзя,— сказали не то всерьез, не то в шутку плотники.— Идем на последний рывок! Причем на верхолазный. Необходима легкость.

И вот на этой верхолазной работе, на которой действительно нужны были легкость и ловкость, вдруг стало заметно, что бригада Петушкова уходит вперед. Идет помалу, медленно, но все равно соперников опережает, и тут уж изменить ничего нельзя.

Не потому, что дюкинцы вдруг ослабли — они не ослабли ничуть!— а оттого, что Иван Петушков придумал новый маневр.

В предночное, опять звездное время, когда оставалось на том и на другом домике расстелить да приколотить по кровлям листы шифера, Иван Петушков скомандовал:

— Всем наверх!

— Как так всем?— заспорили товарищи.— Вон у Дюкина двое подают листы снизу по лесенке, а у нас кто будет подавать? По воздуху к нам материал на крышу-то полетит, что ли?

— Полетит!— сказал Петушков.

И поднял длинную, крепкую доску, упер ее концом в землю, другой конец опустил на край будущей кровли.

Потом он эту наклонную доску опробовал, покачал.

Снял со штабеля пару тяжелых шиферных листов, закинул за спину, глянул вверх, и тут — ни мигнуть, ни ахнуть никто не успел, только наклонная доска под ним трескуче прогудела,— взбежал на самую крышу, на вышину.

Груз там оставил, перепрыгивая через две ступеньки, спустился на землю уже не по доске, а по стремянке-лесенке, махнул своим:

— Полезай, приколачивай! На меня нечего глядеть. Я все же не только совхозные домики строил, а и мосты через реки, и линии ЛЭП. Летел с грузом не то что по доске — по тонкой проволоке.

Так вот и получилось, что хотя «взлетывал» с шиферными листами на крышу Петушков один, да работал-то он за двоих. А может, и за троих! И бригада Петушкова начала не очень быстро, да зато очень верно уходить вперед.

Юля с Николкой сидели теперь под тем прохладным ковыльным кустом. Возвращаться к палаткам, пока все не закончится, они даже и не думали. Они отвлеклись только тогда, когда вокруг кастрюль с нетронутым обедом начал, повизгивая, топтаться Люсик.

Отчерпнули и вылили ему на траву добрую порцию каши и опять стали слушать да смотреть, как грохочут молотками плотники, как растут на том и на этом домике серые волнистые откосы кровель.

Они все смотрели, как летает Иван со своею, теперь уж казалось, бесконечной ношей вверх-вниз, вверх-вниз, и Юля все пугалась:

— Ой, как бы не упал... Ой, как бы не сорвался...

А Николка, хотя каждый раз, когда отец пробегал по гибкой доске, за отца боялся и жмурил от страха глаза, матери говорил:

— Не упадет! Наш папка не упадет...

Не успела короткая летняя ночь потемнеть, как снова начала наливаться медленным светом. Свет этот, как огромный, в полнеба, костер полыхнул алым, и молотки в бригаде Петушкова, ударив еще сильней, разом смолкли.

Тишина стояла секунду, потом рухнула.

— Ура-а!— Посыпались вниз с крутой кровли товарищи Ивана, а он бросил на траву очередную ношу, опустился с ней рядом.

— Все, Иван? Все?— подбежала к нему Юля, подбежал Николка, но Иван лишь сидел, утирал кулаком лоб, щеки да ошарашенно глазами моргал.

А когда и на домике Дюкина смолкли молотки, то, все еще как бы себе не веря и даже боясь на соперников оглянуться, Иван спросил:

— Там закончили тоже?

— Нет!— ответили радостно друзья Ивана.— Это они смотрят на нас, а работы им еще хватит.

— Поздравляю с победой, бригадир...— вдруг раздалось, как с неба, со стороны соседнего домика.

Все еще не набрав сил с травы подняться, Иван медленно обернул лицо, вскинул глаза и увидел, что это кричит ему со своей незаконченной крыши Дюкин.

Кричит, конечно, без особого ликования. Какое уж там ликование! Но нет на небритой физиономии Дюкина вполне бы сейчас уместной досады. Он вроде бы даже улыбается. Он повторяет:

— Приехали! Наконец-то приехали! Наконец-то объявились!

— Спор закончен. Все, все теперь, Петушков, по закону. Шагай, забирай ключик-замочек.

Иван встает, Иван кричит:

— Ты что? Поздравляешь-то всерьез?

— Серьезнее не бывает. Я ведь тоже рабочий человек. Понятие кое о чем имею.

И Дюкин поднял руку, как бы этим разговор прекращая, и опять застучал, забухал по кровле молотком. Застучали и его помощники. И теперь уж было видно, что, конечно, Дюкину далеко-далеко невесело. Да тут Ивана подхватила под руку Юля:

— Ну и нечего смотреть! Раз ты победитель, то пошли забирать приз.

Николка тоже сказал:

— Побежали, если так... Вон, кажется, машины опять со станции пришли. Бибикают...

Друзья Петушкова загалдели всей бригадой:

— Точно! Мы свое дело сделали, и Веня тут как тут. Сейчас он тебе, Иван, вручит награду со всею торжественностью.

И они побежали. А рядом с палатками, рядом с кухонным навесом опять вставали друг за другом тяжелые грузовики. Из передней кабины снова вылез прораб Веня Капитонов. Только теперь он свистеть, шуметь не стал — зашумели сами петушковцы:

— Вручай, Веня, приз!

— Вы, что ли, победители-то?

— Мы! А вот главное — он! — показали товарищи на Ивана, и прораб сказал:

— Молодчинушка... Сейчас будет ему и вручение. Только вот примем сперва одну тут делегацию.

— Что за делегацию? Откуда? — Вмиг все повернулись к той машине, на которой приехал Веня, но он заторопился ко второму в колонне грузовику.

Сам заспешил, Петушкову кивнул:

— Подключайся! В одиночку здесь я не управлюсь.

Пыльная дверца в кабине грузовика раскрылась, и шофер оттуда выкатил Вене огромный, пропыленный вещевой узел, потом выпихнул узел поменьше, а следом под общий недоуменный гул передал с рук на руки Вене совсем небольшую, лет этак пяти-шести девочку.

— Ого! Вот так делегация! — сказал Иван, а Веня уже вручил ему и девочку, и узлы.

Девочка ухватилась горячей ладошкой Ивану за шею:

— Я, дяденька, не Делегация, я Вера...
— Вера-то чья?
— Дюкина...
— Ого!— повторил, не находя, что дальше сказать, Иван и прямо так с узлами, с тяжеленькой, теплой в охапке девочкой шагнул к Юле под навес.
— Усаживай на скамью пока... Мать ее где?— сказала, не совсем еще все понимая, Юля; а там уж, из очередной автомобильной кабины, прораб принимал новый узел да еще девочку, да еще и мальчика.
Тут подхватывать да перетаскивать принялась вся бригада Петушкова.
Носить было чего и было кого! Из самого дальнего в ряду грузовика выпал на подножку чемодан, за чемоданом саквояж, потом оттуда с коллективной помощью выбралась маленькая, синеглазенькая женщина с двумя щекастыми близнецами-карапузами на руках.
И теперь Юля, конечно, тоже бросилась навстречу. Она подхватила у женщины одного из малышей. Малыш сначала рявкнул, но, видя, что мать рядом, что эта незнакомая тетка его не собирается ронять, бережет, притих.
— Ну и ну!— сказала Юля.— Как это вы с таким детским садом к нам решились?
А женщина дошла до навеса, присела устало на скамью.
Она тронула, приласкала свою старшую, повзрослому сложившую ладони на коленях Веру; пересчитала взглядом всех меньших — всю их лесенку; поправила на близнеце, том, что на руках, красную шапку и сама как бы пришла в тихое удивление:
— Выходит, решились... Откладывали сто раз. Батьку своего тут, наверное, отсрочками с ума свели... Но все же смелости набрались.
И вновь, уже с улыбкой, приласкала Веру:
— Моя главная подмога — вот... Но и мир не без добрых попутчиков.
— Попутчики попутчиками, а вы бы хоть отстукали телеграмму!— все равно ужаснулась Юля.
Веня-прораб засмеялся:
— Они отстукали. Даже «молнию» отбарабанили. Да ведь дальше станции к нам проводов через степь еще нет. Вот и вышло, что заместо Дюкина их встретил, да и то случайно, я.
— Ничего... Вручим нашему папе «молнию» сами... Будет ему сюрприз. Верно, доча?— опять погладила девочку женщина, а Николка, желая привлечь внимание девочки к себе, вдруг выскочил:
— У вас — сюрприз, а у нас есть приз!
Выскочил, да тут же и получил быстрого шлепка от Юли, и пока соображал: «За что?»,— Юля, все еще покачивая на руках малыша, Николку собою загородила.
А Иван приотодвинул Николку к своим друзьям-плотникам, а плотники Николку придержали тоже: «С призом погоди... Лучше вон глянь — Дюкин мчится».
А тот и верно бежал, пути под собой не разбирал.
Он и бригаду с собой не успел позвать; он и Люсика где-то оставил; он и шапку где-то обронил; но зачем-то все еще держал в руке плотницкий молоток. И, нелепо им размахивая, на бегу кричал во все горло:
— Приехали! Наконец-то приехали! Наконец-то объявились! А я с крыши гляжу: вы или не вы? А это — вы! Ну, здравствуйте! Ну, с приездом!
И он так, с молотком в руке, и полез было к ребятишкам. Да опомнился, сунул молоток в накладной карман рабочих штанов, начал ребятишек всех подряд хватать: целовал в щеки и ставил друг рядом с другом, к себе поближе.
Обнял жену. Тут же отобрал у нее близнеца, тоже чмокнул, отстранил, вгляделся:
— Это у нас, мать, кто? Александр или Павел?
И сам ответил:
— Конечно, Сашка! А Пашка где?
— Вот он, твой Пашка, у меня. Вовсю пузыри пускает. Видно, тоже поздороваться спешит...— сказала Юля, и Дюкин впервые за все тут дни жизни на степной стройке легко рассмеялся. И не очень ловко, но осторожно перевалил с Юлиных рук толстенького Пашку к себе на плечо.
На другом плече Дюкин держал Сашку. И, как будто близнецы что могли понять, он им сказал:
— Пошли, пошли... Домой к папке пошли... Дома как следует поздороваемся, дома обо всем поговорим... Я вас там еще и с Люсиком познакомлю. Я вам всем подарок приготовил, хорошего щенка Люсика.
И, придерживая крепко близнецов, он направился к бригадной брезентовой палатке. За ним послушно потянулась вся ходячая часть его семейства. Потянулась той вереницей, той цепочкой, какой ходят в незнакомом месте — через поле или через дорогу не очень еще смелые гусята за своим надежным папой-гусаком.
Они уходили, а Ивановы плотники, Иван, Юля, Николка, Веня смотрели на них из-под навеса.
Смотрели, смотрели, сквозь молчание свое услышали, как вдали стучат, докрывают крышу дюкинцы, как завизжал вдруг радостно, выпрыгнув из травы у дюкинской палатки Люсик, и вот Иван будто очнулся, перевел взгляд на тесаный столб навеса, на ключик с замочком, поглядел на Юлю.
А Юля поглядела на Ивана.
Николка в каком-то странном ожидании уставился на обоих; и тут Иван шагнул, закричал, замахал:
— Постой, Дюкин, постой! Куда ребятишек тащишь? Дом твой, Дюкин, теперь совсем в другой стороне.
Дюкин с малышами на руках развернулся, встало все его семейство. А Иван, ни на кого больше не оглядываясь, не спрашивая даже Вени, сорвал ключик-замочек с гвоздя, огромными прыжками поскакал к Дюкину.
Подбежал и, видя, что руки у Дюкина заняты, всунул ключик-замочек ему в карман:
— Иди, вселяйся! Мы сейчас туда подтащим ваши узлы.
И Дюкин совершенно точно так же, как полчаса тому назад его спрашивал у новых домиков Иван, сам теперь спросил Ивана:
— Ты что? Всерьез?
А Иван ответил Дюкину по-дюкински:
— Серьезнее не бывает... Я ведь тоже рабочий человек, я ведь тоже кое о чем имею понятие.
И Дюкин засмеялся — во второй теперь уж раз:
— Тогда, считай, беру в долг. А долг, Петушков, платежом красен! Мы будем с тобой, Иван, наверняка добрыми соседями.
— Причем скоро,— уверенно кивнул прораб Веня на тяжелые, с поклажей смолистых досок грузовики.
— Конечно, скоро! Нас, учеников-помощников, теперь вон сколько!— шутя, указал Николка на малышей — на Сашку да на Пашку,— и теперь засмеялись все. Даже белобрысенькая, тихая Вера; даже едва научившиеся ходить братишка с сестренкой, имен которых пока никто еще Николке не сказал, но они и сами скажут вот-вот.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Ко дню 8 Марта читатели нагрузили наш «Кораблик» цветами, подарками и, конечно, стихами, рассказами и рисунками, посвящеными мамам, бабушкам и любимым учительницам.

Нана ТЕТРУАШВИЛИ посвятила свое стихотворение учительницам тбилисской школы № 56, в которой она занимается.

* * *

Ýчите нас математике,
Истории и грамматике,
Ботанике и грузинскому,
Литературе, английскому.

Мы вырастем моряками,
Учеными, докторами,
Рабочими, плотниками —
Хорошими работниками,

Но всегда мы сердцем с вами,
С нашими учителями!

А это стихотворение посвящено учительнице музыки. «Я стала ходить в кружок „Оркестр струнных народных инструментов" и попала к очень хорошей учительнице. Ее зовут Ирина Ивановна. И я написала про этот кружок стихи» — из письма Лены КУРПЕКОВОЙ. Лена живет в городе Колпино Ленинградской области, учится в школе №523 в 6-м классе «б».

На занятия в Дом культуры

Раньше шла я тихо по дороге,
А теперь бегу бегом!
Просто ног не чуя под собою,
Я спешу в чудесный этот дом.
В этом доме я учусь играть на домре!
Необыкновенный это дом!
Вот и сердце громче застучало:
Яркий свет горит в окошке том.

Анжела СТРАШНÁЯ, школьница из Москвы, посвятила рассказ своей маме, дрессировщице цирка. Анжела учится в 6-м классе школы № 715. Она очень любит животных, интересуется зоопсихологией.

Алмаз

В молодости он был вороным, шерстка его лоснилась и даже искрилась в лучах цирковых прожекторов, и за это его прозвали Алмазом. А когда ему исполнилось восемнадцать, он поседел и стал обычной белой лошадью. И конюх Василий Платонович прозвал его «Старый». Эта новая кличка скоро так утвердилась, что только дрессировщица называла его по-разному: когда хотела похвалить — Алмазом, а когда сердилась — Старым. И получилось так: вместо бича можно было пользоваться словом «Старый» — конь вздрагивал, а вместо морковочки — именем «Алмаз» — конь весело прядал ушами и щурился. Но «бич» не мог заставить Алмаза исполнить трюк (настоящий бич, который в цирке называется шамбарьер, против старого коня дрессировщица применять не хотела), а «морковочка» очень даже помогала.

Дрессировщицей была моя мама. Она как-то сказала мне:

— Пойдем к лошадям, и я там покажу тебе, как лошади учатся понимать язык человека.

Была весна. Денник Алмаза находился у самой двери. Звенела капель, падая в ведра. Мама сказала:

— В школе ты изучала, что такое звукоподражание, значит, поймешь, о чем я тебе скажу. Когда капли падают на жесть, они звенят, даже в самом слове «звон» есть звук «з». Послушай: он бодрый, пронзительный, молодой и, конечно, весенний... Алмаз-з-з... Алмаз-з-з...

Мама посмотрела в глаза коню. Они искрились радостью.

Неожиданно она повернулась к конюху и попросила:

— Пожалуйста, медленно откройте дверь.

«С-с-с-с...» — заскрипела дверь и, когда распахнулась полностью, стукнула: «Тар-р-р...» Получилось — «Старый». Конь услышал — и отвернулся.

А конюх Василий Платонович сердито сказал:

— Все лошади от этой двери переболели — щелястая и скрипит к тому же, на нервы действует. В особенности старым лошадям.

ВЕСЕННЯЯ ПАХОТА.
Люба КОРЗИНКИНА, 12 лет.

Москвич Саша ГЕНБОМ, ученик школы № 228, посвятил стихи преподавательнице своего любимого предмета, биологии.

Биология

Мир прекрасный, мир живой,
Хоть твои законы строгие,
Восхищаюсь я тобой,
Дорогая Биология.

Перекресток всех наук.
Мир, достойный восхищения!
Вдруг приходит мне на ум,
Что и я — твое творение!

*

Стихотворение Ани СЛЕПОВОЙ, школьницы из Баку.

Воробьи зимой

На кустах смородины воробьи сидят.
Голодными глазами на меня глядят.
Я насыплю корма вам — и пшена, и крошек,
Чтоб хватило сил у вас улететь от кошек.

*

Ника БОЛЬШАКОВА учится в школе № 16, занимается в литературном клубе «Колокол» Дворца комсомольца и школьника Октябрьского района Москвы.

Лунная дорога

Ночь холсты постлала
Выбелить в мороз.
Тихо стонет ставень,
Подвывает пес.
От крыльца до месяца
Широко легла
Лунная дорога —
Белая дуга.
В поле вьюга кружит
И мороз звенит.
От дыханья стужи
Сонно снег скрипит.

ПОСАДКА ДЕРЕВЬЕВ.
Наташа МАНИНА. *10 лет.*

Марку БРЯКИНУ скоро исполнится 14 лет. Он много и серьезно работает над своими сочинениями в стихах и прозе. Живет он в Москве, учится в 8-м классе.

Стихи о весне

То дождь, то снег, то гром ночами...
Какая славная весна!
И я глядеть готов часами
На жизнь природы из окна.
Но чем вот так, в окно глазея,
Писать о ней стихи сейчас,
Узнаю лучше о весне я —
Уйду из дома хоть на час.
Увижу талый снег, деревья,
Что мне маячили в окне...
И напишу тогда о ней я
Стихи, хорошие вполне!

Наташе СЕМАШКО исполнилось 10 лет, живет она в Казани, учится в 4-м классе. Наташа сочиняет стихи давно, с 7 лет. Два ее стихотворения «Кораблик» принял на борт.

Сосна

На сосне висят большие шишки.
Под сосной живут малышки-мышки.
А еще в дупле живет бельчонок.
А в ветвях сосны поселится скворчонок.
Вот какое дерево — добрая сосна!
Здесь и начинается красная весна!

«Ме-е-е»

Плачет, плачет козлик: «Ме-е-е!
Тяжело живется мне-е-е!
Я привязан на ремне-е-е,
И еды, конечно, ма-а-ало,
Нету даже одеяла,
Нету даже покрывала!
Тяжело живется мне-е-е,
На веревочном ремне-е-е!
Ме-е-е!»

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ «ПИОНЕРА»

ДРУЖБА — ФРОЙНДШАФТ!

Скоро посланцы всех континентов соберутся на XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Десятки поездов дружбы с делегатами и гостями фестиваля помчатся в Москву.

Поезда дружбы — особенные поезда. Они везут радость интересных встреч, улыбки и тепло сердец. Они посланцы дружбы и вестники мира между народами. Наш корреспондент ***Виктор РЫБИН*** *побывал с одним из советских поездов дружбы в Германской Демократической Республике. Сегодня мы публикуем некоторые страницы из его дневника.*

Номер поезда: 57
Маршрут: Москва — Берлин — Москва
Назначение: туристический, пионерский
Количество мест: 335
Количество делегаций: 4. Ленинград, Псков, Калуга, Курск
(Из железнодорожной сводки)

ПРИМЕТЫ БЕРЛИНА

С какой стороны ни подъезжаешь к Берлину, отовсюду увидишь знаменитую телевизионную башню. Чем она знаменита? Во-первых, высотой. На триста шестьдесят пять метров взметнулась к небу. В Европе берлинская телебашня уступает только Останкинской. Во-вторых, оригинальной конструкцией. Известный профиль башни — игла, протыкающая стеклянный шар,— давно стал своеобразным символом Берлина. В-третьих, местоположением. Обычно телебашни стараются отодвинуть подальше от городского центра. Эта же — в самом сердце Берлина.

В ста шагах от телебашни — Александерплац, центральная площадь Берлина. «Алекс» любовно называют ее берлинцы. Самое приметное место Алекса — часы «Урания». По форме они напоминают гриб. Шляпка у «гриба» — огромный многогранник, на котором и разместились часы. По ним можно узнать, который сейчас час не только в Берлине, но и в Москве, Токио, Софии, Рио-де-Жанейро, Ташкенте... Удивительные часы!

А вот еще примета Берлина — белокрылые чайки. Город стоит на реке Шпрее, которая несет свои воды в Балтийское море. С Балтики и перекочевали чайки в город. А живут они на многочисленных каналах, которые будто ветви от дерева во все стороны разбежались по городу. Каналы с железными «воротами»-шлюзами — тоже примета Берлина.

И еще. Летом в дни школьных каникул повсюду на улицах и площадях встретятся вам толпы ребят в красных и синих галстуках. Это пионеры со всей республики приехали в столицу. Побродить по набережной Шпрее, полюбоваться видом города с высоты птичьего полета — из стеклянного шара телебашни, пройтись по аллеям Трептов-парка, заглянуть в зоопарк... В красках летнего Берлина красный и синий цвета самые заметные. Это тоже примета столицы ГДР.

ВСТРЕЧА В ТРЕПТОВ-ПАРКЕ

Старика с жестким чубом седых волос и с медным от загара морщинистым лицом я увидел в Трептов-парке. Он сидел в тени липы и смотрел, как наши ребята возлагали цветы к бронзовому монументу советского воина-освободителя. Я, может быть, не обратил бы на него особого внимания — мало ли стариков приходит в парк! — если бы не одна деталь: темно-синяя куртка, накинутая на плечи. Но даже не сама куртка привлекла меня, а эмблема на рукаве: бело-синий кружок, в центре которого взявшиеся за руки три фигуры. И надпись:

Берлин, 1951, III Всемирный фестиваль молодежи и студентов. За мир.

Я не мог сдержать любопытства — подсел к седоволосому.

Разговорились. Старика звали Юргеном Краузе. По профессии он водитель автобуса, правда, вот уже четвертый год как не работает. На пенсии. А живет неподалеку отсюда, на Баумшуленвег, и почти каждый день бывает в Трептов-парке.

— Откуда у вас эта куртка? — спросил я, когда Краузе, вдоволь выговорившись, полез в карман за трубкой и табаком.

Старик положил куртку на колени, любовно и осторожно погладил ее, словно это была драгоценная реликвия. Раскурил трубку. Только после этого медленно произнес:

— Давно она у меня...

И замолчал.

Я не торопился расспрашивать. Понял, что сам разговорится. Не может не разговориться. Вон и лицо просветлело, как светлеет у всякого от приятных воспоминаний. И трубка забыта, посасывает ее, не замечая, что она погасла. Видно, события далеких лет волной захлестнули мысли.

— Я счастливый человек,— наконец сказал он.— Я видел фестиваль! Пятьдесят первого года. Не только видел — работал на фестивале, обслужи-

вал болгарскую делегацию. Мы тогда все хотели работать с советской делегацией, но повезло немногим. Надо было и остальных гостей возить...

Каждый водитель на фестивале получил такие вот форменные куртки с эмблемой. Помню, однажды какой-то настырный журналист схватил мою куртку и предложил обменять ее на что угодно. На авторучку, на часы, на чехол от очков. Даже на собственные очки!.. Оригинальный сувенир, видите ли, хотел увезти из Берлина. Еле от него отбился...

Самое памятное событие? Все было памятным. В Берлине оставалось от войны еще много развалин, и участники фестиваля устраивали субботники. Работали и на Баумшуленвег, ремонтировали один старый дом. Я тоже работал, хотя мог и не работать — водителям и без того доставалось, по десять — двенадцать часов крутили баранку. И так случилось, что потом в этом доме я получил квартиру. Разве не памятное событие?!

А разве не памятны концерты советских артистов балета? Билет не достанешь ни на один концерт! А посмотреть балет ох как хотелось... Выручала вот эта куртка — в ней пропускали на все спектакли. Так что мне удалось посмотреть ваших звезд балета...

— А с советскими делегатами вы встречались?

— Конечно. С одним, машиностроителем из Ленинграда, я даже подружился. Звали его Олегом. Подружила нас, между прочим, все та же «фестивальная» куртка. Кто-то из моих товарищей-водителей надо мной подшутил — спрятал куртку под сиденье в автобусе. А Олег приметил и того шутника, и как он прятал куртку. Наверно, у меня было очень расстроенное лицо, когда я искал свою пропажу, потому что Олег бросился на помощь и вытащил из-под сиденья куртку... Потом мы часто встречались на маршрутах фестивального Берлина. У меня до сих пор хранится подарок Олега, макет крейсера «Аврора», который он сделал своими руками. А в Ленинград вместе с Олегом уехал традиционный сувенир Берлина — плюшевый медведь. Только смастерила медведя моя дочка...

— А в семьдесят третьем вы работали на фестивале? — спросил я. — В Берлине еще был фестиваль...

Старик покачал головой.

— Не пришлось. Мне тогда дали путевку в санаторий в Штральзунд, и побывать на новом фестивале не довелось.

Помолчав, добавил:

— Ну, да и того, первого берлинского, хватит на всю жизнь.

Вскоре я ушел. А старик, думаю, долго еще сидел под липой, припоминая давно минувшие дни. Разбередил я его мысли...

ПРАЗДНИК ДРУЖБЫ

Три дня в Берлине пролетели как одно мгновение. Они, эти дни, были заполнены до предела. Экскурсии по городу, встречи с пионерами-тельмановцами, митинги дружбы. В Берлине не было возможности остаться наедине с собой и поразмышлять, как хочется поразмышлять во всяком путешествии. Зато теперь такая возможность есть. Теперь мы в дороге — автобус увозит нашу курскую делегацию в местечко Айнзидель под Карл-Маркс-Штадт, в пионерский лагерь имени Пальмиро Тольятти. В пути нам быть пять часов. Так что размышляй, сколько душа желает.

Что было самым волнующим в Берлине?

Гена Молошников. Запомнится встреча 9 июля на вокзале Остбанхоф, когда нас приветствовали пионеры-тельмановцы. С цветами. С песнями. Под духовой оркестр. Оказывается, это

Праздник Дружбы начался митингом в Трептов-парке и прошагал затем по улицам и площадям Берлина.

Праздник Нептуна не оставил равнодушным никого из нас. Ну, а день в лагере имени Пальмиро Тольятти начинался с утренней линейки...

были ребята из поезда дружбы, который отправлялся в Советский Союз. В том числе шестьдесят пионеров Карл-Маркс-Штадта ехали в Курск!

Володя Юрченко. Очень понравился Дворец пионеров. Я плавал на плоту по пруду, был на тренажере в кабинете космонавтики...

Вадим Шевелев. Митинг советско-немецкой дружбы в Трептов-парке. Очень торжественное зрелище. Слезы накатывались на глаза, когда играла траурная музыка в память о погибших советских воинах и когда голос Левитана сообщал сводку Информбюро о боях за Берлин...

Сережа Бородин. Берлинский зоопарк. Я очень люблю животных и в зоопарке мог бы бродить целый день!

Ира Федосова. Встреча с офицером-политработником Народной армии ГДР в кинотеатре «Космос». Его рассказ и документальный фильм, показанный после, поразили меня. Я узнала, какую жестокую идеологическую войну ведут империалисты против ГДР...

Вот такие мысли вслух. Такие вот размышления. Три дня в Берлине пролетели как мгновение. Среди мозаики встреч каждому, может быть, больше запомнится СВОЯ, самая-самая. Но все же права и Лариса Леонова, которая что-то особенное в берлинской части нашего путешествия выделять не захотела.

— Берлинские пионеры устроили нам настоящий праздник дружбы,— сказала Лариса.— В памяти у меня эти три дня и останутся как один большой праздник!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АЙНЗИДЕЛЬ!

Такой транспарант, обрамленный флагами ГДР и СССР, мы встретили на пятый час пути. И поняли: нас ждут. Мы в Айнзиделе желанные гости.

Все суетились, стали прихорашиваться. Автобус превратился в этакую театральную костюмерную, где каждый актер панически боится опоздать с выходом на сцену.

На воротах пионерского лагеря имени Пальмиро Тольятти еще один красочный транспарант — «Советские пионеры, добро пожаловать в нашу семью!».

— Что это за семья такая? — удивились мы. Но не успели поразмыслить над загадочными словами, как оказались на Торжественной Линейке Встречи — так здесь называют ритуал встречи гостей.

В праздничном убранстве площадь линеек. На флагштоке развеваются четыре флага: ГДР, Италии, ФРГ и Румынии. Делегации этих стран отдыхают в лагере имени Пальмиро Тольятти. Сейчас немецкие, румынские и итальянские пионеры замерли в строю, поедают глазами новичков: какие они, советские пионеры? Многие никогда с пионерами СССР не встречались.

— Дорогие советские ребята! — сказал начальник лагеря Петер Франк.— Мы с нетерпением ждали встречи с вами. И вот вы на гостеприимной земле Айнзиделя. Чувствуйте себя, как среди старых добрых друзей!

Гремят барабаны. Пятьсот мальчишек и девчонок вскидывают руки в пионерском салюте. На флагшток поднимается еще один флаг — флаг СССР. Нас приняли в интернациональную пионерскую семью. На три недели мы — жители пионерского городка Айнзиделя.

БУХЕНВАЛЬД

Бухенвальд... Кто не знает ныне название этого страшного фашистского лагеря смерти. Он появился на карте Германии в июле 1937 года. Фашисты построили его в окрестностях Веймара.

Место для концлагеря было выбрано не случайно. Веймар испокон веков считался в Германии колыбелью культуры. Здесь жили и творили великие немецкие гуманисты эпохи Возрождения. Здесь рождались бессмертные произведения Гёте и Шиллера. Отдав приказ о постройке концлагеря, Гитлер и нацистская клика тем самым надругались над немецкой культурой. Они хотели сделать Веймар символом жестокости и террора, искоренить в сознании немцев всякие воспоминания о былом величии Веймара.

...«Jedem das seine» — «Каждому свое». Такая надпись на воротах концлагеря встречала узников. Эти слова стали символом «нового порядка», который принес фашизм. Для одних — это бесчеловечные пытки, издевательства, каторжные работы и смерть. Для других — роскошь и

удовольствия, беззаботная вседозволенная жизнь.

По традиции каждая делегация, посещающая Бухенвальд, возлагает здесь цветы. Возложили и мы цветы — к скромному гранитному обелиску, поставленному в память советским гражданам, узникам концлагеря. На месте обелиска громоздились когда-то деревянные бараки. После войны жители окрестных селений разломали бараки — время было трудное, и доски пошли на строительство жилья.

...В скорбном молчании застыли ребята во дворе лагерного крематория у мемориальной доски Эрнсту Тельману. Здесь 18 августа 1944 года фашистские изверги тайно убили вождя немецкого пролетариата.

Двенадцать лет нацисты держали Эрнста Тельмана в заключении. Фашистское правительство боялось устраивать над ним публичный суд, потому что такой суд неминуемо бы превратился в обвинительный процесс против нацистского строя. Поэтому фашисты старались сломить дух Тельмана, изолировав его от внешнего мира. Когда же крах фашизма стал неизбежен, они решили расправиться с Тельманом. Глухой августовской ночью его привезли в Бухенвальд и выстрелами в затылок убили в этом дворе. А тело сожгли в крематории... Несмотря на скрытность, это злодеяние стало известно узникам концлагеря. В подвале инфекционного барака антифашистский подпольный комитет провел траурный митинг. Эсэсовцы узнали о митинге и арестовали нескольких участников. Подпольщики стойко выдержали пытки, но не выдали товарищей...

Тяжелое чувство не покидает каждого, пока он ходит по Бухенвальду. Лица насуплены. Никто во время экскурсии не проронил ни слова. Дедушки и бабушки этих ребят пережили войну. И от одной лишь мысли, что они могли попасть в этот ад, сердце отзывалось болью.

На горе Эттерсберг у памятника жертвам фашизма ребята поклялись:

— Наш лозунг — уничтожить нацизм и его корни. Строительство новой мирной и свободной жизни — наша цель...

Эти слова из клятвы узников Бухенвальда, произнесенной ими в день освобождения 11 апреля 1945 года. Простые, бесхитростные слова. Но о многом заставляют они размышлять после всего, что видишь в Бухенвальде. И действовать. Чтобы не было новой войны. Чтобы не было новых бухенвальдов.

ВЕНЕЦИЯ НА ЭЛЬБЕ

Этой поездки мы ждали с особенным волнением. Еще бы не волноваться: мы едем в Дрезден! В «Венецию на Эльбе», как называют этот город в туристических справочниках и проспектах.

О Дрездене, пожалуй, ребята знали больше, чем о любом другом городе ГДР: слава Дрезденской картинной галереи шагнула на весь мир. В школе на уроках немецкого языка наши ученики изучают и достопримечательности города, и сокровища галереи. Потом, кто не смотрел фильм «На пути в Берлин», в котором рассказывается об освобождении Дрездена и о спасении картинной галереи советскими солдатами? Или фильм «Сегодня ночью погибнет город» — о трагедии Дрездена...

В самом центре города громоздятся остовы разрушенных зданий. Они остались с войны. Вернее, с той памятной ночи 13 февраля 1945 года, когда эскадрильи американских и английских бомбардировщиков превратили «Венецию на Эльбе» в груду дымящихся руин. Можно представить, что творилось здесь в ту ночь, когда от огня плавился даже камень! Не выразить словами боль и гнев, глядя на следы варварской бомбардировки. Фашистская Германия была уже обречена, бои шли на подступах к Берлину. И все же командование союзников отдало приказ уничтожить Дрезден...

Гордость и величие «Венеции на Эльбе» — восставший из руин Цвингер. Гордо взирает на свое детище золоченый король Август Сильный.

Рудные горы — живописнейший уголок Германской Демократической Республики.

Многие разрушенные здания дрезденцы восстановили. Но еще чернеют опаленные, искореженные войной развалины на Театральной площади, на набережной Эльбы, в Старом городе... Их затягивает трава, сушит солнце и точит дождь, но они упрямо напоминают о себе. Угрюмо взирают на яркие шумные улицы обновленного Дрездена, как немые свидетели преступлений войны...

Все дороги в Дрездене ведут в замок Цвингер, где, собственно, и разместилась знаменитая картинная галерея.

Интересно наблюдать, как рассматривают картины ребята. Сережа Бородин и Оля Булатова оторваться не могут от городских видов Дрездена, созданных в середине XVIII века венецианским художником Бернардо Белотто. Произведения эти уникальны. Мало того, что они великолепны сами по себе,— в писании городских пейзажей Белотто достиг непревзойденного мастерства. Картины эти представляют еще и большую историческую ценность. Многие уголки Дрездена, запечатленные на полотнах художником, перестали существовать после варварской англо-американской бомбардировки. А разве не хочется узнать, каким был красавец Дрезден в своем первозданном состоянии!

— Вид на Дрезден с правого берега Эльбы ниже моста Аугустусбрюкке...— читает Юля.

— Красивый был мост...— шепчет Бородин.— И собор!

— Не собор, а женский монастырь.

— Все равно красивый...

И монастырь, и мост, и манеж, и многое другое, что вызывает восхищение на картинах Белотто, лежит сейчас грудой камней. На городской набережной. Или на старой базарной площади Альтмаркте или на Аугустусштрассе...

Если где-то и шептались ребята, то в 117-м зале смущенно смолкли, захваченные всеобщим восторгом.

В 117-м зале висит «Сикстинская мадонна» Рафаэля!

Рафаэль писал картину в 1512—1513 годах по заказу папы Юлия II. В образе мадонны он воплотил благородство человека, материнское счастье и вечную тревогу матери за судьбу своего ребенка.

У картины Пинтуриккио «Портрет мальчика» задержались мальчишки.

— Как живой...— шепчет Саша Салтанов, не спуская глаз с портрета.

— На тебя похож...— хихикнул кто-то.— Только серьезный очень...

— Нет, не на меня, а на Пауля из третьего отряда. Помните, такой... он в теннис здорово стучит...

Разговор перекидывается на Пауля Бехера, тихого симпатичного мальчика, которого я лично знаю как мастера крученой подачи в теннисе. Играть с ним ох как нелегко! Во всяком случае, мне.

Я смотрю на картину Пинтуриккио. Припоминаю лицо Пауля. А что, сходство, пожалуй, есть! Вот задержусь здесь, пока подойдут немецкие ребята — они тоже приехали в Дрезден вслед за нами,— и проверю.

Проверил. Только появились мальчишки и девчонки третьего отряда у картины, тотчас зашептались:

— О-о! Пинтуриккио. Портрет Пауля!..Портрет Пауля!..

ЗАНЯТИЕ В НЕНАДЕЖНУЮ ПОГОДУ

С утра идет дождь. Нудный и безнадежно-тягучий. В окно то барабанят капли, то лижет стекло холодный туман, то с неба низвергается такой поток, что кажется, еще чуть-чуть, и наш домик закувыркается по склону горы...

Что делать в такую погоду? С тоской взирать на футбольное поле? На теннисные столы? На площадку смешных аттракционов? А может, почитать? Но свои, из дому взятые книги давно читаны-перечитаны. А в здешней библиотеке — только на немецком...

Заседает совет отряда. На повестке один вопрос: чем занять ребят, когда дождь нарушил общелагерный план мероприятий?

— Провести конкурс инсценированной сказки! — предлагает Галя Ковнерь.

— И показать наши сказки

немецким пионерам! — добавляет кто-то.

Сказано — сделано. И вот наш дом превращается в театр, в котором есть и гримерная, и костюмерная, и репетиционные залы...

Первый отряд решил ставить «Бременских музыкантов». Толя Даманский играет Короля, Саша Салтанов — Трубадура, Лена Лихачева — придворную даму... На эти роли желающих мало. Зато на Кота, Осла и Собаку — по три-четыре претендента! Пришлось устроить конкурс — бременские музыканты не только говорят, но и танцуют, и поют. Так что роли достались самым «музыкальным».

Второй отряд ставит сразу три сказки: «Царевну Несмеяну», «Курочку Рябу» и «Золушку».

В «Царевне Несмеяне» главным действующим лицом оказался Сережа Берлизев. Он играет жениха Несмеяны и придворного пажа. Один в двух ролях. Но это еще что! Если бы видели вы, как танцует Сережа! Недаром у себя в Курске он считается одним из лучших исполнителей бальных танцев среди школьников, был даже дипломантом международного танцевального конкурса. В «Царевне Несмеяне» свои роли Сережа исполнил... в танцах. Зрители что на репетиции, что на спектакле аплодировали ему, не жалея ладошек!

В зале во время представления творилось что-то невообразимое! Когда в «Репке» вдруг исчезла Мышка, помочь вытащить репку бросились все малыши. Особенно напирал восьмилетний Вольфганг Раубе. Очень уж ему хотелось проверить, настоящая ли на сцене репка.

Проверил. Разочарованный, плюхнулся на свой стул.

— Думал, взаправдашняя такая выросла...

— Здесь не взаправдашняя, — сказала Оля Николаева. — А вот после спектакля я покажу, какую репу мы вырастили на пришкольном участке!

— С собой привезли? — удивился Вольфганг.

— Зачем же, — улыбнулась Оля, — фотографии есть.

...Вечером на вожатской планерке, подводя итоги дня, Петер Франк сокрушался:

— Эх и ребята! Утерли нам нос! Как же мы сами не догадались включить в план инсценированные сказки?! Тем более такая в июле ненадежная погода...

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

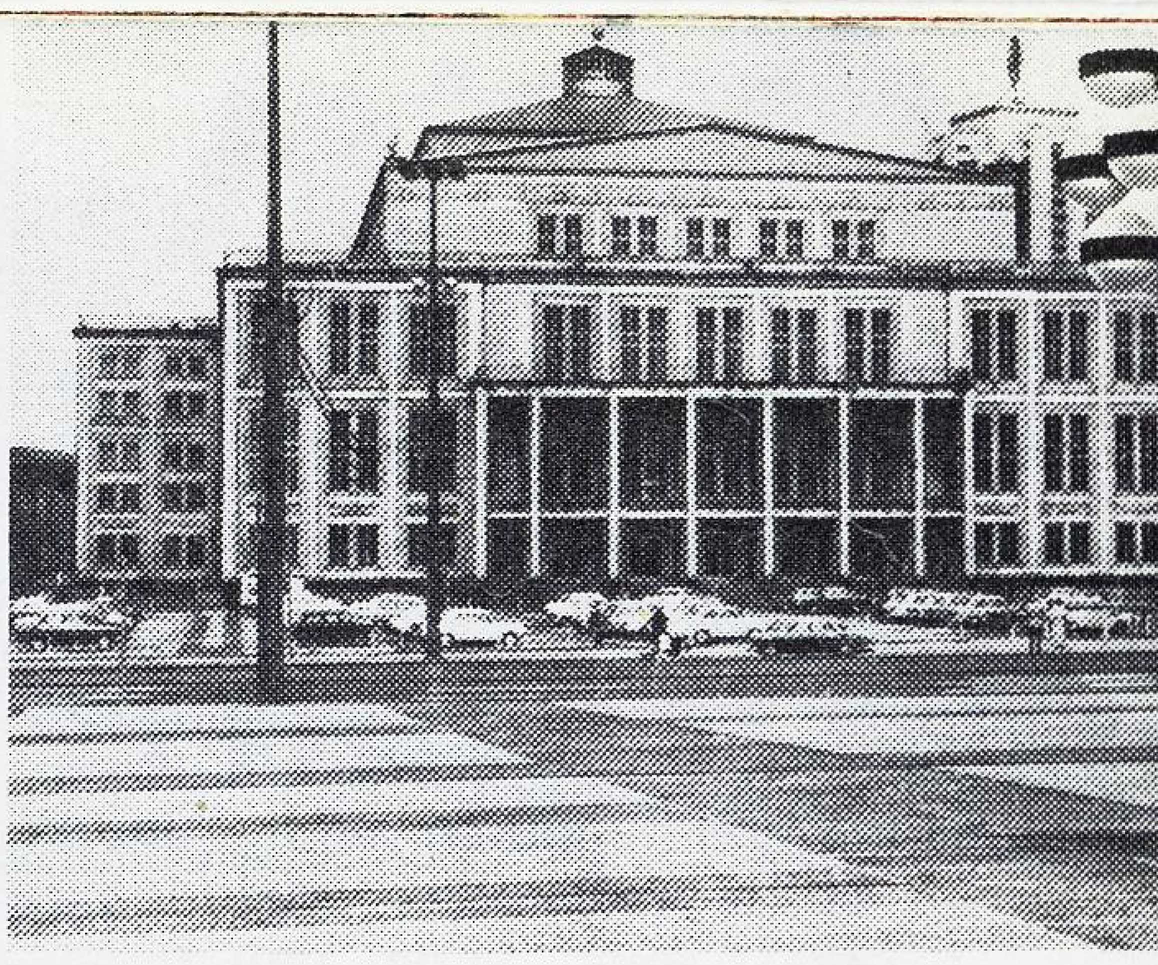
Журчит, переливается разными голосами горная речушка. Мирно пасутся овцы и коровы на лугу. Кузнец размахивает молотом, правит лемех к плугу. Двое рыцарей в средневековых доспехах возвращаются с охоты. У откидных ворот замка их поджидают крестьяне, почтительно преклонив колени... А вот еще замок. Тоже средневековый. С глухими бойницами и глубоким рвом... А в трех метрах от него — подвесная канатная дорога. Поскрипывая на ветру, медленно ползут из карьера в плавильную печь корзины с рудой... Что это, сказка? Сон?

Не сказка. И не сон. Картину эту мы увидели в Рудных горах неподалеку от городка Шварценберг. Здесь разместился известный в ГДР музей под открытым небом «Хайматэкке ам Зайфенбах» — «Уголок родного края на реке Зайфенбах». Экспонаты этого необычного музея — копии средневековых замков, старинных жилых построек, мельниц, церквей, а также фигурки животных и людей, сделанные из дерева и глины.

Еще в прошлом веке какой-то энтузиаст — имя его, к сожалению, неизвестно, — путешествуя по Рудным горам, заметил, насколько богаты здешние места памятниками старины. Что ни замок, что ни усадьба — сама история края! Вот и задумал он сделать копии тех памятников старины и собрать их в одном месте.

Прошли годы. Ныне на небольшой площадке на склоне горы собраны пятьдесят две миниатюрные копии, повторяющие до мельчайших деталей старинные постройки. Можно представить, сколько труда потребовалось народным умельцам, чтобы создать этот уникальный музей, если на постройку только одного мини-замка уходит два-три года!

...У шварценбергского замка присели на корточках Иохим Нетке и Олег Пушечников. Полчаса назад наш автобус ехал по Шварценбергу мимо замка настоящего. А здесь вот копия. Тот, настоящий, будто орлиное гнездо, примостился на огромной скале, поражая воинственным своим видом и неприступностью. А этот едва достает до пояса. Открытый и доступный. А всего воинственного — лишь две башни, стрелами взметнувшиеся ввысь над главными воротами.



«Театральный» уголок Лейпцига: оперный театр и концертный зал.

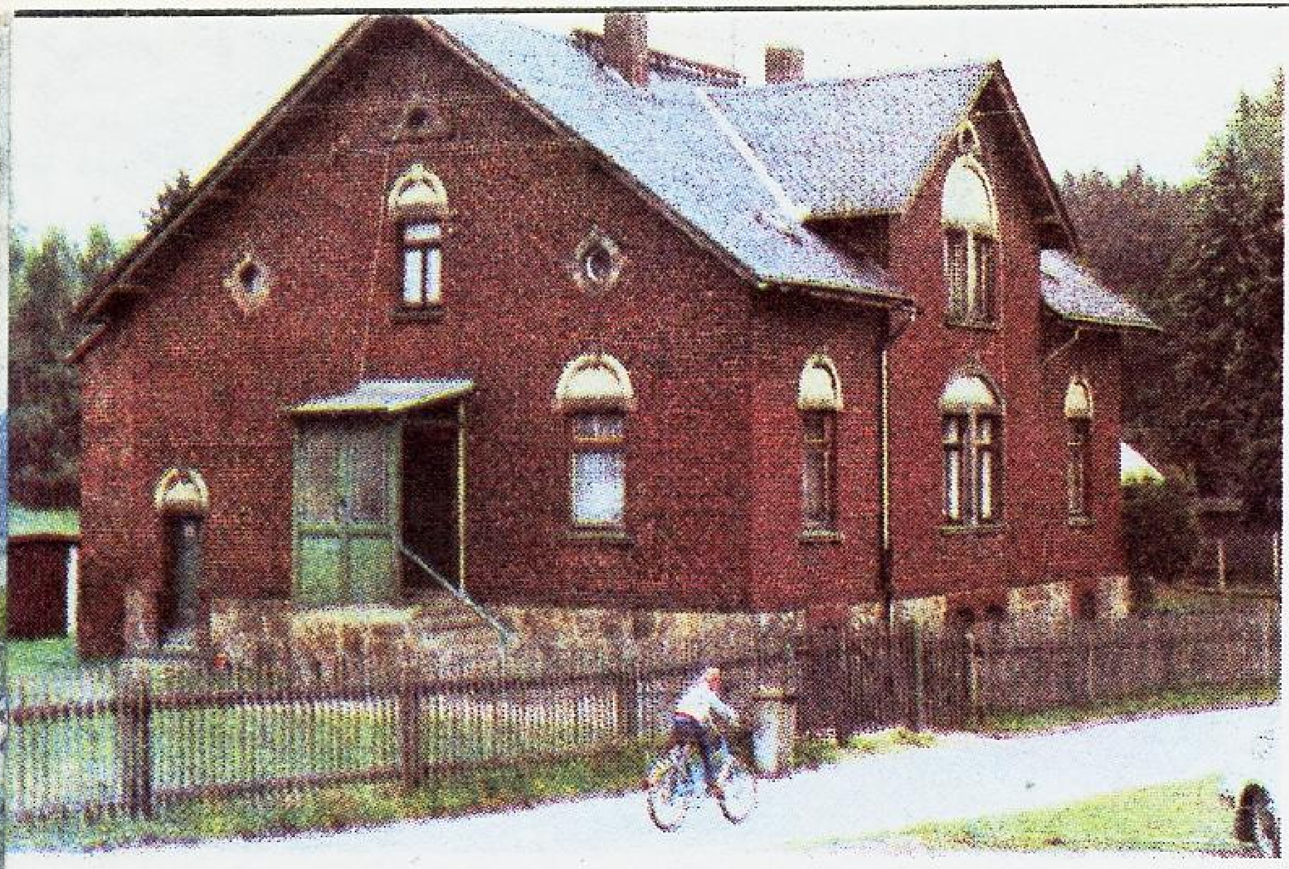
Володя Ратников, самый высокий и самый неуклюжий из мальчишек, замер на узенькой тропке. Слева от него конюшня, справа обрыв, а впереди мельница.

— Шагай через мельницу — чего испугался! — смеются ребята...

Трудно объехать Рудные горы. Еще труднее побывать в каждом здешнем замке или соборе. А «Хайматэкке ам Зайфенбах» показал нам всю историю, хозяйственное освоение и культурное наследие Рудных гор всего за час!

ДОМ НА РУССКОЙ УЛИЦЕ

Есть в Лейпциге улица, на которую ступаешь с особым волнением. Не можешь иначе. Ули-



В этом доме родился первый летчик-космонавт ГДР Зигмунд Йен.

ца называется Русской. Много лет назад ее назвали так в честь русских воинов, освободивших Европу от наполеоновского гнета. А еще на этой улице в доме № 48 размещалась в начале века подпольная типография, из которой вышел первый номер газеты «Искра». Владимир Ильич Ленин был основателем и первым редактором газеты. В декабре 1900 года он нелегально приехал в Лейпциг, чтобы лично проследить за печатанием первого номера.

Девизом газеты были взяты крылатые слова декабристов «Из искры возгорится пламя!».

Всего вышел пятьдесят один номер «Искры». Из них пять номеров были отпечатаны в типографии на Русской улице.

С 1956 года дом № 48 на Русской улице — музей газеты «Искра». Здесь собраны сотни экспонатов, рассказывающих о создании Российской социал-демократической рабочей партии, о деятельности В. И. Ленина в Германии, о влиянии идей Ленина на германское рабочее движение.

В отдельной комнатке — типография, в которой и был отпечатан первый номер «Искры». Вот печатный станок «Кёниг и Бауэр», рядом — рабочий стол наборщика, конторка и наборные кассы... Чтобы набрать газету, потребовалось 160 тысяч букв. Шрифт подпольщики тайно вынесли из городской типографии Лейпцига, где по заказу царского правительства печатались церковные книги. Набирали газету вручную. Чтобы набрать одну лишь страницу, наборщик работал 12—16 часов...

Посреди комнаты — большая железная печь. Холодными декабрьскими вечерами у этой печи грелись Владимир Ильич, Герман Рау, хозяин дома и печатник, и Пауль Томас, его ученик и помощник.

Печатный станок и теперь в рабочем состоянии. Каждый посетитель музея уносит с собой свежую, пахнущую типографской краской газету — копию первого номера «Искры». И как бы годы ни отделяли нас от событий той эпохи, «Искра» по-прежнему волнует наши сердца. Как волнует все, что связано с именем великого Ленина, к чему прикасались руки вождя.

«ПРИЗРАКИ»

Когда заблудишься в лесу один, страшно. А если заблудился в компании, то ничего. Даже весело.

После ужина весь лагерь отправился на прогулку по окрестностям Айнзиделя.

У каждого отряда свой маршрут и свой проводник. Наш проводник — пятнадцатилетняя Мартина, ученица местной школы. Она одна знает, куда нам идти. А мы поспешно семеним, боясь отстать от нее.

А бояться есть чего. Идем в кромешной тьме — сумерки давно опустились на горы, а ночь в горах всегда кажется чернее и глуше, чем на равнине. Отстань вот от группы, и дорогу в лагерь до рассвета не найдешь. К тому же по лесу бродят «призраки», которым надлежит нас пугать...

О «призраках» впервые зашел разговор за завтраком. Начальник лагеря Петер Франк как-то испытующе на нас посмотрел и спросил:

— Кто боится призраков?

— Никто! — хором ответили мы.

Франк поулыбался и ушел, на ходу обронив:

— Ну-ну, посмотрим...

На обеде он многозначительно обвел взглядом наш стол и пропел:

— Значи-ит, никто-о не боится при-израков...

— Никто! — громыхнули мы. И удивились: что это Петеру взбрело в голову долдонить о призраках?!

А после ужина все встало на свои места. На линейке после ужина Петер спокойным, невозмутимым голосом объявил:

— А теперь вы отправитесь на прогулку по окрестностям лагеря. По пути вас ожидают сюрпризы...

— Призраки! — выдохнули мы.

— Какие призраки? — удивился Петер, тщетно стараясь согнать с лица улыбку...

...Фонарик Мартины тускло высвечивает кусты орешника и еловые лапы, сцепившиеся над тропинкой. Мы двигаемся цепочкой. От быстрого хода взмокли. Цепочка растянулась метров на двести.

Я поминутно прошу Мартину убавить шаг. Она убавляет. Идет медленно, как бы на самом деле прогуливаясь. Но скоро зайчик от фонарика лихорадочно бьется по кустам, а Мартина мчится, будто за ней гонится медведь. Может, она «призраков» боится?..

На развилке, где тропинка раздваивается, Мартина останавливается. Несколько секунд шарит фонариком по траве, по кустам. Даже на небо посветила, будто выискивала там одной ей ведомые знаки. Наконец, вздохнула и нерешительно сказала:

— Нам надо налево...

Налево так налево. Проводнику виднее — на то он и проводник.

А через полчаса мы поняли, что заблудились. Повернули назад. Но не прошли и сотни шагов, тропинка оборвалась. Мы оказались на какой-то поляне.

— Мистика! — испуганно прошептала Эля Багмет.— Откуда взялась поляна?

Сгрудились вокруг Мартины. Она, кажется, расстроилась больше нас — вот-вот расплачется.

Я успокаиваю ее. Мне помогают девочки.

— Тихо! Всем тихо! — говорю я.

Все смолкают, а я вслушиваюсь в ночные звуки.

— Давайте песни петь? — предлагает Оля Каменева.

На нее зацыкали мальчишки: песни! Надо думать, как выпутаться отсюда, а она — песни-и!

— А что, — не сдается Оля.— Будем петь — вдруг кто-то услышит и откликнется...

Через минуту сорокаголосый хор грянул «Взвейтесь кострами, синие ночи!». А потом — про крокодила Гену и голубой вагон, про Каховку и винтовку...

Нас услышали, откликнулись тоже песней. Не теряя времени, мы пошли на голоса. Шли полчаса, хотя нам казалось — вечность! Когда голоса-ориентиры пропадали, мы запевали новую песню. Пели все, даже самые стеснительные.

...Была полночь, когда наш отряд входил в лагерь.

В лагере никто не спал. Встревоженный Петер уже снаряжал поисковые группы из вожатых. Увидев нас, он бросился навстречу.

— Как же вы заблудились? — бормотал, будто в забытьи.— Как не повезло вам, бедненьким...

А мы вдруг рассмеялись. Увидели других ребят. Тех, которые не заблудились, которые прошли по правильным, с «призраками», тропинкам. Нельзя было не рассмеяться, глядя на них. Одних «призраки» окатили водой, других вымазали краской или зубной пастой, на третьих накинули мешки из-под муки, на четвертых обрушили тучи пыли... Сейчас «счастливчики» отмывались и чистились. А нам оставалось только смотреть на них да похихикивать.

Когда страсти поутихли, мы стали дознаваться, кто же нас вывел к лагерю. Чьи голоса?

Долго выясняли, но напрасно. Никто не признался...

Наверно, это были НАШИ «призраки».

ИНАЧЕ НЕ МОЖЕМ!

Они шли, крепко взявшись за руки: Петер Заубер, Падо Фейрано, Олег Никорук, Ирина Дарие и Сабина Штурце. Над головами пламенел транспарант, на котором на русском, итальянском, немецком и румынском языках было написано: «Нет — войне! Миру — мир!» Эти же слова они громко скандировали. Каждый на своем языке. А с ними скандировали сотни их товарищей: лагерь имени Пальмиро Тольятти проходил Маршем Мира по улицам Карл-Маркс-Штадта.

Петер Заубер родом из западногерманского города Золлингена. Отец у него — владелец автомастерской. Семья живет в достатке. «У нас были трудные дни, но сейчас жаловаться не приходится: свой дом, небольшое, но свое «дело», два автомобиля... Пока есть деньги, нужно учиться. Хочу стать пастором...»

Падо Фейрано живет в Генуе. Отец у него докер. «...Три месяца назад отец был безработным. Сейчас работает в порту, но где гарантия, что завтра-послезавтра его снова не уволят...»

Олег Никорук живет в Курской области. Отец и мать работают в совхозе. «Люблю смотреть, как пасется стадо. Природа у нас красивая: лес, речка, луга... И вот по лугу медленно бредут коровы, будто красные сполохи по зеленому полю играют. Замечательная картина! Хочу стать художником, рисовать родную природу!»

Сабина Штурце родом из Карл-Маркс-Штадта. Отец у нее учитель, мать лаборантка. «...У меня три сестры, младшей три года. Очень люблю с ними возиться — такие они забавные. Мечтаю стать детским врачом...»

Ирина Дарие живет в румынском городе Бакэу. «Самое большое желание — выучиться на портниху, как моя мама. Хочу шить красивую одежду и радовать людей...»

Разные ребята в колонне, разные у них судьбы, к разным пионерским организациям они принадлежат. Но всех объединяет одно: желание жить в мире. И бороться за мир. Только в мире могут сбыться их мечты. Это понимает и будущий пастор, и будущий детский врач, и будущая портниха... Потому и вышли они на улицы, потому поют песни о мире, несут плакаты и транспаранты в защиту мира, скандируют призывы к миру.

А что жители Карл-Маркс-Штадта?

У них, конечно, свои заботы. Спешат куда-то, подхваченные вечной суетой большого города. Но вот появляется красочная пионерская колонна, на едином дыхании скандирующая: «Мир! Дружба! Нет — войне! Мир! Дружба! Нет — войне!» — и замедляют шаг люди, приветливо смотрят на ребят. И не только смотрят — сами становятся в ряды демонстрантов.

Прекрасно, когда не только сам шагаешь Маршем Мира, но и своим примером увлекаешь других.

Карл-Маркс-Штадт (бывший Хемниц) был основан в XII веке. Следы далекого прошлого заметны в облике нынешнего города.

Древние замки и современные здания из стекла и бетона мирно соседствуют в облике сегодняшних городов Германской Демократической Республики.

ЭКСПЕРИМЕНТ

28 июля. 5 часов утра. Холодно. Сыро. Нудный мелкий дождь, который час кряду долбит крыши домов, мостовую, поблекшую листву буков и лип. В такую погоду только спать.

Но у нас в этот час отправление из Вердау. Досыпать будем в автобусе, по пути в Берлин.

Последние три дня ребята жили в тихом, уютном городке Вердау в семьях немецких пионеров, с которыми познакомились в лагере. Три дня мы, руководители делегации, знали о них только понаслышке. Конечно же, волновались: как они там? Одно дело жить в семье русской, другое — в немецкой. Пусть в ГДР, в государстве дружественном. Но язык? Традиции?

Много было споров и суждений по этому поводу. «Пребывание в немецких семьях задумано как маленький эксперимент,— сказал нам Петер Франк. И поспешил успокоить: — Успех эксперимента я гарантирую!» И вот теперь мы с нетерпением ждем наших на Театральной площади Вердау. Здесь назначен сбор всей делегации. Ровно в 5.00.

Растет толпа. Площадь в разноцветье зонтов. Как назло, дождь усилился, будто хочет разогнать людей. Но никто не уходит. Под зонтами — кучки в три-четыре человека. Семьи. Наши ребята обнялись с немецкими. Молчат. Девочки не стесняясь плачут. Да и родители всхлипывают...

Досыпать в дороге не пришлось. Только уселись, только тронулся автобус и... пошло-поехало!

— В первый день до часу ночи слушали музыку — у Маргит такие записи! А сама она на скрипке играет. А еще поет, любит животных...— доносится чей-то возбужденный голос с первых сидений.

— ...Утром просыпаюсь, Штефан зовет завтракать. Иду. Ставят передо мной огромную сковороду жареной картошки с мясом. А у себя на тарелках скромно так, ну, как обычно у немцев: бутерброды, чай... Я говорю: «Мне столько картошки и за неделю не съесть!..» Как, удивляются, не съесть?! Мы слышали, русские по утрам всегда картошку с мясом едят. И много...— Это уже голос Сережи Берлизева.

— А мне сварили на обед суп. Сказали, первый раз варят суп по-русски, просили извинить, если что не так... У них-то супы все протертые, как кисель...— Голос Наташи Бугаевой.

— ...стали мы разучивать «Солнечный круг», а Марио говорит: «Я знаю эту песню на немецком. Хочешь, научу?» И разучивали: она — на русском, я — на немецком.— Голос Оли Каменевой...

И так до самого Берлина. Что ж, эксперимент прошел удачно. Надолго запомнится ребятам городок Вердау. Крепче будет дружба с пионерами-тельмановцами.

* * *

На вокзале Остбанхоф неожиданная, но приятная встреча: из Советского Союза вернулись немецкие пионеры. Помните, те, которые встречали нас 9 июля, а потом уехали в СССР со своим поездом дружбы. Кто-то из них отдыхал в Ленинграде, кто-то — в Калуге, кто-то — в Курске и Пскове.

Снова цветы, улыбки, дружественные рукопожатия.

— Как они отдохнули, спросите...— говорю Гале Ковнерь и киваю на немецких ребят.

— А что, не заметно как? — улыбается Галя.— Здорово!

Пронзительный свисток. Поезд трогается. Сверкнули трубы духового оркестра. Гулкое эхо разносит под сводами вокзала песню:

Дружба — Фройндшафт!
Дружба — Фройндшафт!
Вместе, навеки вместе
ГДР и Советский Союз.

Наша справка. *Первый поезд дружбы отправился из Советского Союза в ГДР летом 1962 года. С тех пор Бюро международного молодежного туризма «Спутник» отправляет до пятидесяти поездов дружбы ежегодно. Их маршруты — в Болгарию, Польшу, ГДР, Венгрию, Монголию, Чехословакию. Семнадцать тысяч комсомольцев и пионеров отдыхают каждый год в гостях у своих зарубежных сверстников. В канун XII Всемирного фестиваля из Москвы отправится интернациональный поезд дружбы, который пройдет через столицы предыдущих фестивалей (за исключением Гаваны). С поездами дружбы прибудут в столицу XII Всемирного фестиваля и интернациональные делегации детей — ваших сверстников из многих стран мира.*

**Фотографии автора
и В. ДУДКИНА.**

XII·МОСКВА·1985

Малая Пионерская Энциклопедия

Пионерская ПРАВДА

Есть в Москве небольшая улица недалеко от метро Новослободская — Сущевская. В доме № 21 вот уже долгие годы живет и трудится любимая газета пионеров всех поколений — «Пионерская правда» — орган Центрального Комитета ВЛКСМ, Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

«Пионерская правда» награждена тремя наградами Родины. Первый орден Ленина был вручен газете 9 июня 1945 года, 2-й орден Ленина — 14 июня 1950 года и орден «Дружбы народов» — 6 марта 1975 года. Эти награды газете — за большую любовь к пионерам, за организаторские дела, за участие в развитии детского коммунистического движения в нашей стране.

День рождения «Пионерской правды» — 6 марта 1925 года. На серой бумаге тиражом всего 20 тысяч экземпляров вышел тот номер. Но он дорог всем поколениям юных ленинцев потому, что с первого номера в большое плавание ушла веселая и задорная, мудрая и отзывчивая детская газета, которая сегодня печатается тиражом более 10 миллионов экземпляров. И у пионерских костров, на пионерских сборах всегда звучит звонкая песня:

«...Зелеными колоннами
Уходит наше детство.
Но снова возникают
На улицах ряды:
Идут отряды красные
горластые, вихрастые,
Газета пионерская
шагает впереди!»

В летописи «Пионерки» много ярких, неповторимых страниц. В 1927 году пионеры города Ленина бросили клич: «Соберем средства на постройку самолета «Пионерская правда». И такой самолет был построен! В 29-м году «Пионерская правда» развернула кампанию солидарности в защиту американского пионера Гарри Айзмана, которого американские власти бросили в тюрьму. И Гарри Айзман был вырван из застенков и приехал в Советский Союз, где нашел для себя вторую Родину. В 30-е годы «Пионерская правда» рассказывала о пионерах села, которые помогали строить новую жизнь. Со страниц «Пионерской правды» ребята узнали о первом пионере-герое — Павлике Морозове, которому в Москве на Красной Пресне открыт памятник. В конце 30-х годов «Пионерка» рассказывала о событиях в Испании, публиковала репортажи о встрече испанских детей на советской земле. Именно в эти годы газета призывала ребят учиться оборонять свою Родину, бороться за право получить 4 оборонных значка.

Когда грянула война, «Пионерская правда», как и все советские люди, оделась в солдатскую шинель. «Все для фронта, все для победы!» — к этому призывала партия весь советский народ. К этому призывала пионеров детская газета.

«Пионерка» рассказывала о юных героях, о тимуровских командах, о пионерских танковых колоннах и эскадрильях, построенных на средства юных ленинцев, печатала письма фронтовиков. Она помогала ковать краснозвездную гвардию.

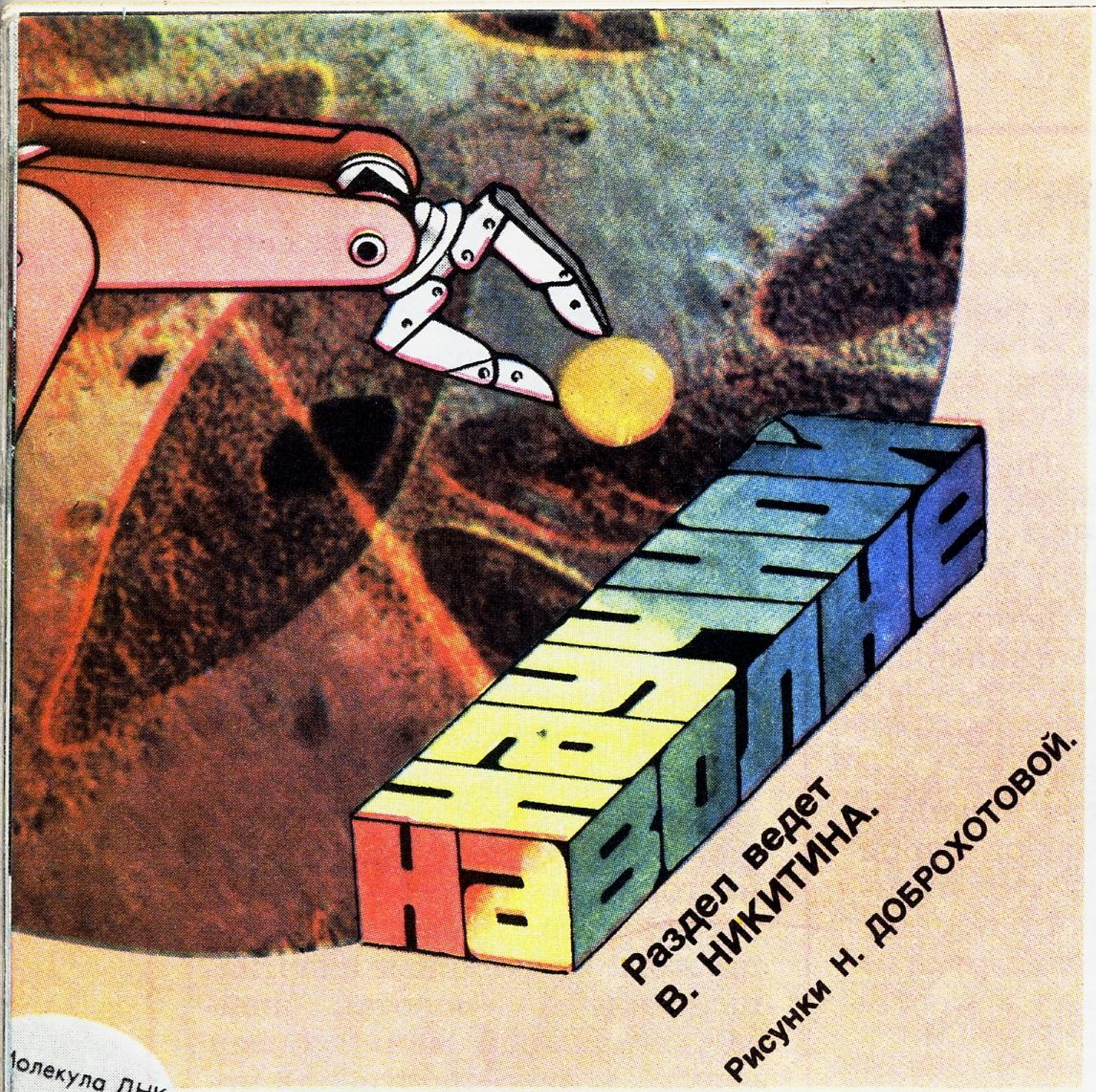
«Пионерка» всегда шагала вместе со страной, впереди пионерских колонн. «Пионерские сады», «пионерский металл», «пионерские кроликофермы» — эти слова родились на страницах детской газеты. И на ее призыв ребята собирали металлический лом для железной дороги Абакан — Тайшет, для сибирских ГЭС, для БАМа, по призыву газеты началась трудовая операция «Чукотка» по строительству Дворца пионеров в городе Анадыре. И сегодня горят огни этого чудесного пионерского Дворца — Дворца дружбы! Популярные спортивные клубы «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Белая ладья», военно-спортивная игра «Зарница», «Малая Тимирязевка», клуб «Светофор» и многое, многое другое родилось на страницах газеты, а затем навсегда осталось в жизни пионерских коллективов страны.

У «Пионерки» всегда было много друзей. И первым другом была сестра Владимира Ильича Ленина — Мария Ильинична Ульянова. Именно она при первых шагах газеты помогала ей добрым советом и участием. В «Пионерской правде» выступал Юрий Гагарин. Юные читатели помнят письма С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова, которые публиковались в «Пионерке». Со страниц газеты с ребятами разговаривали Максим Горький и Владимир Маяковский, а сегодня известные детские писатели, композиторы, художники ведут с читателями разговор о самом главном: кем стать и каким стать.

Каждый день «Пионерка» получает несколько мешков с письмами читателей-юнкоров. Регулярно на гостеприимной земле «Артека» «Пионерка» собирает юных корреспондентов, художников, фотографов, чтобы потом, приехав в свои дружины, они помогали газете, сообщали о самом главном.

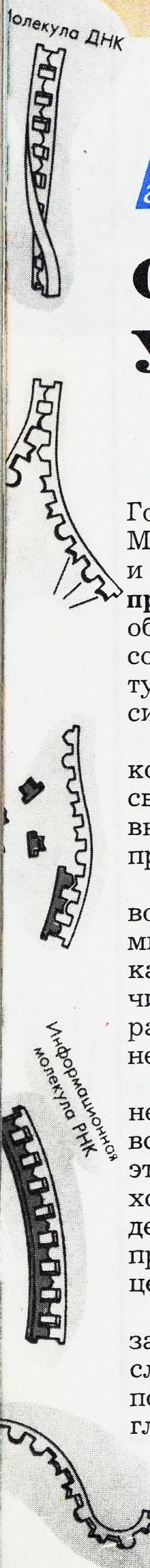
«Пионерская правда» — флагман пионерской печати, голос самих ребят и голос главного штаба пионерии — Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Слово газеты авторитетно — слово газеты как приказ к действию.

С днем рождения, «Пионерка»!



Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.



Тайны раскрытые и нераскрытые

ОСЯЗАНИЕ У МОЛЕКУЛ

Молодым ученым: Сергею Берестеню, Инне Горшковой, Георгию Невинскому из Москвы, Нине Моор из Новосибирска, Игорю Мадояну из Армении и Малику Нурбекову из Киргизии присуждена **премия Ленинского комсомола** за 1984 год. Тема их общей работы называется очень сложно: «Внерибосомный этап реализации генетического кода: структурно-функциональный анализ аминоацил-тРНК-синтез, тРНК и их взаимодействия».

Что же открыли лауреаты? Если сказать совсем коротко, то они уточнили, как живая клетка делает свои белки. Давайте отправимся в путешествие внутрь клетки и посмотрим прямо на месте, что там происходит.

Чтобы нам с вами поместиться в клетке, придется вообразить, что ее размеры увеличились в сто миллионов раз. Это очень удобное увеличение, каждая молекула белка тогда станет размером с читателя этого журнала, а ведь всегда проще рассуждать о вещах, сравнимых с нашим ростом, не правда ли?

Сама клетка в нашем увеличенном мире достигнет размеров стадиона или крупного завода. Как и всякий завод, она огорожена забором. Только здесь это называется клеточной оболочкой. Через «проходную» — одну из пор в этой оболочке — мы попадем внутрь, в цитоплазму. Но — внимание! — сейчас придется надеть акваланги, так как внутри клетка целиком заполнена водой.

Захватывающая картина открывается перед глазами. Повсюду в воде колышутся шаровидные или слегка продолговатые, метрового размера сгустки, похожие на очень больших медуз. Это и есть главные персонажи нашего рассказа — молекулы белков. «Медуз»-белков здесь тьма-тьмущая: много, много тысяч. И все они заняты делом — превращают одни вещества в другие, нужные клетке для ее жизни.

Но тут сразу хочется спросить, а как же делаются сами белки? Оказывается, в клетке-заводе есть специальные машины, или станки, которые производят белки. К такой машине мы как раз и подплываем. Выглядит внушительно — несколько метров в высоту. Это рибосома, не просто станок, а станок с программным управлением. Подобно такому станку, рибосома пропускает сквозь себя ленту, на которой записана инструкция сделать определенный белок. Если пропустить ленту с другим приказом, то рибосома сделает другой белок. Роль ленты с инструкцией исполняет молекула рибонуклеиновой кислоты, сокращенно РНК. Это длинная и тонкая цепочка, которая составлена из звеньев четырех видов. Звенья, чередуясь, как буквы в строчке, складываются в команду сделать белок.

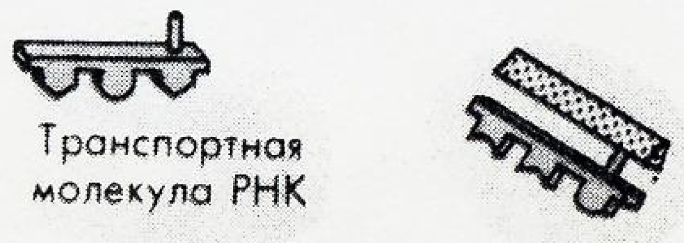
Но из чего же строятся сами белки? Тоже из молекул, совсем небольших, их называют аминокислотами. Набор деталей-аминокислот вроде бы невелик, их всего двадцать, но комбинаций из них можно составить бесчисленное множество.

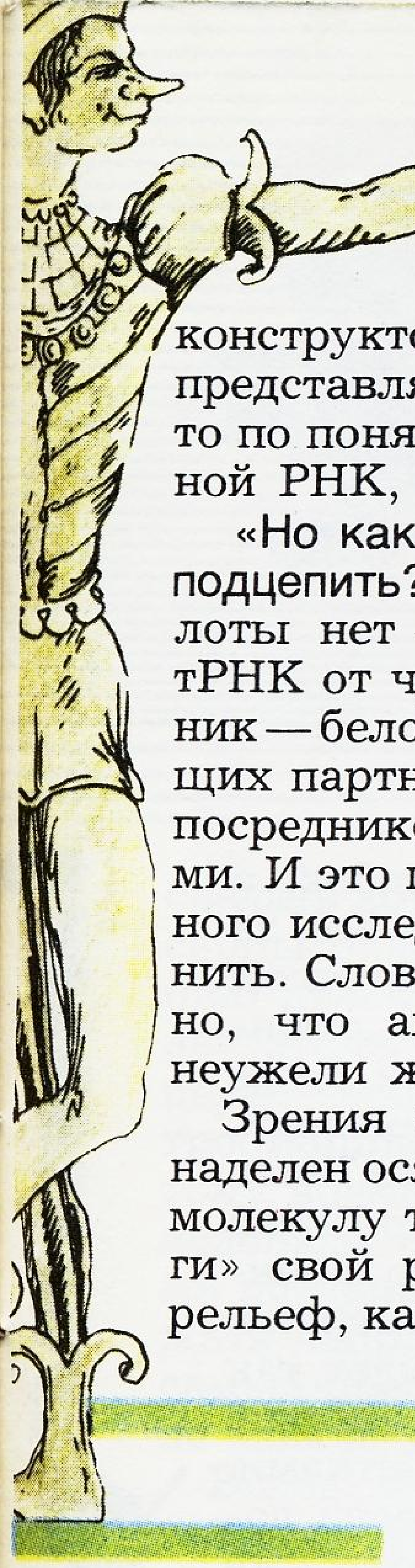
Рибосома читает инструкцию по слогам. За один раз прочитывает три буквы в ленте РНК. И в ответ наращивает в белке одну деталь. Для каждой из 20 деталей-аминокислот есть своя комбинация из трех букв. Таблица этих троек-звеньев и соответствующих им аминокислот называется генетическим кодом.

Прочитайте еще раз название работы, получившей премию Ленинского комсомола. Тс, с чем мы успели познакомиться в клетке,— это **рибосомный этап реализации генетического кода.** Но есть еще внерибосомный процесс, который идет параллельно.

Присмотримся получше к ближайшей рибосоме, которая ведет сборку белка. Мы видим, как сквозь нее скачками продергивается, слог за слогом, лента инструкции. С другого конца рибосомы свисает цепочка белка. Она постепенно сворачивается в плотный комок, который, когда цепочка будет достроена, и станет одной из тех «медуз», что встретили нас внутри клетки.

Вот мы уже совсем близко подплыли к рибосоме и видим около нее нечто, напоминающее формой кочергу. «Кочерга» тут не одна, их целый рой, и у многих на одном конце подвешена аминокислота. Ясно, что «кочерга» доставляет детали белкового





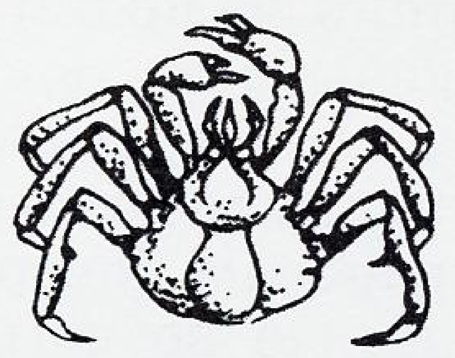
конструктора к месту сборки. И поскольку она представляет собой разновидность молекулы РНК, то по понятным причинам ее называют транспортной РНК, или тРНК.

«Но как же тРНК узнает, какую аминокислоту ей подцепить?» — спросите вы. Конечно, у аминокислоты нет глаз, чтобы она могла отличить свою тРНК от чужой. Ей помогает специальный посредник — белок, который умеет распознавать подходящих партнеров и соединять их друг с другом. Этих посредников называют аминоацил-тРНК-синтезами. И это последнее слово в названии премированного исследования, которое нам оставалось объяснить. Слово-то последнее, но если уже было сказано, что аминокислота не наделена зрением, то неужели же белок синтетаза способен видеть?

Зрения он, конечно, не имеет, но похоже, что наделен осязанием. Да, да. Белок как бы ощупывает молекулу тРНК и аминокислот. У каждой «кочерги» свой рельеф поверхности, белок читает этот рельеф, как буквы в азбуке для слепых. Мы пока не знаем, как именно он узнает подходящий ему рельеф, но можно представить, что посредник и молекула тРНК начинают подстраиваться друг к другу, прилаживаясь для более тесного контакта. И это не просто догадки — именно такие изменения формы удалось уловить молодым ученым-лауреатам с помощью очень чувствительных методов.

Благодаря их работе мы стали лучше понимать мир биологических молекул. Можно только удивляться, что молодые исследователи, не имея возможности, как мы с вами, «нырнуть» с аквалангом в клетку, сумели выведать столько ее секретов.

В. ИВАНОВ,
В. ЧЕРНИКОВА.



Знаешь?

В созвездии Тарантул обнаружена звезда, масса которой в 2500 раз больше массы Солнца.

* * *

Личинок крабов можно выращивать в инкубаторах.

* * *

В тропических лесах проживает около 30 миллионов видов членистоногих.

* * *

За последние сто лет человечество израсходовало столько угля, нефти и газа, сколько их образовалось за один миллион лет.

зачем? почему?

«Гляди — в тени болотные огни»

Правда ли, что ночью на болотах загораются танцующие огни? Хотелось бы увидеть их своими глазами, но идти на болото ночью страшно.

Митя КИРИЛЛЫЧЕВ, г. Москва.

«Из чрева болота вырывались облака отвратительных испарений, и было очень опасно и страшновато, и нужно было не бояться. Впереди маячили синеватые языки блуждающих огней, загадку которых надо было позарез — теперь это совершенно ясно — раскрыть...»

Как видно из этого отрывка, не только тебя, Митя, нашего современника, но и школьников XXII века — героев фантастической повести А. и Б. Стругацких «Возвращение» — манит тайна болотных огней. У загадки этой почтенный возраст. До нас дошли легенды, поверья, сказки об огнях, пляшущих на кладбищах и заманивающих путников в трясину. Но есть и документальные свидетельства. Например, знаменитый астроном XIX века Фридрих Бессель сам видел и описал это явление.

Блуждающие огни обычно появляются на болотах, на торфяных разработках, на свежеудобренной земле парников. Язычки такого пламени обычно не шире четырех сантиметров, а высота их от одного до двенадцати сантиметров. Они то стелются по земле, то плывут невысоко над нею. Живут, как правило, недолго, но люди видели болотные огни, горевшие часами и даже всю ночь напролет. А кое-кто наблюдал их и днем.

Пламя это не греет: если потрогать его рукой, то даже не ощутишь тепла. Но бывает, что блуждающий огонь поджигает вату, бумагу.

Рассказы о «танцах» таинственных огней скорее всего неверны. Просто-напросто язычки огня мгновенно вспыхивают, гаснут и тут же загораются по соседству. Вот и рождается иллюзия движения.

Какова же природа этого странного пламени? По-видимому, это горит какой-то газ, образующийся при распаде гниющих веществ. Но собрать этот газ пока никому не удалось. Ученые думают, что это смесь фосфористого водорода и сероводорода, которая может самопроизвольно загораться на воздухе.

Таинственного и страшного ничего тут нет, хотя известно об этом явлении не много. Нужно набраться храбрости и вести научные наблюдения. Герой повести Стругацких школьник Поль задумал написать поэму «Блуждающие огни» и сочинил к ней первую строчку — она вынесена в заголовок этой заметки. Хорошо бы оставить реальным людям XXII века побольше сведений о голубом пламени, танцующем на болотах.

Н. ПИПКО

КТО ЧТО ИЗОБРЕЛ

ЛАМПА, НЕ ИМЕВШАЯ ПРОВОДОВ

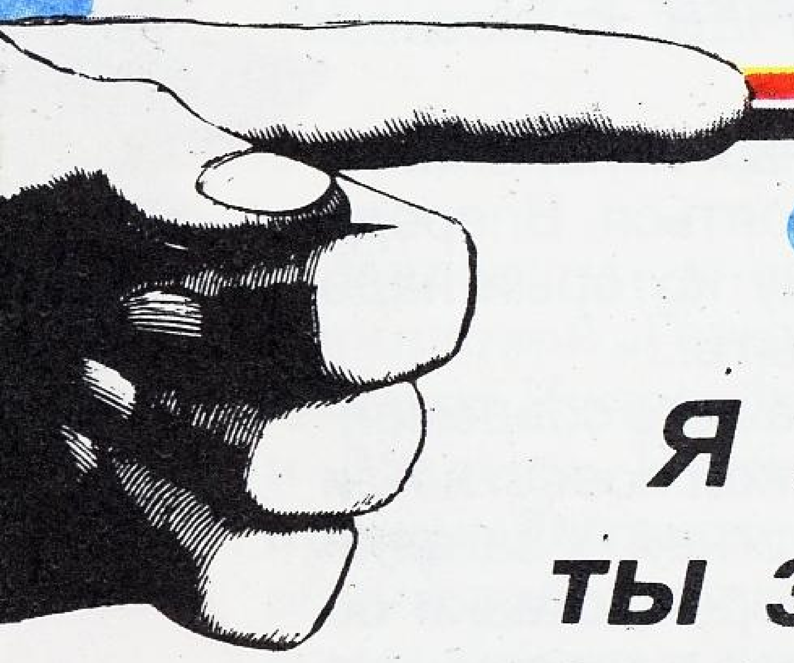
...А что тут особенного? Бывают же лампы керосиновые, масляные, газовые. Им провода не нужны. Но в том-то и фокус, что лампа, о которой я собираюсь рассказать, была электрической. И загорелась она давным-давно, в конце прошлого века.

Не знаю, жил ли когда на свете изобретатель более талантливый, чем ее создатель. Но в том, что не было более удачливого,— уверен. Его изобретения на глазах у всех. И дня не проходит, чтобы любой современный человек с ними хоть раз не столкнулся. С электродвигателем, счетчиком, трансформатором... Эти и многие другие обыденные технические чудеса изобретены человеком, имени которого многие из вас и не знают. А зря: Никола Тесла заслуживает того, чтобы его помнили.

Все слышали про великого Эдисона, который, не очень-то разбираясь в науках, сумел изобрести для нас десятки полезнейших вещей. Тесла же разбирался. Изобрел он, пожалуй, не меньше, но не вслепую, путем бесчисленных проб и ошибок, а осознанно, быстро и весело. Ему удавалось все, за что бы он ни взялся. Тесла владел множеством языков, увлекался стихами и знал творения любимых своих поэтов наизусть чуть ли не томами. Даже когда брался играть в бильярд, не знал себе равных.

Выходец из бедной сербской семьи, Никола Тесла сумел получить прекрасное образование, работал связистом и электриком в Австрии, потом во Франции, а на 28-м году жизни собрался в Америку. Денег у него едва хватило на пароходный билет, так что, сойдя летом 1884 года на пристань Нью-Йорка, он бренчал в кармане лишь медными монетками. Тем не менее, как рассказывают, пока Тесла добрался пешком до центра города, его капитал уже составлял 20 долларов: увидел по дороге электрика, мучающегося над неисправным генератором, тут же устранил поломку — и был вознагражден...

Тесла понимал, что будущее электротехники — не постоянный, а переменный ток. На постоянном, за который упорно держался прославленный американец Эдисон, далеко не уедешь. Трудно будет



В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Я знаю — ты знаешь — не знает никто

...Соседский кот Барсик спрыгнул с седьмого этажа — и остался невредим. Мишка поделился этой новостью с Сережкой, тот — с Леной, и назавтра о событии знал весь двор.

— Разве так надо выражаться? — возмутится иной эрудит.— Нужно говорить научнее: информация, мол, распространилась в широких кругах дворовой общественности.

Возмутится и будет не прав. Потому что сведения, знание — это одно, а информация — это другое.

Представьте себе: весть о геройстве Барсика разошлась по всему государству, ее передают друг другу незнакомые люди на рынках и в трамваях, бабушки рассказывают о нем своим внучкам, а те, когда состарятся,— своим. Предание о Великом Барсике передается далеким потомкам, и те не устают поражаться подвигам древних котов... Сведения о легендарном прыжке войдут в золотой фонд культуры, и... станут общедоступным знанием — но не информацией. Информация же появится не ранее, чем какой-нибудь педант эту удивительную историю запишет. Любым способом: на папирусе, на бересте, на бумаге или магнитофонной пленке... Важно одно: знание, как говорят ученые, должно отделиться от своих одушевленных носителей и закрепиться в какой-либо независимой от них материальной форме.

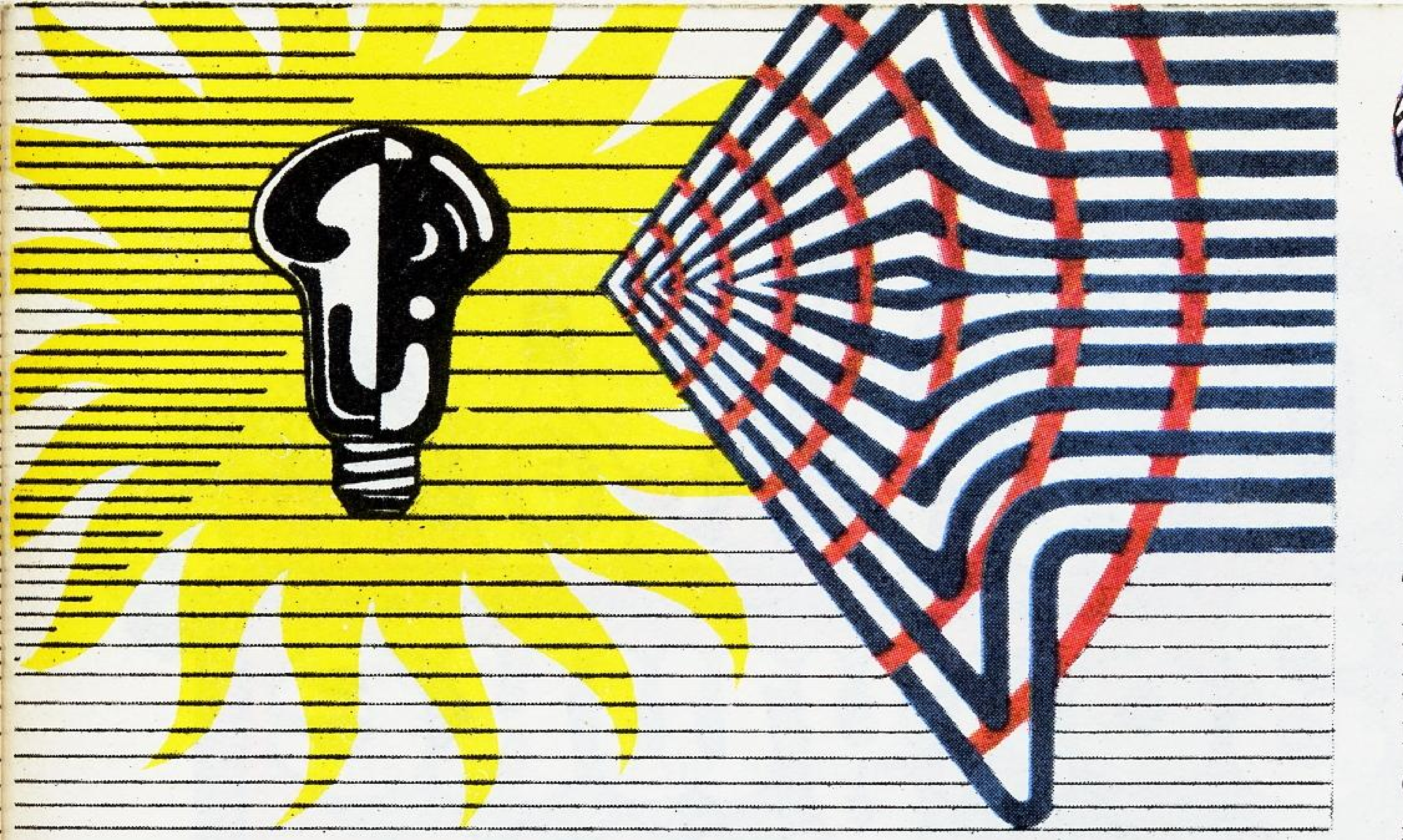
А не все ли равно — записано предание или нет? Разве Барсик станет от этого храбрее или трусливее?

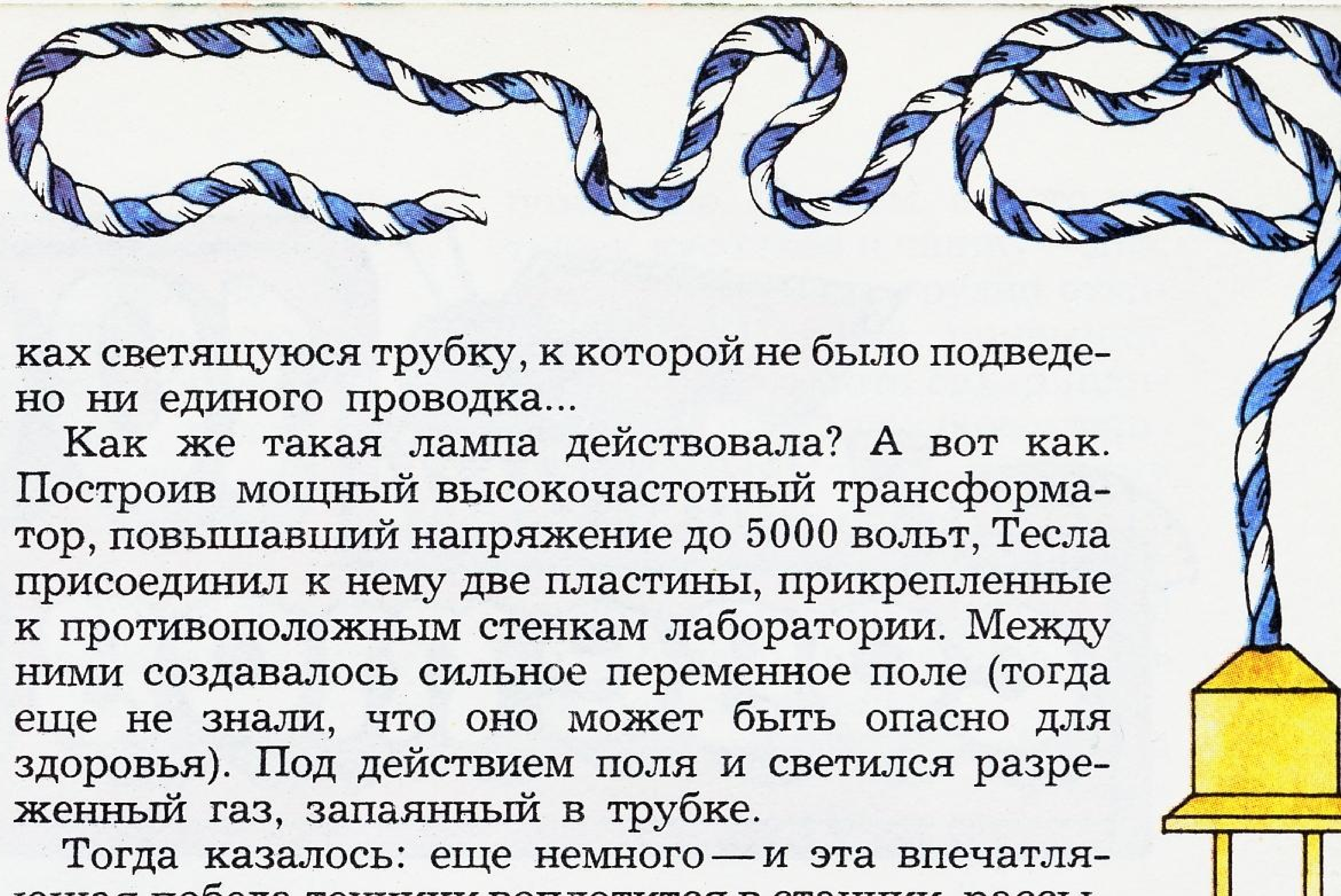
Ему, хвостатому, и в самом деле все равно. А вот для нашей, человеческой культуры запись — событие не менее важное, чем самый невероятный прыжок. Судите сами. Историки утверждают, что предшественниками современной цивилизации были древние греки и римляне, а до них — египтяне, шумеры... Что же, получается, до шумеров люди не жили?

Как бы не так — жили тысячелетиями. И культура у них (в этом убеждают находки археологов) была не такой уж скудной. Один был у нее недостаток: наши давние пращуры владели сведениями, знаниями — но не информацией. Проще говоря, не умели они свои достижения записывать. Вот почему считается, что наша, современная цивилизация пошла с шумеров — они первыми научились писать.

К каким потерям приводил обычай передавать сведения только изустно, покажу на примере. Древние римляне были искусными строителями. Воздвигнутые ими водопроводы — акведуки — в некоторых городах действуют до сих пор... Была у этих акведуков одна особенность: строились они так, чтобы вода в трубах текла под уклон. Было это сложно, дорого, но римляне, не знавшие закона сообщающихся сосудов, были уверены, что «в гору» вода не потечет...

Между тем этот нехитрый закон знали (точнее сказать, понимали), когда еще и Рима-то не было на земле. За две тысячи лет до нашей эры в столице древнего государства Элам действовал колодец, не иссякавший





сделать хотя бы мотор, не рассыпающий при работе снопы опасных искр. Тесла предложил конструкцию неискрящего, так называемого асинхронного двигателя. Чтобы добывать для таких двигателей переменный ток, изобрел турбину для гидроэлектростанций. И разработал проект крупнейшей по тому времени станции на знаменитом Ниагарском водопаде. Чтобы передавать энергию с наименьшими потерями, предложил повышать, а потом понижать напряжение — и изобрел трансформатор. Тот самый преобразователь напряжения, который ныне можно увидеть чуть ли не в каждой квартире.

Вслед за тем Тесла додумался до идеи колебательного контура — устройства, которое до сих пор остается основой схемы любого радиоприемника. Тем не менее изобретателем радио не стал. Радио создал в 1895 году русский ученый А. С. Попов. Теслу же в то время увлекало другое: он мечтал передавать без проводов не слабенькие радиосигналы, а полновесные порции энергии — для освещения, для работы моторов. Тогда-то и обошла весь свет фотография изобретателя, державшего в руках светящуюся трубку, к которой не было подведено ни единого проводка...

Как же такая лампа действовала? А вот как. Построив мощный высокочастотный трансформатор, повышавший напряжение до 5000 вольт, Тесла присоединил к нему две пластины, прикрепленные к противоположным стенкам лаборатории. Между ними создавалось сильное переменное поле (тогда еще не знали, что оно может быть опасно для здоровья). Под действием поля и светился разреженный газ, запаянный в трубке.

Тогда казалось: еще немного — и эта впечатляющая победа техники воплотится в станции, рассылающие энергию во все концы планеты, и каждый сможет получать ее прямо из воздуха. Тесла мечтал, что его открытие приведет к всеобщему миру, к благоденствию человечества... Каково же ему пришлось, когда капиталисты, начавшие было финансировать грандиозный проект «всемирного телеграфа», внезапно перестали давать ему деньги! Изобретатель писал воззвания, обращался к человечеству, к его разуму... Все было тщетно.

С высоты современного знания легко судить: Тесла, мол, ошибался, передавать энергию таким способом невозможно. Но разве не лучше было бы, если бы ему дали возможность самостоятельно разобраться в своей ошибке и переключить блестящий ум на другие, более реальные проекты?

Замечательный изобретатель прожил еще много лет в бедности, отойдя от дел. Его почитал весь ученый мир, однако новых идей Тесла уже не предлагал.

В. ИНОХОДЦЕВ

годами во время вражеских осад. Секрет его был прост: под землей водоем соединялся с озером, расположенным за городской стеной... Знание древних эламитов, однако же, пропало для человечества, не перешло в информацию. В результате много веков спустя приходилось городить красивые, но очень дорогие галереи акведуков.

Вы никогда не удивлялись: почему считается, что Америку открыл Колумб, а, скажем, знаменитый остров Пасхи — голландец Роггевен? Что, до них люди не знали в те места дороги? Как же — знали. В Америку задолго до Колумба плавали и норвежцы, и даже (по некоторым сведениям) древние египтяне; на остров Пасхи — древние индейцы. Но что толку? Они свои открытия не записали!

Вот и выходит: ты знаешь — расскажешь мне, значит, буду знать я. И больше никто. Но если перевести твое знание в информацию — сможет узнать весь класс, вся школа, все человечество...

А многие ребята (замечали?) ленятся записывать даже домашние задания.

П. САВКО

А теперь посчитайте сами!

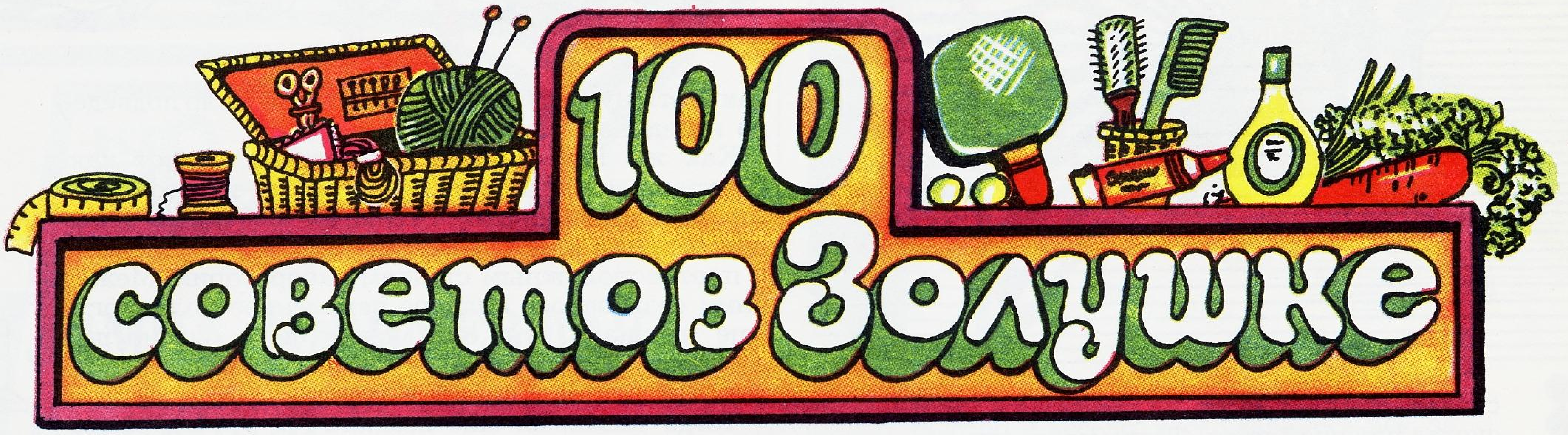
На стройке в Древнем Риме

На строительстве акведука древнеримский каменщик выкладывал в среднем за день участок длиной в 5 метров и высотой в 1 метр. Акведук длиной 20 км и средней высотой 10 м сооружали за 5 лет, работая по 200 дней в году. Сколько каменщиков трудились зря из-за незнания закона сообщающихся сосудов?

После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

20 000 × 10 = 200 000. 200 000 : 5 = 40 000 — столько «дневных норм» каменщика составляет все сооружение. Если эту величину разделить на 1000 — число рабочих дней за 5 лет, то получится, что все эти годы трудились впустую 40 мастеров. А кроме них — множество каменотесов, носильщиков... Вот во что обходится недостаток информации!

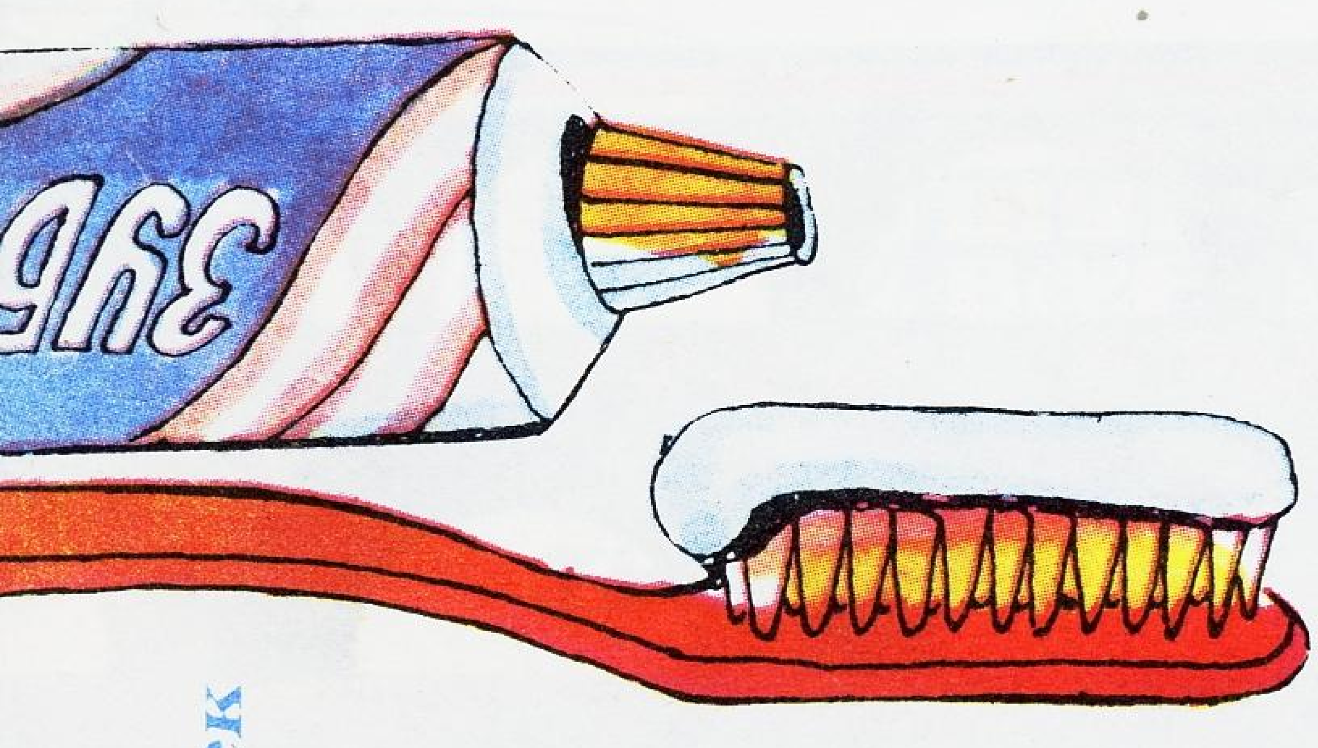


НЕОЖИДАННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

— Фе-ея! — Золушка звонила по телефону, и голос у нее был жалобный. — Понимаете, я тут жую морковку... Помните, вы мне посоветовали: «Вместо сдобной булочки лучше съешь свежую морковку». Но у меня что-то не очень получается. Булочку жевать все-таки легче.

— Что же за морковка тебе попалась?

— Да не морковка... — Золушка вздохнула. — У меня



справа один зуб болит. А слева вообще дырки.

— Справа один? А слева — вообще?! — Фея была удивлена. И даже возмущена.

Для всякой уважающей себя принцессы ситуация, когда справа один, а слева вообще, просто недопустима. И даже унизительна. Когда ты последний раз была у зубного врача?

— Я... Два года назад. Правда, у нас в школе зубной врач осматривал всех недавно. Но я... В общем, мы с ним не столкнулись.

— Трусишка несчастная... Как же ты собираешься стать принцессой? А знаешь ли ты, что Золушка со скверными гнилыми зубами чаще болеет ангинами? И вообще много болеет? А как выглядит Золушка, которая часто болеет, объяснять не надо: бледно она выглядит. Нет у нее ни розовых, свежих щечек, ни блестящих глазок, нельзя ей делать гимнастику, ходить на физкультуру, гулять на свежем воздухе. Я уж не говорю о том, что она отстает от своего класса и получает двойки. А Золушки-двоечницы не уверены в себе, у них плохое настроение, унылый вид. Знаешь ли ты, что из-за скверных зубов нарушается обмен веществ в организме и в результате: прыщики и даже то, что ты толстеешь. Знаешь ли ты, что ничто так не украшает Золушку, как чистое, свежее дыхание и гладкие, блестящие, белые зубки. Иногда можно встретить совсем молодых девушек, которые, улыбаясь, ослепляют блеском металлических коронок. Откуда эти девушки берутся? Из таких Золушек, как ты.

— Прошу вас, остановитесь, — взмолилась Золушка. — Я все поняла. Все. Я, наверное, завтра пойду к зубному.

— Не наверное, а обязательно. Потому что иначе я не дам тебе больше ни одного совета. Бессмысленно заниматься превращением в принцессу Золушки, у которой справа один, а слева вообще...

— Я обязательно пойду, — повторила Золушка.

— Ну, хорошо, — голос Феи стал мягче. — Тогда давай повторим то, что все Золушки знают, но не все Золушки делают.

Зубы чистят утром и непременно вечером, а еще лучше после каждого приема пищи. Если такой возможности нет, надо хотя бы прополоскать рот или съесть яблоко. Чистить надо очень тщательно. Не бойся потратить на это время, двумя-тремя минутами здесь не обойдешься. Щетку надо менять каждые два-три месяца, старая, мягкая не годится. Когда чистишь зубы, не води щетку туда-сюда, вверх-вниз, это неправильно. Клади щетку на десну и, крепко нажимая, веди с десны на зуб. Зубы при этом не сжимай, получится, что верхние и нижние зубы ты чистишь как бы отдельно. Но начинать надо непременно с десен, такой массаж для них просто необходим.

Очень хороша наша паста «Жемчуг». Некоторые феи, почистив зубы, даже намазывают ею десны и какое-то время не смывают. Это очень десны укрепляет. Хорошо также, чтобы в ванной был раствор морской соли — одна ложечка на стакан воды. Прополаскивая зубы, полезно подержать немного этот, в общем довольно противный на вкус, раствор во рту.

Не перекусывай ниток, когда шьешь, не грызи орехов, леденцов и карамелей. И ОБЯЗАТЕЛЬНО ХОДИ К ЗУБНОМУ ВРАЧУ НЕ МЕНЬШЕ ДВУХ РАЗ В ГОД. Обязательно.

— Вот тогда, — Фея улыбнулась, — Золушки превратятся в настоящих принцесс с чистым, свежим дыханием и белыми блестящими зубками. Конечно, тем несчастным Золушкам, которые в твоем возрасте уже пробуют курить — ужас, но и это бывает, — таких зубов никогда не видать. Зубы у них станут серыми и желтыми: печальное зрелище не только для принцев, но и для любого чело-

века, которому приходится с ними разговаривать и стоять близко.

— Кстати,— заметила Фея, уже собираясь прощаться,— катастрофическое положение твоих зубов отвлекло нас сегодня от наших обычных занятий... ты делала гимнастику в этом месяце?

— О, да.

— Надеюсь, ты не ленилась и не пропускала ни одного дня?

— О, да.

— Надеюсь, однако, что ты не торопилась, не доводила себя до изнеможения, занималась гимнастикой с удовольствием и привыкала к ней постепенно?

— О, да. Так оно все и было, пока не заболели зубы.

— Ну что ж, в следующий раз, когда ты побываешь у врача и твои зубы будут в порядке, я покажу тебе новые упражнения.

— Упражнения, упражнения.. А я вот знаю одну девочку... Ей удалось похудеть ужас на сколько килограммов! И без всяких упражнений. Потому что у нее сила воли.

— Возможно.— Фея не любила спорить.— Но уверяю тебя, если она не заболеет от такого применения воли, то обязательно поправится снова. Принцип «все или ничего» не приносит удачи ни в чем, тем более в питании. Лучше скажи, сколько ты кладешь в чай кусочков сахару?

— Четыре.

— О-о...— Фея по-настоящему испугалась.

— Фея, да ведь это мелочи...

— Опять «мелочи»! Давай не будем про них забывать. Я даже предлагаю завести такой раздел на «Страничках для девочек».

Если Золушка весит больше, чем положено при ее росте, сахару в чай ей стоит класть поменьше. Скажем, вместо четырех кусочков в чашку — два, а то и один. Если трудно отказаться от старой привычки, попробуй поколоть сахар щипчиками. Таких кусочков в чашку можно класть по-прежнему четыре. К тому же, когда в сахарнице будет «маленький» сахар, меньше вероятность, что ты забудешь и станешь пить чай переслащенным.

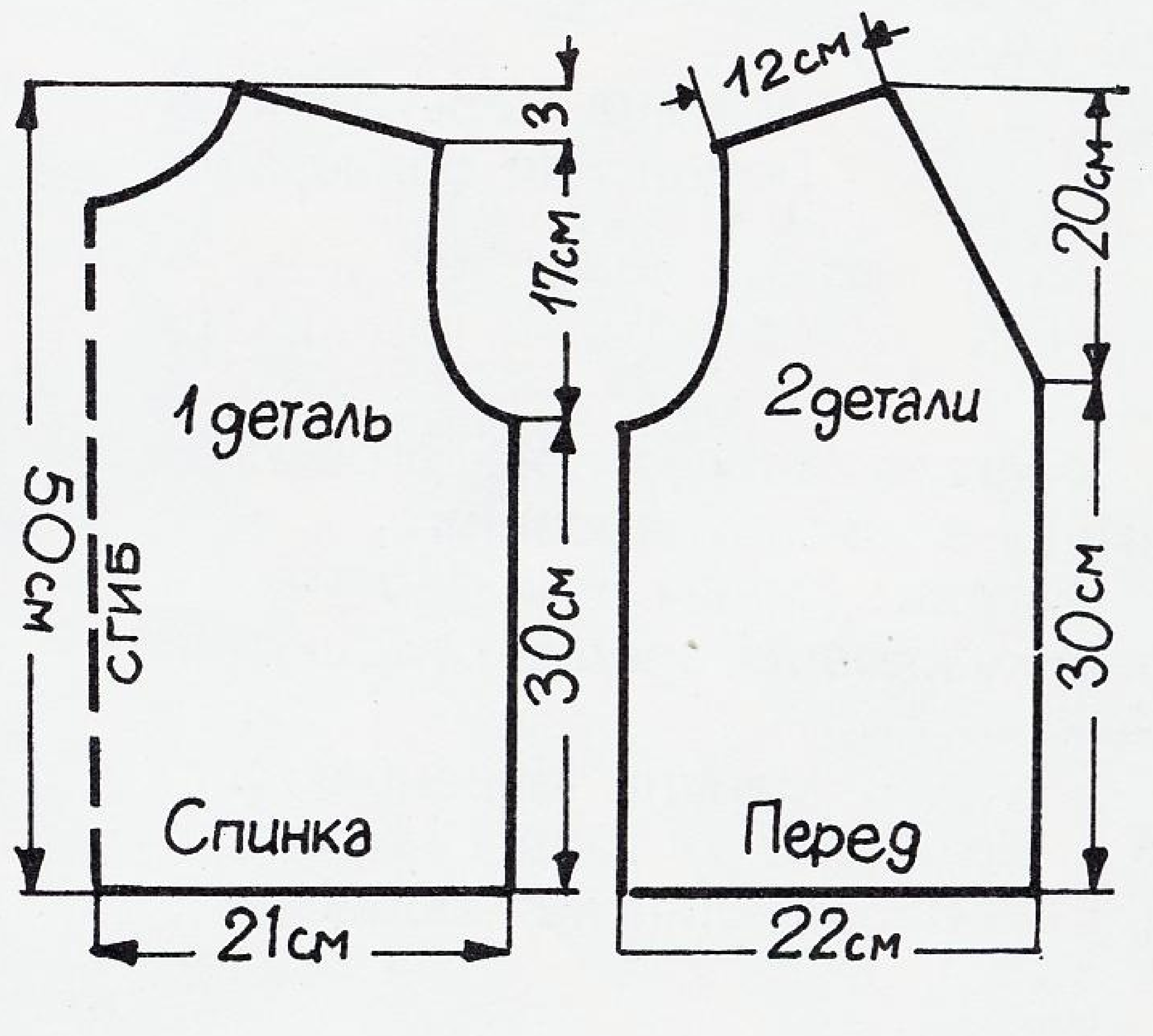
— Попробую, — пообещала Золушка. И вдруг погрустнела.— Ой, мне ведь еще к зубному...

— Лучше думать не о том неприятном, что тебе предстоит, а о том хорошем, что будет потом,— посоветовала Фея.— Допустим, ты достала билеты на концерт. Реши так: концерт завтра, а сегодня я пойду к зубному. Глупо сидеть на хорошем концерте с плохими зубами! И пока не схожу к зубному, никакого мне концерта. Или так: схожу к зубному, а потом открою... Золушкин сундучок!

И Фея исчезла.

В доме обычно много лоскутков. И если Золушке нравятся яркие, забавные, необычные вещи, она вполне может сшить себе из лоскутной ткани жилет.

Остатки пестрой набивной ткани надо разрезать на одинаковые квадратики и сшить на машинке. Чтобы швы были незаметны, лучше посадить получившуюся лоскутную ткань на подкладку. А между подкладкой и тканью вложить поролон и квадратики простегать. Края сшитого жилетика лучше обтачать однотонной тканью.



Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Составь предложение со словом «узкий».
Ученик: На скамейке сидел узкий человек...

Татьяна Щепкина,
Удмуртская АССР.

* * *

Учитель: Образуй предложение с деепричастным оборотом.
Ученик: Открывая дверь, пело радио...

Андрей Сидоров,
г. Горький.

* * *

Учитель: Напомни, что мы проходили на прошлом уроке русского языка?
Ученик (напряженно задумавшись): ...Синтетику!

Светлана Селезнева,
г. Саратов.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Что ты можешь рассказать о степных птицах?
Ученик: Например, дрофа имеет длинные ноги, чтобы лучше видеть!

Марина Череватая,
Тюменская область.

* * *

Учитель: Какую роль играют птицы в жизни человека?
Ученик: Птицы помогают человеку клевать вредных насекомых!

Манула Меренбаева
и Таня Смагула,
Карагандинская область.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: Какими видами спорта занимались древние спартанцы?
Ученик: Бегом, метанием диска, дзюдо.

Алексей Шаталин,
Липецкая область.

* * *

Учитель: В какие группы собирались древние люди? Как именовались эти группы?
Ученик: Табунами!

Таня Дубова,
г. Пермь.

Из школьных сочинений

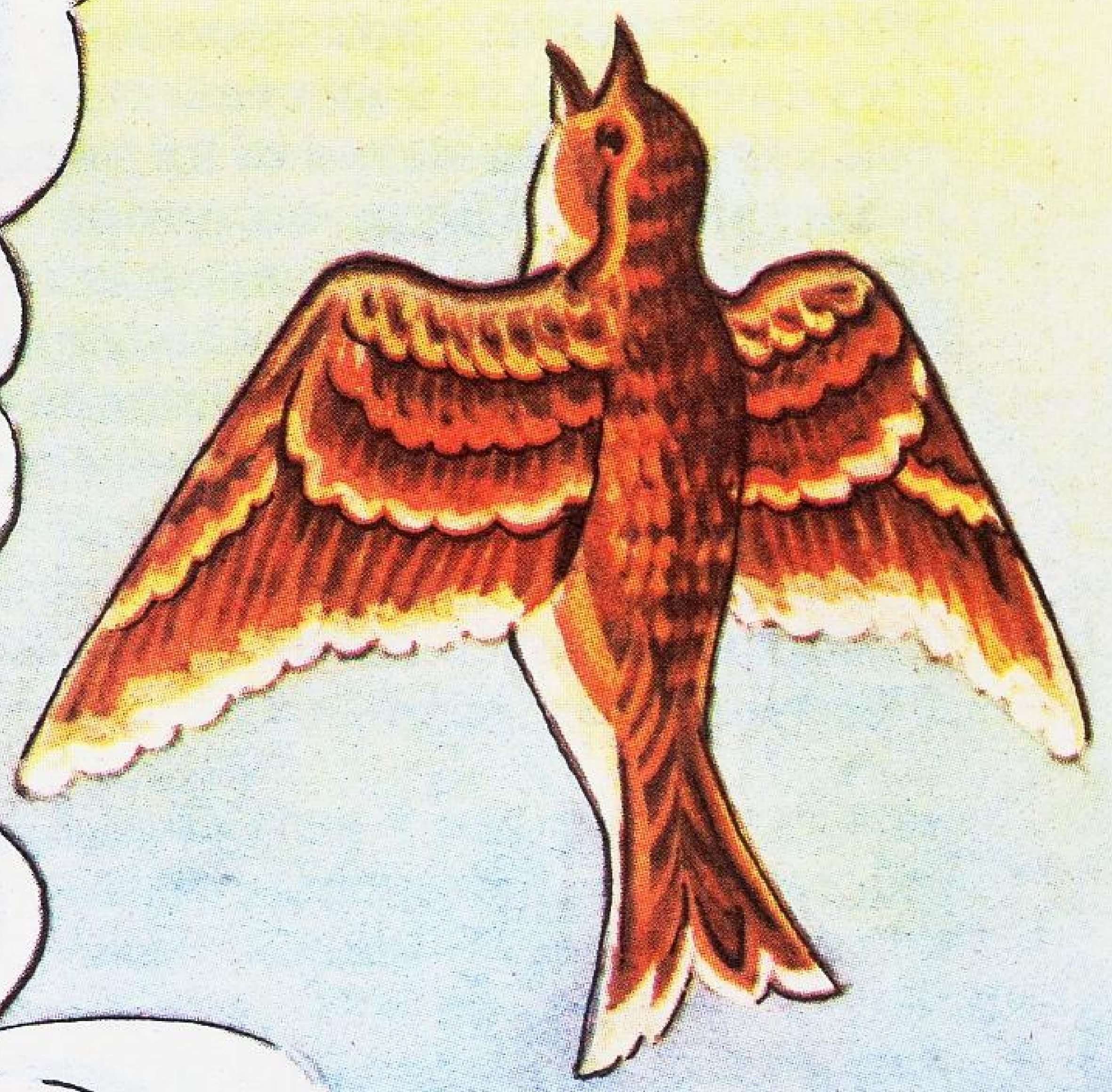
«У костра Метелица увидел тень в рваных штанишках и сапогах не по плечу».
«Зимний воздух, чистый и морозный, щипал щеки за нос».
«Он вытер слезы, закинул за плечо и пошел домой».
«На балконе стояли мама, Вова и банка с вареньем».
«По двору ходили утки, гуси и другая домашняя утварь».
«Это произошло в прошлом тысячелетии нашего века».
«Пришла с работы усталая мама и сказала: «Ох, голова с ног валится».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Ведет А. ПЛЕШАКОВ.
Научный консультант — доктор биологических наук, профессор А. В. ЯБЛОКОВ.

ЖАВОРОНОК



Рано весной, едва появятся на полях первые проталины, вернутся из теплых краев жаворонки. Поля, пастбища и луга — вот их дом. С первых дней весны и до середины лета будут слышны здесь их песни.

Жаворонок — одна из немногих птиц, которые поют на лету. С песней он кругами поднимается все выше и выше, с песней быстро опускается вниз, замолкая лишь недалеко от земли. Две-три, а иногда и десять-двенадцать минут не умолкая, выводит жаворонок свои звонкие песенки. Опустится на землю, но вскоре снова взлетает и снова поет...

НАШЕ ЗАДАНИЕ

Понаблюдай, как с приближением весны меняется поведение зимующих птиц — синиц, воробьев, дятлов. Отметь, когда ты в первый раз услышал в этом году песни жаворонка, скворца, зяблика?

НАДО СПАСАТЬ СЛОНОВ

В опасности самые большие животные суши — слоны! Их вытесняют пашни и пастбища, убивают браконьеры. Ради баснословно дорогих слоновьих бивней браконьеры убивают в год десятки тысяч слонов.

Африканских слонов на земле сейчас осталось чуть больше миллиона, это на двадцать процентов меньше, чем было тридцать лет назад. Еще тревожнее судьба слонов другого вида — азиатских. Их осталось всего 30—40 тысяч (не считая прирученных, живущих в неволе). Особенно мало теперь слонов с крупными бивнями — они почти все уничтожены браконьерами.

Ученые требуют, чтобы слоны были взяты под строгую охрану! Но как же поступать в тех случаях, когда эти великаны приходят на плантации масличных пальм или других растений и начинают там «хозяйничать»? Специалисты предлагают отпугивать их магнитофонной записью рычания тигра. Предлагают также подсылать к диким слонам их прирученных родичей, чтобы они уводили своих собратьев с плантации. Прирученные слоны знают до сорока команд человека и хорошо выполняют их.

Людям надо спасать слонов. Нельзя допустить, чтобы эти замечательные животные исчезли с лица земли!

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

ЗВЕЗДЫ НА МОРСКОМ ДНЕ

Эти яркие, причудливой формы живые существа были известны еще древним грекам. Именно греки назвали их звездами, морскими звездами... Среди полутора тысяч морских звезд, известных ученым, есть совсем маленькие, а есть и гиганты. Самая крупная морская звезда весит четыре с половиной килограмма и имеет диаметр восемьдесят сантиметров! Почти все красавицы звезды — хищницы. Они бесстрашно нападают на других обитателей морского дна — на моллюсков, рачков и даже на морских ежей.

Рисунки С. СОКОЛОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

6 марта 1985 года исполняется 150 лет со дня рождения М. А. Ульяновой .... II обл.
Слово о матери. — Отрывки из поэмы А. Костецкого 1
Верность. — М. Матвеева 2
На Гран-рю. — Повесть М. Прилежаевой. Рисунки С. Трофимова. Продолжение 5
Навстречу XII Всемирному 15
Отряд говорит с отрядом 16
Самостоятельное решение
Кто спасет от одиночества. — Н. Давыдова. Рисунки А. Мелик-Саркисяна 18
Дежурный. — Стихотворение Е. Флорентьевой. Рисунок Ю. Карповой 21
Тайна пирамиды. — Повесть В. Крапивина. Рисунки Е. Стерлиговой. Продолжение 22
Боевой листок 31
Точка на карте
У Запорожья — трудовой характер. — А. Масс. Фотографии Д. Германа 32
Ключик-замочек. — Рассказ Л. Кузьмина. Рисунки С. Острова 34
«Кораблик» 44
Кругосветное путешествие «Пионера»
Дружба — фройндшафт! — В. Рыбин. Фотографии автора и В. Дудкина 46
Малая пионерская энциклопедия 55
На научной волне 56
Сто советов Золушке. — И. Николаева, М. Хадарцева. Рисунки А. Вовиковой 60
Переменка .... 62, III обл.
Про птиц и зверей. — Ведет А. Плешаков 63
Моя страна. — Музыка Н. Пескова. Стихи М. Пляцковского ..... IV обл.

На обложке:
Фестиваль в Москве — фестиваль везде! — Рисунок Л. Хачатряна.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **И. В. ФОМИЧЕВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.01.85.
Подписано к печати 16.01.85. А 04509. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1685000 экз. Изд. № 533. Заказ № 30.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Шумите на здоровье!..

(Репортаж с киностудии «Мосфильм»)

— Не шуми! — говорит мама, когда вы чересчур «разойдетесь». А вот на киностудии «Мосфильм» работают люди, для которых шуметь — это самое главное дело в жизни. Их профессия называется «звукооформители», или, как еще говорят, «шумовики». Наш корреспондент ***Марина ПОТОЦКАЯ*** *рассказывает о том, как работает бригада звукооформителей.*

...В большом полутемном зале сидели на корточках две вполне взрослые женщины с обычными полиэтиленовыми кружками в руках. Под ногами у женщин, как островок в паркетном полу, был выложен кусочек булыжной мостовой.

— Готовы? — спросил строгий голос откуда-то сверху. — Мотор!..

На киноэкране перед женщинами беззвучно понеслись кадры какого-то фильма. Но как только на экране появилась коляска, запряженная парой лошадей, тотчас же зацокали копыта: это женщины в такт лошадиной поступи постукивали кружками по булыжникам! Лошади мчались, останавливались, переступали с ноги на ногу... И в лад их движениям «цокали» кружки по мостовой.

— Записано! — сказал строгий голос. — Теперь, пожалуйста, драку!..

На экране возникла веселая беззвучная потасовка. Участвовало в ней человек шесть. А в зале женщины озвучивали происходящее: топали, махали руками, шуршали, хлопали, поворачивались... И все это удивительно синхронно, точно, четко, как будто танцевали какой-то необычный танец!

— Записано! Перерыв!

В зале зажегся свет, и я увидела кругом неизвестно зачем попавшие сюда вещи: садовые калитки без сада, оконную раму без окна, сломанный велосипед... На столе свалены в кучу старые замки, щеколды, какие-то цепочки, в общем, те самые «железки», которые многие мальчишки любят собирать и притаскивать домой, несмотря на протесты мам. А здесь этими «железками» явно дорожили!

— Это наше хозяйство, — говорит бригадир звукооформителей Ирина Дмитриевна Кислова. — Послушайте, как замечательно скрипят эти калитки — у каждой свой собственный голос... Есть у нас и маленький бассейн, и весло, если нужно «сделать» бурю... Большой барабан из реек «изображает» шум ветра, щит с горошинами — плеск моря...

— И вы помните, как что звучит?

— Конечно, помним, а главное, все время ищем новые звуки, новые предметы, которые нам могут пригодиться для озвучивания фильмов.

— Извините, а зачем вот этот мешочек? Что в нем?

— Картофельная мука, крахмал. Попробуйте помять его в руках — сразу догадаетесь, зачем он нам нужен.

Я послушно мну мешочек... Получается, как будто чьи-то шаги по снегу! Ирина Дмитриевна кивает: верно, угадала!

— А если на экране герои не только по снегу ходят? Как тогда вы эти шаги озвучиваете?

Ирина Дмитриевна приподнимает ковер на полу, и под ним открываются полоски земли, песка, гравия...

— По каждой из них пройдете — шум шагов будет разным. К тому же и ходят все люди по-разному. Так что, когда мы озвучиваем чьи-нибудь шаги, движения, то непременно «входим в образ», а не просто «шумим».

— Ирина Дмитриевна, а как становятся звукооформителями? Где-нибудь учат этому искусству?

— Когда к нам в бригаду приходит новенький, мы учим его всем нашим премудростям в работе. Но не всякий может стать специалистом-звукооформителем! Необходимо иметь прекрасный музыкальный слух, терпение, вкус... И конечно, «шумовик» должен иметь специальное музыкальное образование.

Снова гаснет свет...

— А сейчас запишем аплодисменты, — объявляет звукооператор Греч.

— Похлопайте с нами! — приглашает меня Ирина Дмитриевна.

Я, волнуясь, подхожу к микрофону, ведь одно дело — наблюдать за работой звукооформителей, а другое — «шуметь» самой!

Гаснет свет в студии, с экрана мне улыбаются симпатичные юноши и девушки, вот они начинают беззвучно бить в ладоши... Я хлопаю за них, стараюсь изо всех сил... И потом в первый раз в жизни меня хвалят за шум!

...А когда я уходила домой, то узнала, что сегодня бригада звукооформителей работала над музыкальной комедией «Лопух» и Виктория». Когда вы, ребята, будете ее смотреть, то сами услышите все, про что я рассказала.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

МОЯ СТРАНА

Музыка Н. ПЕСКОВА

Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО

Как хорошо тебе и мне
Жить в нашей солнечной стране!
Нет ничего для нас милей
Ее лесов, ее полей.

ПРИПЕВ:

Страна моя, страна моя —
Республик дружная семья.
Про эту дружную семью } 2 раза
И ты поешь, и я пою!

Она просторна, велика —
От снежных гор до ручейка.
От белых вишенных садов
До голубых чукотских льдов.

ПРИПЕВ.

Моя любимая страна
Непобедима и сильна.
Недаром видит вся земля
Свет негасимых звезд Кремля.

ПРИПЕВ.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.